

Костанайский региональный университет имени Ахмет Байтұрсынұлы

УДК 81'1-027.21

На правах рукописи

8D02302 – Иностранная филология (английский язык)

НУРМАГАНБЕТОВА АНИПА АДильХАНОВНА

Коммуникативные стратегии порицания в дискурсе политического интервью

Диссертация на соискание степени
доктора философии (PhD)

Научные консультанты:

кандидат филологических наук,
ассоциированный профессор
(доцент) Монгилёва Н. В.
доктор филологических наук,
профессор Чудинов А.П.
УрГПУ (Екатеринбург, Россия)

Республика Казахстан
Алматы, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ	3
ВВЕДЕНИЕ	5
1 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА И ФЕНОМЕНА ПОРИЦАНИЯ	12
1.1 Принципы анализа дискурса в рамках функциональной парадигмы	12
1.2 Специфика дискурса политического интервью в пространстве политической коммуникации	18
1.3 Критический подход к исследованию политической коммуникации	27
1.4 Порицание как речевой акт и прагматическая категория	34
1.5 Американское политическое интервью в контексте национальной лингвокультуры	45
Выводы по первому разделу	52
2 КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ПОРИЦАНИЯ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА	55
2.1 Понятие коммуникативной стратегии и тактики в лингвистике	55
2.2 Особенности коммуникативных стратегий и тактик в американском политическом интервью	63
2.3 Систематизация коммуникативных стратегий и тактик порицания	68
2.4 Методология исследования речевых стратегий порицания в дискурсе американского политического интервью	81
2.5 Социальные и культурные факторы реализации стратегий порицания в интервью Дж. Байдена и Д. Трампа	85
Выводы по второму разделу	101
3 ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ И КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СТРАТЕГИЙ ПОРИЦАНИЯ	103
3.1 Доминантные стратегии и тактики в речевом поведении Дж. Байдена и Д. Трампа	103
3.2 Лексико-стилистический инструментарий реализации порицания	129
3.3 Стратегии конфронтации и альянса в речевом поведении журналиста в условиях политического интервью	135
3.4 Коммуникативные стратегии порицания в интернет-комментариях к политическому интервью	145
Выводы по третьему разделу	156
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	158
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	161
ПРИЛОЖЕНИЯ	175

ОПРЕДЕЛЕНИЯ, ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

В диссертации применяются следующие термины с соответствующими определениями:

Политический дискурс – это совокупность дискурсивных практик, идентифицирующих участников и формирующих тематику политической коммуникации.

Агональность – коммуникативная характеристика политического дискурса, отражающая его конфликтную, состязательную природу и направленность на противоборство позиций.

Политическое интервью – жанр политического дискурса, представляющий собой диалогическое и медиатизированное коммуникативное событие, характер которого определяется коммуникативной целью участников и направлен на формирование общественного мнения посредством стратегического речевого взаимодействия.

Дискурс американского политического интервью – гибридный институционально-медийный жанр, функционирующий в рамках трехсубъектной модели коммуникации, специфика которого обусловлена ценностями американской лингвокультуры — установкой на подотчетность власти, низкоконтекстностью и прагматизмом.

Социальные факторы – элементы контекста политического интервью, связанные с общественными структурами и отношениями, включая институциональные роли участников, социальный статус, распределение власти, идеологическую принадлежность, политическую поляризацию и доминирующие общественно-политические дискурсы, которые обуславливают выбор и реализацию стратегий порицания.

Культурные факторы – система национальных ценностных доминант и базовых когнитивных матриц «Строгий отец» и «Заботливый родитель», которые детерминируют идеологическое мировоззрение политика и предопределяют вектор выбора стратегий порицания в политическом интервью.

Коммуникативная стратегия – комплекс вербальных и невербальных средств выражения в процессе общения определенных интенций и побуждения оппонента к необходимым реакциям.

Коммуникативная тактика – один или несколько последовательных речевых ходов, реализующих определенный этап коммуникативной стратегии.

Порицание – комплексная прагматическая категория и системная макростратегия политического дискурса, направленная на делегитимацию оппонента. В американской лингвокультуре концептуализируется через институциональное осуждение и атрибуцию вины, выступая инструментом борьбы за символическую власть.

Коммуникативные стратегии порицания в политическом интервью – комплекс речевых действий, направленных на выражение негативной оценки действий, взглядов, личностных качеств оппонента или третьего лица с целью делегитимации объекта критики перед массовым адресатом.

Речевой акт порицания – минимальная единица речи, обладающая иллокутивной силой негативной оценки. В американском политическом интервью чаще всего функционирует в статусе инфлуктива, выступая в роли вербальной санкции или инструмента регулирования политического статуса адресата.

Инфлуктив – класс экспрессивных речевых актов, совмещающих в себе эмоционально-оценочное отношение и целенаправленное воздействие на адресата. В политическом дискурсе служит инструментом вербальной санкции.

Функциональная транспозиция – лингвопрагматический механизм, при котором высказывание, формально имеющее структуру нейтрального сообщения о факте, иначе констатива, в условиях агонального диалога приобретает иллокутивную силу порицания, т. е. инфлуктива.

Речевые средства реализации порицания – совокупность лексических единиц, грамматических конструкций и стилистических приемов, выступающих инструментом объективации скрытой или явной интенции дискредитации оппонента в целях последующей делегитимации.

Легитимация – дискурсивный процесс и совокупность речевых стратегий и тактик, направленных на обоснование, оправдание и представление действий, решений, позиций или статуса политического актора как социально приемлемых, нормативно оправданных и заслуживающих поддержки со стороны аудитории.

Делегитимация – дискурсивный процесс и совокупность коммуникативных стратегий и тактик, направленных на подрыв, отрицание или снижение социальной, политической и моральной обоснованности действий, решений, статуса или личности политического актора в глазах аудитории.

Дискурсивная диффузия – процесс проникновения, репликации и радикализации коммуникативных стратегий, в частности, порицания, заданных политическими лидерами и журналистами, в реактивный дискурс массовой аудитории на посткоммуникативном этапе.

КДА – критический дискурс-анализ

SC – Subject of communication

СКФ – социокультурные факторы

РА – речевой акт

КС – коммуникативная стратегия

КТ – коммуникативная тактика

ВВЕДЕНИЕ

Современный политический дискурс представляет собой многоаспектное явление, имеющее тенденцию к расширению сфер использования. Политическое интервью, являясь одним из ключевых жанров политического дискурса, становится ареной, на которой разворачивается борьба за общественное мнение. В данных коммуникативных условиях феномен порицания трансформируется из отдельного речевого акта в стратегический комплекс, нацеленный на делегитимацию политического оппонента.

Исследования политического дискурса и соответствующих жанровых структур (Р. Водак, Т. А. ван Дейк, В. И. Карасик, Н. Фэйрклаф, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал) раскрывают многофункциональность высказывания, совершенного в процессе политической коммуникации. В свою очередь, работы, посвященные непосредственно политическому интервью (Н. И. Лавринова, Г. Лауэрбах, А. К. Михальская, М. А. Стрельникова, А. Фетцер), трактуют данный формат в качестве диалогического, асимметричного и медиатизированного события, формирующего общественное мнение. Теория коммуникативных стратегий и тактик (О. С. Иссерс, Е. В. Ключев, О. Н. Паршина) позволяет квалифицировать речевое поведение политика как целенаправленную и иерархически организованную деятельность. Однако феномен порицания в рамках перечисленных концепций изучается преимущественно в статусе частного речевого акта, входящего в состав стратегии дискредитации (И. В. Бессонова, И. Г. Дьячкова, Н. А. Трофимова).

Ряд исследователей (М. Пауэлл, Б. Дигнен, Н. М. Эдвардс) подчеркивают конфликтность и состязательность американской коммуникативной культуры. Параллельно в когнитивной лингвистике разрабатываются теории, связывающие политические взгляды с глубинными ментальными структурами и метафорическими моделями (Дж. Лакофф, М. Джонсон, А. Н. Баранов, Е. С. Кубрякова, А. П. Чудинов). Несмотря на утверждения о взаимообусловленности идеологии и речевых средств в политической речи, системного анализа того, как социокультурные установки прогностически определяют выбор коммуникативных стратегий порицания в американском политическом интервью, не проводилось. Остается недостаточно разработанной проблема функциональной трансформации речевых актов под воздействием жанровых и институциональных условий коммуникации, так как в политической коммуникации указания на нарушение норм морали или некомпетентность зачастую имеют целью лишить адресата права быть политическим актором. Специфика структуры политического интервью требует дальнейшего научного исследования: большинство работ фокусируются на диаде *журналист – политик* (Е. А. Беляева, Л. Г. Виниченко, Н. Н. Кошкарлова, Е. И. Петрова, О. А. Романенко), оставляя на периферии научного внимания активное участие аудитории на посткоммуникативном этапе в социальных сетях, интернет-комментариях.

Актуальность темы исследования определяется необходимостью осмысления *порицания* в статусе сложного коммуникативного феномена,

который в институциональном дискурсе выходит за рамки межличностной этики. Из средства этической регуляции и эмоциональной оценки порицание превращается в инструмент идеологической борьбы, стратегический потенциал которого остается недостаточно исследованным. Особую значимость имеет также анализ политического интервью, которое в современной медиареальности является пространством идеологической конкуренции. Интерактивная природа данного жанра способствует расширению тактического инструментария порицания, позволяя политикам эффективно конструировать негативный образ оппонента и воздействовать на массовую аудиторию. В этой связи особую актуальность приобретает разработка исследовательского алгоритма, позволяющего анализировать механизмы функциональной транспозиции нейтральных высказываний в инфлюктивы порицания.

Объектом исследования выступает дискурс американского политического интервью.

Предметом исследования являются специфика и закономерности реализации коммуникативных стратегий и тактик порицания участниками американского политического интервью.

Цель заключается в выявлении и систематизации коммуникативных стратегий и тактик порицания, востребованных в американском политическом интервью, а также когнитивных и лингвопрагматических механизмов их реализации в условиях медийного взаимодействия.

В соответствии с выделенными объектом и предметом, целью работы сформулирован ряд **задач**, раскрывающих основные этапы исследования:

- выявить признаки политического дискурса и жанровую специфику американского политического интервью как продукта национальной лингвокультуры;

- обосновать феномен *порицания* как прагматическую категорию и систематизировать коммуникативные стратегии и тактики его реализации в агональном дискурсе, выделив юридическо-фактологический и морально-этический векторы;

- разработать интегративную методику анализа, связывающую базовые когнитивные модели «Строгий отец» и «Заботливый родитель» с тактическим инструментарием порицания;

- выявить лингвопрагматические механизмы функционирования порицания в речи современных политических лидеров США, обосновав роль инфлюктивы в американском политическом интервью;

- провести сравнительно-сопоставительный анализ идиостилей Дж. Байдена и Д. Трампа, выявив индивидуально-стилистические особенности стратегий порицания в коммуникативных условиях политического интервью;

- раскрыть специфику реализации стратегий порицания в речевом поведении журналистов, а также раскрыть механизмы дискурсивной диффузии негативной оценки в интернет-комментариях активной аудитории.

Материалом исследования послужили тексты политических интервью. Корпус включает 110 транскриптов, отобранных за период 2020–2025 гг. При формировании эмпирического корпуса учитывались интервью,

транслировавшиеся на ведущих национальных и международных медиаплатформах (CNN, Fox News, ABC News, CBS News, NBC News, MSNBC, TIME, а также подкаст- и радиоформаты). Отбор материала осуществлялся на основе следующих критериев: статус медиаканала и доступность полной текстовой версии. Перечень проанализированных интервью с указанием дат и источников представлен в Приложении В.

Хронологические границы исследования (2020–2025 гг.) охватывают значимые этапы электоральной и государственной деятельности Д. Трампа и Дж. Байдена. Выбранный период характеризуется качественной трансформацией жанра интервью, обусловленной влиянием цифровых платформ и процессов медиаконвергенции. Анализ материала за указанный период обеспечивает возможность фиксации современных прагмалингвистических характеристик политического медиадискурса.

Методологическую основу исследования составили теоретические положения отечественных и зарубежных ученых:

- в области теории дискурса и политической лингвистики (А. Ж. Аманбаева, Н. Д. Арутюнова, Б. А. Ахатова, М. М. Бахтин, Т. А. ван Дейк, А. А. Иманбаева, А. Ислам, В. И. Карасик, М. Л. Макаров, Ш. Муфф, З. Харрис, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал и др.);

- критического дискурс-анализа (Р. Водак, В. С. Ли, М. Ш. Мусатаева, М. Фуко, Н. Фэйрклаф, П. Чилтон);

- когнитивной лингвистики, теории фреймов и метафорического моделирования (Ч. О. Байгунакова, А. Н. Баранов, Г. Г. Гиздатов, М. Джонсон, Е. С. Кубрякова, Дж. Лакофф, А. П. Чудинов);

- прагмалингвистики и теории речевых актов (Т. А. ван Дейк, О. С. Иссерс, К. Е. Калинин, В. И. Карасик, В. Б. Кашкин, Е. В. Клюев, Ч. Ларсон, О. Л. Михалева, В. О. Мулькеева, Дж. Остин, О. Н. Паршина, К. Ф. Седов, Дж. Серль, З. К. Темиргазина, Н. А. Трофимова, Е. И. Шейгал);

- медиалингвистики и теории политического интервью (Т. Г. Добросклонская, С. Лауэрбах, А. Фетцер, В. Е. Чернявская);

- теории коммуникативных стратегий и тактик (Ж. Б. Ахметова, А. К. Жукенова, О. С. Иссерс, Е. В. Клюев, О. Л. Михалева, Э. Ш. Никифорова, Ж. Оспанова, О. Н. Паршина, К. Ф. Седов);

- теории коммуникативной личности, национального коммуникативного поведения, культурных моделей (Ю. О. Гафиатулина, Б. Дигнен, Дж. Лакофф, М. Пауэлл, И. А. Стернин, А. Д. Сутбаева, Э. Холл, Г. Хофстеде).

Для решения поставленных задач был применен комплекс взаимодополняющих **методов**: общенаучные методы (анализ, синтез, обобщение и сопоставление) использовались на всех этапах работы для систематизации теоретического материала, классификации эмпирических данных и формулирования выводов; дискурс-анализ выступил в качестве ведущего метода, позволившего исследовать американское политическое интервью как целостное коммуникативное событие с учетом институциональных, социальных и идеологических характеристик; метод контекстуального анализа позволил выявить влияние экстралингвистических

факторов на речевое поведение участников; лингвопрагматический анализ был направлен на изучение функционирования высказываний в реальной коммуникации; концептуальный и фреймовый анализ применялись для выявления ментальных структур, лежащих в основе политического дискурса; лингвостилистический анализ использовался для описания и классификации лингвистических средств-маркеров порицания; компьютерно-опосредованный анализ текстовых данных применялся на этапе обработки и визуализации эмпирического материала. Первичная обработка корпуса транскриптов интервью осуществлялась с помощью программного инструментария Voyant Tools, что обеспечило объективность данных частотного анализа ключевых лексем в дискурсе политиков. Дальнейшая систематизация, ранжирование и сопоставление полученных количественных данных проводились с использованием табличного процессора Microsoft Excel. Для наглядной визуализации и конструирования аналитических схем и рисунков, обобщающих результаты исследования, применялись инструменты на базе ИИ (Canva, Gamma).

Научная новизна исследования заключается в теоретическом переосмыслении феномена *порицания*. В рамках систематизации стратегий обоснована зависимость выбора тактического инструментария порицания от базовых когнитивных матриц политика «Строгий отец» и «Заботливый родитель». Раскрыт лингвопрагматический механизм, при котором формально нейтральные сообщения о фактах приобретают иллокутивную силу вербальной санкции в условиях агонального диалога. Проанализированы специфические агонально-прагматический (Д. Трамп) и нормативно-этический (Дж. Байден) идиостили политиков. Анализ медийного взаимодействия позволил установить, что стратегии порицания, заданные политическими лидерами и журналистами, реплицируются и радикализируются в интернет-комментариях.

Положения, выносимые на защиту:

1. Американское политическое интервью функционирует как гибридный институционально-медийный жанр, агональная театральность которого обусловлена ценностями американской лингвокультуры – установкой на подотчетность власти, низкоконтекстностью и прагматизмом. Взаимодействие данных факторов приводит к функциональной трансформации порицания: межличностное этическое неодобрение приобретает статус рационально спланированной макростратегии, направленной на одновременную легитимацию позиции говорящего и делегитимацию оппонента перед массовым адресатом.

2. Категория порицания представляет собой иерархически организованную систему стратегий, которая, функционируя как констатация фактов (констатив), служит формой для имплицитного императивного воздействия (инфлюктива). Стратегии порицания дифференцируются на основе вектора делегитимации. Юридическо-фактологический вектор, включающий стратегии обвинения и понижения статуса, направлен на доказательство вины и правовой ответственности оппонента. Морально-этический вектор, представленный стратегиями осуждения и дискредитации, фокусируется на

демонстрации ценностного несоответствия политика и разрушении его публичного имиджа. Вспомогательные стратегии самопрезентации и уклонения выполняют в этой системе функцию катализаторов, усиливая порицание за счет создания аксиологического контраста.

3. Лингвистический инструментарий реализации стратегий и тактик порицания в американском политическом интервью прогностически обусловлен социокультурной оппозицией двух когнитивных моделей. Модель «Строгого отца», свойственная идеологии консерваторов, предопределяет выбор стратегий обвинения и понижения статуса, тактик эксплицитного доминирования, а также лексику, ориентированную на прагматизм и индивидуальную ответственность. Модель «Заботливого родителя», характерная для либеральной идеологии, обеспечивает выбор стратегии осуждения, тактик морального доминирования и лексики сферы эмпатии, коллективной ответственности.

4. Сравнительный анализ речевого поведения Дж. Байдена и Д. Трампа выявляет индивидуально-стилистическую специфику реализации стратегий порицания. В агонально-прагматическом идиостиле Д. Трампа порицание ориентировано на личностную дискредитацию, реализуется тактиками давления, понижения статуса, с использованием прямых инвективов, гиперболизации и условных конструкций, что, целом, формирует модель «Строгого отца». В идиостиле Дж. Байдена порицание нацелено на ценностную делегитимацию оппонента и реализуется тактиками косвенного осуждения, апелляцией к семейному опыту, а также посредством использования оценочной и эмотивной лексики, темпоральных придаточных конструкций, что определяет нормативно-этический стиль политика в рамках модели «Заботливого родителя».

5. Специфика речевого поведения журналиста в американском политическом интервью обусловлена дихотомией стратегий конфронтации и альянса. Взаимодействие с идеологическим оппонентом активизирует стратегию конфронтации с тактиками обличения, давления, создания негативного образа, тогда как в отношении идеологического союзника реализуется стратегия альянса, где порицание перенаправляется на внешних врагов или политических противников, что превращает интервью в инструмент идеологической мобилизации аудитории.

6. Стратегии порицания, задаваемые политическими лидерами и журналистами, подвергаются диффузии на посткоммуникативном этапе в интернет-комментариях, где происходит репликация доминирующих тактик обвинения, дискредитации и специфических лингвистических средств. Выявлена дихотомия реактивных стратегий: группа «аналитиков» воспроизводит тактику псевдорациональной аргументации, имитируя экспертный дискурс, в то время как группа «шеймеров» реализует стратегию прямого обвинения, используя инвективную лексику и прямые оскорбления, что усиливает агональность американского политического интервью.

Теоретическая значимость исследования определяется вкладом в теорию политического дискурса, прагмалингвистику и медиалингвистику.

Результаты работы расширяют теоретико-методологическую базу дискурс-анализа, интегрируя когнитивный, прагмалингвистический и лингвокультурологический подходы в изучении стратегий речевого поведения в американской политической полемике.

Практическая значимость диссертации заключается в том, что полученные результаты исследования могут быть использованы в высших учебных заведениях при разработке курсов по теории и практике дискурса, основам речевого воздействия, когнитивной лингвистике, политической лингвистике, а также спецкурсов по медиалингвистике, коммуникативным стратегиям и технологиям.

Апробация результатов исследования:

По теме исследования опубликовано 6 статей: 1 – в международном рецензируемом издании, входящем в базу данных Scopus, 3 – в журналах, рекомендуемых КОКНВО МНВО РК, 2 – в сборниках международных научных конференций:

– Нурмаганбетова А. А., Монгилева Н. В. Провокационные вопросы и реакции на них в политическом интервью (Статья) // *Tiltanym. Журнал Института языкознания имени А.Байтурсынулы.* – 2023. – № 2. – С. 118–126 (0,6 п.л.). ISSN 2411-6076 (Print), ISSN 2709-135X (Online).

– Нурмаганбетова А. А., Монгилёва Н. В. Communication strategies in political interviews (based on an interview with Joe Biden) (Статья) // *ИЗВЕСТИЯ КазУМОиМЯ имени Абылай хана. Серия «Филологические науки».* – Алматы: Полилингва. – 2023. – № 3 (70). – С. 200–213 (0,8 п.л.). ISSN 2411-8745 (Print), ISSN 2709-9245 (Online).

– Нурмаганбетова А. А., Монгилёва Н. В. Metaphorical models in modern English-language political discourse (Статья) // *ЯЗЫК И КУЛЬТУРА: Сборник статей XXXII Международной научной конференции (25–27 октября 2022 г.).* – Томск: Изд-во Томского государственного университета, 2022. – С. 73–78 (0,4 п.л.). ISBN 978-5-907572-47-8.

– Нурмаганбетова А.А. Анализ коммуникативных стратегий порицания в дискурсе политического интервью (Статья) // *ЕВРАЗИЯ-2022: Социально-гуманитарное пространство в эпоху глобализации и цифровизации. Том IV: Актуальные проблемы современной гуманитарной науки. Материалы Международного научно-культурно-образовательного форума (Челябинск, 6–8 апреля 2022).* – 2022. – С. 513–516 (0,3 п.л.). ISBN 978-5-696-05285-4 (т. IV), ISBN 978-5-696-05281-6.

– Нурмаганбетова А.А., Монгилёва Н.В. Особенности использования коммуникативной стратегии порицания в политическом интервью (Статья) // *ИЗВЕСТИЯ КазУМОиМЯ имени Абылай хана. Серия «Филологические науки».* – Алматы: Полилингва. – 2025. – № 4. – С. 187–199 (0,8 п.л.). ISSN 2709-9245.

– Nurmanganbetova A., Akhmetova A., Konyrbayeva S., Saktaganova T., Zhumasheva S., Mongileva N., Kolomiets O. Praise Strategies and Tactics in US Political Interviews with Donald Trump (Статья) // *International Journal for the Semiotics of Law - Revue internationale de Sémiotique juridique.* – Netherlands:

Springer Nature, 2025. – Vol. 38, Iss. 7. – P. 2319–2340 (1,5 п.л.). ISSN 0952-8059, eISSN 1572-8722. (Scopus, Q3).

Структура диссертации определена целью и задачами исследования и включает введение, три раздела, заключение, список использованных источников и три приложения. В первом разделе систематизируются теоретические подходы к изучению политического интервью как гибридного институционального жанра. Определяется онтологический статус порицания, рассматривается специфика американской национальной лингвокультуры. Во втором разделе представлена систематизация коммуникативных стратегий и тактик порицания, обосновывается их дифференциация по векторам делегитимации, а также разрабатывается интегрированная методика исследования, объединяющая принципы критического дискурс-анализа, когнитивной лингвистики и прагмалингвистики. В третьем разделе раскрываются лингвопрагматические и когнитивные механизмы функционирования порицания в современном политическом дискурсе США, проводится сравнительно-сопоставительный анализ идиостилей Дж. Байдена и Д. Трампа в корреляции с базовыми когнитивными моделями, анализируются особенности речевого поведения журналистов и механизмы дискурсивной диффузии порицания в интернет-комментариях активной аудитории. В заключении подводятся итоги исследования, формулируются выводы и намечаются перспективы дальнейшего изучения проблемы.

Библиографический список насчитывает 213 наименований, включая публикации зарубежных и отечественных авторов.

1 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА И ФЕНОМЕНА ПОРИЦАНИЯ.

1.1 Принципы анализа дискурса в рамках функциональной парадигмы

Термин *дискурс* происходит от позднелатинского *discursus* *рассуждение, довод*, а также *беседа, разговор*. Первые исследования *дискурса* в рамках структурализма [1, 2] описывают данный феномен как лингвистическую структуру, сформированную на уровне выше предложения (*language above the sentence*) [1, с. 2; 3]. Деятельностный, динамический характер речи остается вне фокуса научного внимания. Применение к речевым фактам методов анализа языка как абстрактной системы не раскрывает сущность дискурсивных явлений, которые определяются «не формой, а значением и функцией» [4]. Каждое высказывание представляет собой социальное действие, совершаемое людьми в определенном контексте для достижения конкретных коммуникативных целей — убеждения, просьбы или информирования.

Переход к функциональной, антропоцентрической парадигме переносит фокус с системы языковых знаков на языковое сознание говорящего и речевую деятельность, посредством которой субъект осуществляет конструирование реальности [4, с.12; 5–7]. Идеи, предвосхитившие данный поворот, были заложены еще В. фон Гумбольдтом, утверждавшим, что язык формирует картину мира, выступая инструментом мышления и средством культурного самоопределения народа [8]. Акценты смещаются на роль языковых знаков в социуме и коммуникации. В отличие от структурализма, речевые средства анализируются как инструменты, используемые человеком для решения конкретных задач и достижения коммуникативных целей в определенном контексте [9, 10]. Несмотря на то, что для анализа связной речи термин *дискурс* применяется впервые З. Харрисом, решающий вклад в теоретическое осмысление данного феномена делает Э. Бенвенист, связавший *дискурс* с говорящим субъектом и конкретной ситуацией общения [6, с. 294].

С развитием прагматики в 1970–80-х годах стало очевидно, что коммуникация не является обменом изолированных предложений, а представляет собой последовательность речевых действий, объединенных общей целью, темой и ситуацией. Замена формального описания функциональным позволяет трактовать дискурс в качестве целенаправленной социальной практики. Язык признается инструментом конструирования социальной реальности и формирования идентичности. Данный подход не ограничивается анализом лингвистических структур и учитывает специфику применения вербальных средств в конкретных социальных и культурных контекстах [4, с. 70; 6, с. 15]. Для анализа подобного сложного явления потребовалась единица, превосходящая предложение или текст. *Дискурс* начинает рассматриваться как единство текста и экстралингвистических факторов [11, 12], включающих:

– контекст (ситуацию общения, участников, их роли и цели, общие знания коммуникантов);

- прагматические аспекты действий коммуникантов (намерения говорящего, иллокутивные и перлокутивные эффекты);
- социокультурные факторы (идеи и представления, нормы и ценности, релевантные коммуникативной ситуации).

На данном этапе работы, основываясь на функциональном подходе, мы формулируем следующие принципы анализа дискурса политического интервью, которые становятся методологической базой исследования и определяют единицу анализа.

Принцип контекстуальности речевого действия предполагает, что любой речевой факт или феномен в политической коммуникации выступает не результатом исключительно личной воли говорящего, а продуктом, детерминированным социальным контекстом. Совокупность прагматических, социокультурных, психологических и идеологических факторов образует среду, в которой интерпретируются значение, смысл и функция конкретного высказывания. Правомерность выделения данного принципа обосновывается положениями теории дискурса, в частности работами Н. Д. Арутюновой, которая определяет дискурс как «речь, погруженную в жизнь», подчеркивая динамичность и событийность дискурсивных явлений в противовес статичности текста [13]. В данной научной перспективе политическое высказывание предстаёт элементом сложного коммуникативного процесса, а целью анализа становится реконструкция «жизненного» контекста.

Авторы идеи об этнографии коммуникации Д. Хаймс, Д. Гамперц доказывают, что коммуникативный процесс неотделим от культуры и социального устройства [14]. Модель SPEAKING Д. Хаймса иллюстрирует сложность контекста речевого действия, в котором различаются: 1) S – место действия и его характеристики (*Setting & Scene*), совокупность которых определяет кто, когда и что может говорить; 2) P – участники (*Participants*), их социальные роли, например, президент, депутат, избиратель, журналист, статус рядового гражданина или лица, облеченного властью; 3) E – цели (*Ends*) или намерения и ожидания участников коммуникации; 4) A – порядок выступлений участников (*Act Sequence*) регламентирован, т.е. подчинен социальным и культурным ритуалам; 5) K – тональность (*Key*) также обусловлена представлениями о допустимости и приемлемости; 6) I – инструментарий (*Instrumentalities*), под которым подразумевается устный или письменный канал коммуникации, стиль общения; 7) N – нормы (*Norms*), позволяющие оценить высказывание как вежливое, оскорбительное, учтивое и т.д.; 8) G – жанр (*Genre*), иначе, социально устоявшиеся формы, рамках которых сообщение определяется как официальное заявление, анекдот, указ или проповедь. Дж. Гамперц детализирует модель SPEAKING [15] и предлагает инструменты для анализа конкретного речевого взаимодействия, вводя понятие сигналов контекстуализации (*contextualization cues*). Под ними понимаются вербальные и невербальные маркеры, с помощью которых адресант задает, а адресат интерпретирует социальные компоненты ситуации.

Теория коммуникативных импликатур Г.П. Грайса также доказывает, что значительная часть смысла в коммуникации, особенно в политической,

передается неявно [16]. Г.П.Грайс предлагает анализировать высказывание сквозь призму *Принципа кооперации*, или негласного соглашения между участниками вести осмысленный диалог для достижения своих целей. Вступая в речевое взаимодействие говорящие придерживаются или намеренно нарушают *коммуникативные максимы* количества, качества, релевантности и способа ведения диалога, что приводит к конкретным смысловым эффектам. Концепция Г. Грайса раскрывает механизм возникновения и понимания имплицитных компонентов содержания, которые составляют суть иронии, намека и др.

Вводя в методологическую базу исследования *принцип контекстуальности речевого действия*, мы акцентируем внимание на необходимости в анализе реплик политического интервью учитывать две группы детерминирующих условий. Первую группу составляют статусно-ролевые характеристики участников: их социальные позиции, институциональный статус и цели. Ко второй группе относятся объективные параметры коммуникативной ситуации, включающие пространственно-временные координаты и специфику медийного канала. Кроме того, для полноты лингвопрагматического описания принципиальное значение имеют заданная целями интервью тональность общения, конвенциональные нормы речевого поведения, институциональные рамки жанра, а также выбор и последовательность обсуждаемых тем.

Следование упомянутому принципу дает возможность интерпретировать интервью в качестве целостного коммуникативного события, содержание которого детерминировано ситуацией общения. Реплики участников трактуются как действия, продиктованные стратегическими задачами и социальными ролями в жестких институциональных рамках. Таким образом, контекстуальный подход раскрывает политическое интервью в виде системной и прагматически обусловленной структуры, где каждое высказывание неразрывно связано с интенцией говорящего и детерминирующими условиями.

Принцип дискурсивного конструирования реальности подразумевает, что описания событий, людей и идей в общественном пространстве не являются объективными. Дискурс, складывающийся вокруг политических событий, является инструментом создания, поддержки и моделирования мнений в соответствии с определенной идеологической позицией и в конкретных интересах и целях.

Основой выделения данного принципа служат идеи французских постструктуралистов, в первую очередь Мишеля Фуко. Исследователь утверждает, что знания, истины и объекты конструируются в историческом и социальном контексте вместе с субъектами, которые познавая мир, усваивают и специфические нормы коммуникативной деятельности, и модели мышления. Для М. Фуко дискурс является комплексом высказываний, присущих той или иной эпохе и имеющих установленный диапазон правил функционирования [17].

Центральным в концепции М. Фуко является термин *режим истины* – система дискурсивных практик, которые в рамках социума отделяют истинное

от ложного. В данной научной перспективе *знание* и *власть* неразделимы. *Власть* трактуется ученым как динамичная сеть социальных взаимодействий, пронизывающая всё общество. В процессе дискурсивных практик формируются авторитеты, наделенные правом устанавливать грань между нормой и отклонением. В речевых взаимодействиях вырабатываются условия, при которых одни дискурсы признаются легитимными, а другие – маргинализируются [18].

Сам дискурс перестает быть нейтральным средством описания реальности и превращается в *инструмент управления социальными процессами и формирования общественного сознания*. Внутри системы дискурсивных практик одни высказывания наделяются статусом «авторитетных», в то время как другие признаются нерелевантными. Процесс легитимации реализуется через социальные институты, которые транслируют «допустимые» смыслы, поддерживая существующие *режимы истины*.

Чтобы подчеркнуть зависимость дискурса от властных отношений, Мишель Фуко вводит понятие *дискурсивные формации* – систему правил, предопределяющих содержание высказывания. Подобная структура функционирует как автономная «система мыследействия», задавая нормы производства объектов и субъектов. Таким образом, дискурс не только формирует ценности, но и конструирует личность: сознание и самоощущение человека базируются на тех дискурсивных практиках, в которых он существует.

Изложенные принципы находят свое практическое воплощение в *критическом дискурс-анализе* (КДА). Предложенный Н. Фэйрклафом и Р. Водак подход рассматривает дискурс в качестве формы социальной практики, в которой идеология становится *видимой*. В качестве методологического инструментария критического анализа выступает трехмерная модель Н. Фэйрклафа [19], интегрирующая анализ текста, дискурсивной практики, то есть процессов производства и интерпретации высказываний, и широкого социального контекста. Эвристическая ценность модели для нашего исследования заключается в возможности проследить траекторию речевого акта: от конкретного лингвистического выбора, например, оценочной лексики, через условия медийного взаимодействия к глобальным механизмам идеологического доминирования. Применение интегрированной модели позволяет перейти от формально-языкового описания порицания к деконструкции его прагматической функции – использованию речевых средств как инструмента конструирования, поддержания или трансформации властных отношений в обществе.

В свою очередь, Рут Водак, развивая дискурсивно-исторический подход (ДИП) [20], подчеркивает необходимость изучения исторического контекста и эволюции дискурсов. Как и в целом в КДА, Р. Водак придает значение тому, как дискурс воплощает идеологии. Для ДИП идеология связана с субъективным взглядом или мировосприятием, включающим взаимосвязанные когнитивные структуры, убеждения, установки и оценки, разделяемые лицами, входящими в определенную социальную категорию. Автор доказывает, что для понимания предзаданности, скрытых целей и идеологической нагрузки дискурсивных

практик, недостаточно анализировать только текст и контекст актуальной коммуникативной ситуации. ДИП позволяет отследить, как и одни и те же риторические стратегии, и аргументы возрождаются и адаптируются в новых условиях, показывая их историческую укорененность и устойчивость. Исследователь утверждает, что, например, современный политический дискурс о миграции не является новым явлением, а унаследован от более ранних дискурсов о «чужаках», «внешних угрозах» и национальной идентичности. Таким образом, исторический и социокультурный контексты выступают активными элементами, объясняющими, почему определённые идеи, кажущиеся естественными, фактически оказываются результатом целенаправленной идеологической работы и отвечают интересам конкретной группы людей.

Применение *принципа дискурсивного конструирования реальности* в исследовании политического интервью смещает научный фокус с фактологической истинности реплик участников на деконструкцию механизмов, посредством которых политик или интервьюер выстраивают идеологически ангажированную модель реальности. Анализ направлен на выявление речевых инструментов, используемых для продвижения определенной идеологической позиции и делегитимации другой, представляя политические решения и интерпретируя их последствия, как единственно возможную и объективную реальность.

Принцип стратегической активации когнитивных структур основывается на постулате о том, что дискурс целенаправленно формирует в языковом сознании аудитории заданные концептуальные модели. Актуализируя с помощью семантики определенные структуры знаний, говорящий управляет интерпретацией сообщения [21]. Теоретическим фундаментом данного подхода выступает концепция Т. ван Дейка, рассматривающая дискурс как форму социального взаимодействия, неразрывно связанную с ментальной репрезентацией [11, с. 20]. Устанавливается двусторонняя детерминация: с одной стороны, социальные институты и практики определяют типизированные способы когнитивной обработки политической информации, с другой – ментальные процессы индивидов конструируют и легитимизируют властные отношения в обществе.

Развивая комплексный подход к исследованию дискурса, Т. ван Дейк выделяет специфические ментальные инструменты, позволяющие индивиду восстанавливать логические пробелы в сообщениях и интерпретировать имплицитное содержание [21, с. 15]. Ученый описывает *когнитивные схемы* или обобщенные представления об объектах и сценариях действий, а также *модели ситуации* – динамичные репрезентации конкретных событий, выстраиваемые в языковом сознании участников коммуникации. Именно модели ситуации обеспечивают связность интерпретации, превращая отдельные предложения в целостную картину. Дополнительно вводится понятие макроструктур, которые обеспечивают вычленение главной идеи текста из массива информации.

Когнитивный подход Т. ван Дейка к анализу макроструктур дискурса дополняется концепцией фреймовой семантики Ч. Филлмора. Исследователь доказывает, что понимание смысла высказывания напрямую зависит от накопленного субъектом опыта [22]. *Фрейм* выступает типизированной структурой, систематизирующей индивидуальные знания об объектах и ситуациях. В процессе политической коммуникации употребление специфической лексики активирует соответствующий фрейм в языковом сознании адресата, что привлекает необходимый фоновый контекст для интерпретации высказывания. Интеграция данных концепций позволяет рассматривать ментальные структуры в качестве ключевого механизма управления смыслами.

Исследование, базирующееся на принципе стратегической активации структур знаний, направлено на решение ряда задач:

- выявление когнитивных механизмов, используемых в речевом действии для достижения целей;
- изучение процессов формирования и трансформации фоновых знаний и убеждений аудитории под влиянием дискурса;
- анализ способов активации ментальных структур (схем, фреймов, сценариев) для манипулятивного воздействия и поддержания идеологического доминирования;
- определение степени влияния социальных отношений на выбор и интерпретацию определенных элементов знаний в процессе коммуникации.

Опираясь на представленную теоретическую базу, мы полагаем, что в качестве единицы анализа не может выступать *предложение*. Обладая семантической завершенностью и целостностью, предложение тем не менее не позволяет в полной мере эксплицировать ту стратегическую направленность, которой наделены лингвистические формы в пространстве политического интервью.

Выбор единицы анализа детерминирован целями и теоретико-методологической рамкой исследования. Так, например, изучение концептов направлено на раскрытие того, как участники коммуникации вербализуют свои ментальные модели [23, с. 168], что позволяет реконструировать их ценностные и идеологические ориентиры. В свою очередь, анализ фреймовых структур дает возможность выявить паттерны, активируемые субъектами для осмысления и репрезентации текущей ситуации [24, 25]. Наконец, фокус научного внимания может быть сосредоточен на концептуальных метафорах как инструментах формирования определенной картины мира. Однако для нашего исследования, нацеленного на анализ стратегий порицания, необходима единица, интегрирующая лингвистическую форму, коммуникативное намерение и социальный контекст.

В настоящем исследовании единицей анализа является *высказывание*. Обосновывая научный статус указанного термина, А. А. Леонтьев считает *высказывание* базовой смысловой единицей, обладающей грамматической завершенностью, смысловой целостностью и интонационной оформленностью [26, с. 30]. Подобный подход позволяет включить в фокус научного внимания

интенциональность и коммуникативные цели говорящего. Как отмечает Д. Шиффрин, в современной дискурсологии высказывание признается общепринятой единицей анализа [27, с. 41], поскольку, в отличие от статичного текста, оно подчеркивает событийность и процессуальность коммуникации, что важно для исследования политического интервью, функционирующего в режиме живого диалога.

С учетом специфики нашей работы мы определяем *высказывание как функционально ориентированное речевое действие*, которое реализуется в конкретном коммуникативном и социокультурном контексте (согласно Принципу 1), выступает инструментом продвижения идеологической позиции говорящего и, в соответствии с целью нашего исследования, нацелено на делегитимацию оппонента в политическом интервью (согласно Принципу 2), посредством активацию определенных когнитивных моделей в языковом сознании массовой аудитории (согласно Принципу 3).

В эмпирическом материале исследования высказывание объективируется в виде иницирующей (вопрос журналиста) и реагирующей (ответ политика) реплик. Анализ данных диалогических единств позволяет эксплицировать механизмы речевого поведения политиков: от использования эвфемизмов и стратегий уклонения до прямой конфронтации.

1.2 Специфика дискурса политического интервью в пространстве политической коммуникации

Политическая коммуникация представляет собой сложный процесс смыслообразования и обмена данными, детерминированный задачами политической деятельности. Фундаментальными характеристиками соответствующего процесса являются *институциональность* и *нацеленность на массового адресата*.

Участниками процесса политической коммуникации выступают представители социальных институтов (политики, партии, СМИ). А. А. Иманбаева определяет данный вид коммуникации как атрибутивное и стандартное условие существования институтов власти и обязательный инструмент реализации властных функций [28, с. 27]. Исследователь подчеркивает *институциональную природу* и *стратегическую направленность взаимодействия, изначально ориентированного на борьбу за доминирование*. Рассматриваемый параметр предопределяет использование политиками конфликтных и оценочных речевых актов. В данном ракурсе стратегии порицания представляются системным механизмом осуществления власти. Автор также отмечает присущую данному виду общения концептуальную и языковую свободу [28, с. 55]. Таким образом, концепция А. А. Иманбаевой о стратегическом, оценочном и институционально ограниченном характере политического дискурса ложится в основу нашего лингвопрагматического анализа.

В качестве приоритетной цели речевого акта в политической коммуникации ученые называют достижение коллективной договоренности, несмотря на многообразие взглядов [29-31]. Речевое поведение субъекта

ориентировано на поиск баланса между реализацией индивидуальных политических интенций и запросами социума. А. П. Чудинов считает политическое взаимодействие способом трансформации картины мира аудитории, направленным на легитимацию и удержание власти [31, с. 15]. Следовательно, данный тип коммуникации представляет собой механизм конструирования властных отношений через диалог [18, с. 250; 31, с. 42].

Идеологическая обусловленность выступает системообразующим началом политической коммуникации, поскольку любое публичное высказывание неизбежно транслирует и легитимизирует определенную систему ценностей. Влияние идеологии пронизывает все уровни речевого взаимодействия: от выбора жанров до селекции конкретных лексических единиц и символов [32, 33]. Данный базис служит универсальным инструментом для трансляции собственных политических взглядов и дискредитации альтернативных позиций. Бинарная оппозиция *свои – чужие* играет ключевую роль, так как позволяет редуцировать многомерную политическую реальность до дихотомической модели *друг – враг* [34]. Как подчеркивает Т. ван Дейк, подобная поляризация функционирует как эффективный механизм консолидации электората. Политик формирует позитивный образ *своих* (*мы – спасители нации*), одновременно осуществляя демонизацию оппонентов (*они – угроза обществу*) посредством метафорического моделирования и пейоративной лексики [35, 36]. Идеологическая обусловленность обеспечивает реализацию ориентационной функции дискурса, задавая массовой аудитории однозначные векторы политического размежевания и формируя аксиологическую базу для применения стратегий порицания.

Институциональный характер и нацеленность на массового адресата политической коммуникации предопределяют возникновение такого функционального качества, как *манипулятивность*. Данный параметр выступает закономерным следствием необходимости стратегического влияния на аудиторию и обеспечивает латентную трансформацию ценностных установок для достижения заданных политических эффектов [37]. *Манипулятивность* базируется на латентности коммуникативных интенций говорящего. Согласно определению В. А. Масловой, манипуляция представляет собой «процесс навязывания взглядов, мнений, способов действий, которые адресант может считать заведомо ложными, но выгодными для себя» [38, с. 43]. Считая манипулятивность неотъемлемой частью политической системы, Е. И. Шейгал трактует указанное явление как форму скрытого управления общественным мнением [32, с. 121]. Конкретный инструментальный подобного воздействия анализируется в работах Г. Г. Слышкина, который демонстрирует множественные способы применения речевых средств для решения стратегических задач: конструирования желаемого имиджа, дискредитации оппонентов и эмоциональной суггестии на аудиторию [39]. Б. А. Ахатова отмечает преимущественное использование политиками смысловой неопределенности как средства манипуляции общественным мнением. Семантическая амбивалентность способствует вуалированию негативной

информации, фактов и деперсонализации ответственности [40]. Ученый обосновывает роль дискурса в реализации механизмов управления сознанием реципиента.

Способы манипулятивного воздействия на языковое сознание массового адресата многообразны. Н. Хомский указывает на роль СМИ как инструмента элит, используемого для преднамеренного отвлечения внимания аудитории от системных проблем в пользу второстепенных информационных поводов [41]. Т. ван Дейк конкретизирует данный процесс через описание когнитивных ловушек и логических девиаций, таких как «фальшивое обобщение» или «обоснование авторитетом», служащих для искажения рационального восприятия фактов.

Особую значимость имеет глубинное воздействие на сознание. Е. С. Кубрякова характеризует *манипуляцию* как процесс латентного навязывания индивиду чуждых установок и ценностей, которые впоследствии усваиваются и воспринимаются реципиентом как собственные [42]. Подобный подход раскрывает когнитивную природу манипулятивности: происходит трансформация ценностной системы адресата, выходящая за рамки ситуативной смены мнений. Глубинная перестройка аксиологического базиса позволяет контролировать сами основы формирования суждений.

Исследование механизмов латентного влияния на массового адресата включает также анализ паралингвистических уровней речевого взаимодействия. В частности, А. Ж. Аманбаева раскрывает манипулятивность политической коммуникации через изучение просодических характеристик речи как автономного инструмента прагматической деятельности [43]. Автор доказывает, что интонационные параметры и темп высказывания способны нести значительную аксиологическую нагрузку. Упомянутые аспекты позволяют политическому субъекту транслировать неодобрение, иронию или уверенность суггестивными методами даже в тех случаях, когда семантика лексических средств в сообщении остается нейтральной. Для политического интервью просодический уровень имеет принципиальное значение: вариации тонального контура (например, при выдвижении претензий) или намеренное замедление темпа речи (как способ избежать прямого ответа) выступают самостоятельными речевыми приемами в реализации стратегий порицания.

Рассмотренные характеристики политической коммуникации находят своё воплощение в лингвистической составляющей – политическом дискурсе. Данная аналитическая категория обеспечивает системное исследование текстов и речевого взаимодействия в единстве институциональных, идеологических и манипулятивных параметров. Политический дискурс предстает комплексом дискурсивных практик, обладающих специфическим набором признаков и функций.

Е. И. Шейгал разграничивает *реальное и виртуальное измерения* политического дискурса. *Реальное измерение* представляет собой текущую речевую активность в социальном пространстве, продуктом которой являются конкретные тексты. *Виртуальное измерение* выступает как семиотическое пространство (денотат совокупности), включающее тезаурус, систему жанров и

речевых моделей, которые служат базой для интерпретации политических сообщений [32, с. 48].

В современной лингвистике принято выделять узкий и широкий подходы к определению политического дискурса. В рамках первого, согласно Р. Водак, данный феномен ограничен политической сферой и нацелен на завоевание, сохранение, осуществление власти [44]. В широком понимании (Т. ван Дейка, Е. И. Шейгал) политическим признается любой коммуникативный акт, в котором хотя бы один из компонентов – субъект, адресат или содержание сообщения – принадлежит сфере политики [45, 46]. К данной категории относятся публичные выступления, интервью, пресс-конференции и иные социально-политические события.

Е. В. Пилюгина объясняет акцент в российской лингвистике на изучении речей государственных деятелей различиями в интерпретации самого понятия «политика». Если в отечественной научной традиции политика понимается преимущественно как государственное управление, то в англоязычном научном пространстве данное явление трактуется как социальная практика решения общественных задач. Исследователь указывает на взаимопроникновение политического и медийного дискурсов: любые социально значимые факты, попадая в информационное поле, неизбежно приобретают политический контекст [47, с. 46]. Следовательно, границы политического дискурса охватывают не только объективную действительность, но и конструируемую медийную реальность. Указанные выводы подтверждаются исследованием С. Ж. Ергалиевой, в центре которого текстодериватологический аспект анализа политического дискурса. [48]. Автор обосновывает, что первичный политический текст (статья или интервью) обладает деривационным потенциалом, реализуемым в форме интернет-комментариев под воздействием комплекса текстовых и субъективных факторов. Следовательно, политическая коммуникация функционирует как динамичное полисубъектное пространство, в котором речевые интенции лидера находят свое развитие в реактивном дискурсе массовой аудитории. Подобная диалогическая природа взаимодействия свидетельствует о том, что данный тип дискурса выступает механизмом социального резонанса. В рамках данного посткоммуникативного этапа лингвокультурные установки адресата становятся активным инструментом со-конструирования смыслов и формирования общественного мнения.

Онтология политического дискурса диктует необходимость анализа его функциональной специфики. Как сложная знаковая деятельность, политический дискурс реализует ряд функций, которые обеспечивают прагматическую заданность политической коммуникации и её воздействие на общественное сознание.

Персуазивность или функция убеждения является, по мнению Рут Водак, доминирующей [44, с. 139]. Значимость данной функции продиктована необходимостью привлечения электоральной поддержки путем целенаправленного влияния на аудиторию. О. С. Иссерс трактует персуазивность через категорию иллюкутивной задачи, понимаемой как

основная коммуникативная цель говорящего [49, с. 71]. Участник политической коммуникации осознанно формирует содержание, способствующее усвоению адресатом определённых установок. П. Б. Паршин рассматривает *персуазивность* как специфическое свойство политического текста, выходящее за пределы информирования. Данная функция предполагает системное речевое воздействие, нацеленное на трансформацию мнений, эмоционального состояния и поведенческих паттернов адресата [50]. Согласно Дж. Лакоффу, убеждение в политической сфере опирается на использование специфических концептуальных структур, через которые аудитория воспринимает реальность [36, с. 13]. Например, лексема *burden* (*бремя*) в словосочетании *tax burden* актуализирует фрейм физической тяжести и страдания, от которых необходимо избавиться. Подобная номинация блокирует осмысление налогов как общественного вклада, переводя их в сферу знаний о «личных несчастьях». Таким образом, управление эмоциональными реакциями реципиентов через механизм фреймирования позволяет достигать персуазивного эффекта вне зависимости от рациональной обоснованности аргументов и объективных фактов.

Агональная функция политического дискурса объективируется в вербальной агрессии, нацеленной на дискредитацию оппонента и снижение его политического статуса [46, с. 131]. Т. ван Дейк считает подобную стратегическую конфронтацию инструментом подрыва репутации противника: через конструирование образа «некомпетентного» или «опасного» врага субъект политики лишает его права на легитимную позицию. Инструментарием агональности выступают маркеры «чуждости» или дейктические и лексические знаки дистанцирования, а также приемы умаления значимости личности собеседника — инвективы, ярлыки и иронические номинации. Таким образом, реализация данной функции обеспечивает одновременную легитимацию позиций говорящего и делегитимацию политических противников [45, с. 267].

Интегративная функция политического дискурса направлена на консолидацию сторонников и формирование чувства общности. Данная функция реализуется через использование инклюзивного местоимения «мы», формул причастности и лексических маркеров совместимости [32, с. 86]. Процесс интеграции способствует укреплению авторитета лидера и созданию коллективной идентичности. Механизмом подобного объединения выступает дихотомия *свой — чужой*: с помощью ритуалов, символов и метафор политики конструируют образ единой группы сторонников, противопоставляя её «враждебным» оппонентам [31, с. 96; 32, с. 90].

Ориентационная функция обеспечивает формирование у аудитории системы координат для восприятия политической реальности. Согласно Е. И. Шейгал, это динамичный процесс, в котором знаки и символы приобретают оценочный характер и формируют отношение аудитории к политическим акторам [32, с. 99]. Как отмечает Р. Водак, описанный механизм позволяет реципиенту идентифицировать *своих* и *чужих*, опираясь на транслируемые политиком ценности и исторические нарративы [51]. Автор подчеркивает, что политики обозначают общие ценности и историю, объединяя

своих сторонников, и одновременно демонизируют тех, кто не принадлежит к их группе. Подобная стратегия используется для мобилизации электората и создания коалиций. Рут Водак в работе *The Politics of Fear: What Right-Wing Populist Discourses Do to Our Lives* обосновывает использование интегративной и ориентационной функций политического дискурса в конструировании групповой идентичности [52]. *Интегративная функция* направлена на формирование сплоченной коллективной идентичности через апелляцию к общим ценностям, истории и культурным традициям. *Ориентационная функция*, напротив, маркирует внешние и внутренние угрозы, используя негативные стереотипы и обвинительную риторику для делегитимации «других». Синергетическое взаимодействие указанных функций позволяет консолидировать сторонников и, одновременно, оправдать враждебный дискурс в отношении политических оппонентов.

Реализация проанализированных функций политического дискурса неразрывно связана с деятельностью государственных и социальных институтов. Через дискурсивные практики институты транслируют собственные принципы и конструируют специфические модели реальности, осуществляя обозначение и легитимацию политических акторов [53, 54].

Особое значение для прагматического анализа имеет структура политического коммуникативного акта. Сравнительное исследование политического и дипломатического дискурсов, проведенное А. Ислам и А. Е. Бейсебаевой, выявляет онтологию политической коммуникации – её выраженную *стратегическую природу и полисубъектность* [55]. В данной системе взаимодействуют три участника: *адресант* (политик), *прямой адресат* (оппонент) и *адресат-наблюдатель* (массовая аудитория). В отличие от дипломатической коммуникации, политическое общение всегда имеет двойную направленность: даже при прямом обращении к оппоненту речевое действие нацелено на его дискредитацию и одновременную самопрезентацию говорящего в глазах «наблюдателя». Подобная трехчастная структура коммуникации находит свое наиболее полное жанровое выражение в политическом интервью.

Политический дискурс, охватывая обширное поле речевой деятельности в политической сфере, проявляется в многообразии жанров. Так, Е. И. Шейгал разграничивает жанры институциональной политической коммуникации на первичные, составляющие основу политической деятельности (речи, заявления, дебаты, переговоры, декреты, конституции, партийные программы, лозунги) и вторичные, или «разговоры о политике» (интервью, анекдоты, аналитические статьи, мемуары, письма читателей, граффити, карикатура и др.) [34, с. 328]. *Политическое интервью* среди них занимает особое место и является одним из наиболее динамичных и распространённых событийных видов политического дискурса [56, с. 69; 57, с. 61]. Н. И. Лавринова отмечает, что *политическое интервью* сочетает в себе признаки политического дискурса, а также особенности дискурса СМИ и диалогического текста [58, с. 68]. Понимание влияния СМИ на политические интервью и общественное мнение имеет

решающее значение для анализа социальных последствий этого процесса коммуникации [59].

Жанровая специфика политического интервью задана синтезом свойств политического и медийного дискурсов, а также диалогической природой. Анализ теоретических работ [60, 61, 62] позволяет выделить комплекс конститутивных характеристик данного жанра, определяющих структуру и динамику речевого взаимодействия сторон.

Первой конститутивной характеристикой выступает *интенциональность*, определяющая стратегический характер политического интервью. В данном целенаправленном коммуникативном событии участники реализуют свои прагматические установки с учетом фактора массового адресата. Как отмечает И. В. Савельева, именно коммуникативная интенция субъекта речи детерминирует его роль в дискурсе [63]. Различие целевых установок определяет динамику интервью. Если задачей журналиста является донесение информации до аудитории и верификация позиций власти, то интервьюируемый политик стремится к управлению общественным мнением и конструированию позитивного имиджа – личного, партийного или государственного [64, 65]. Политик находится в позиции отвечающего, его интенцией является также трансляция своей позиции аудитории [65, с. 193]. Интенциональность обеспечивает стратегическую заданность политического интервью: интервьюер нацелен на получение скрываемой информации, политик – на персуазивное воздействие и самопрезентацию.

Второй важнейшей характеристикой жанра является *полисубъектность*. Политическое интервью представляет собой сложный трехсторонний коммуникативный процесс. Н. И. Лавринова, рассматривая текстообразующие свойства жанра, определяет полисубъектность как взаимодействие трех *антропоцентров*: интервьюера (журналиста), интервьюируемого (политика) и потенциального массового адресата [58, с. 70]. В этой системе журналист и политик, находясь в прямом речевом контакте, ориентируют свое поведение прежде всего на третьего участника – *адресата-наблюдателя*. По словам М. А. Стрельниковой, индивидуальные речевые стратегии участников детерминированы необходимостью воздействия на массовое сознание: для политика первостепенный интерес представляет не то, что понял оппонент, а то, как его слова будут интерпретированы аудиторией [66]. Таким образом, присутствие незримого третьего субъекта трансформирует классический диалог в публичный, где каждая реплика порицания или самозащиты рассчитана на персуазивный эффект в отношении электората.

Третьей конститутивной характеристикой жанра является *дискурсивная гибридность*, проявляющаяся в синтезе признаков политического дискурса, дискурса СМИ и структурных особенностей диалога. Политическое интервью выступает как специфическая форма институционализированного общения, обеспечивающая взаимосвязь властных структур и гражданского общества через медийное посредничество [67]. Фундаментальное значение для данного жанра имеет его *диалогическая природа*. А. В. Прожога определяет политическое интервью как диалогическое единство, представляющее собой

цельный текст, структурированный через вопросно-ответное взаимодействие [60]. Согласно А. К. Михальской, указанный диалог носит строго конвенциональный характер и базируется на четком распределении речевых ролей. В рамках данной коммуникативной модели журналист реализует функцию социального контроля, выявляя общественно значимые, в том числе конфликтные или «опасные», темы. В то время как политик стремится использовать диалоговое пространство для подтверждения своей востребованности и легитимации собственной позиции [61, с. 68]. Таким образом, текстообразующий потенциал интервью формируется на пересечении трех измерений: политической стратегии, медийного формата и динамики диалога.

Четвертой конститутивной характеристикой жанра является специфическая *статусно-ролевая организация*. Политическое интервью базируется на строго определенной дискурсивной практике вопросов и ответов. Подобная последовательность реплик закрепляет распределение ролей: интервьюер выполняет функцию профессионального представителя медиаорганизации, а интервьюируемый выступает в качестве политика, транслирующего позицию определенной партии [68]. Роль журналиста заключается в управлении диалогом через постановку вопросов, нацеленных на получение актуальной информации и на выявление конфликтных или завуалированных аспектов политического процесса. Интервьюер стремится предложить аудитории «современный и интересный взгляд» на события и их главных акторов, выполняя тем самым социальный заказ массового адресата [68, с. 1393].

Эффективность речевого взаимодействия в рамках данной структуры обеспечивается выбором конкретных речевых актов и стратегическим использованием паралингвистических параметров. Динамика эмоциональности, темп речи и объем высказываний выступают автономными инструментами за доминирование в диалоге. Согласно Л. Тинтину, ускорение темпа речи позволяет участнику перехватить инициативу или ограничить возможность оппонента для полноценного ответа [64, с. 118]. Варьирование эмоционального фона служит для суггестивного воздействия на аудиторию, а манипулирование объемом реплики часто используется как тактика ухода от прямого ответа на неудобный вопрос. Таким образом, формальная организация интервью усиливает агональное взаимодействие разнонаправленных стратегий: журналист использует заранее проработанный сценарий для деконструкции политической позиции собеседника, в то время как политик стремится использовать каждую реплику для самопрезентации и сохранения имиджевой стабильности.

Пятой конститутивной характеристикой жанра выступает *диалектическое сочетание сценарности и спонтанности*. В отличие от свободного информационного диалога, политическое интервью характеризуется высокой степенью детерминированности со стороны журналиста: именно он определяет круг обсуждаемых проблем, логику смены тем и регламент коммуникативного взаимодействия [64, с. 120].

Однако, как отмечает Н. И. Лавринова, институциональная регламентация интервью неизбежно сталкивается со спонтанностью речевой деятельности участников [58, с. 71]. Эта характеристика проявляется в двух аспектах. Во-первых, динамичный характер беседы провоцирует непосредственные реакции, при которых невербальные и паралингвистические сигналы способны эксплицировать подлинные интенции субъектов политики, зачастую не предусмотренные официальным сценарием. Во-вторых, спонтанность выступает гарантом авторства дискурса: в отличие от политических манифестов или программных речей, создаваемых коллективом спичрайтеров, интервью отражает индивидуальный коммуникативный стиль и реальные стратегические установки самого политика. Подобный человеческий фактор обеспечивает высокую степень релевантности дискурс-анализа, позволяя исследовать стратегии порицания как результат спонтанного речевого выбора в условиях агонального взаимодействия.

Шестой конститутивной характеристикой жанра выступает *театральность*. В рамках политической коммуникации театральность трактуется как перформативный аспект взаимодействия, при котором события интерпретируются массовой аудиторией в качестве специально организованного представления. Данная специфика проявляется как на когнитивном уровне (осмысление политической сферы через театральную метафору), так и на вербальном – в частотном использовании лексики и метафорических моделей, связанных с драматургией и сценическим действием [69, 70]. Например, выражения, значения которых реализуют театральную метафору, часто служат целям порицания в американском политическом интервью: *scripted performance*, *political theater* или *pulling the strings*. Введение в контекст значений, отсылающих к сфере знаний о театральном представлении, позволяет участнику диалога делегитимировать действия оппонента.

Ключевую роль в реализации театральности играет фактор *адресата-наблюдателя*. Е. И. Шейгал утверждает, что в коммуникативной ситуации политического интервью журналист и политик осознанно реализуют ролевые установки, ориентируя свои реплики на внешнюю публику [32, с. 97; 71]. Современная медиатизация окончательно трансформирует политику в формат шоу: в условиях телевидения и интернета интервью превращается в «постановочный спектакль», где политик выступает в роли актера, стремящегося произвести необходимый эффект на электорат [72]. Таким образом, *театральность становится инструментом стратегического управления публичным имиджем, позволяя использовать акты порицания как элементы политического перформанса, нацеленного на эмоциональное вовлечение зрителя.*

Резюмируя анализ политического интервью как жанра в пространстве современной коммуникации, можно сформулировать следующие обобщения. *Политическое интервью* представляет собой гибридный институциональный жанр, функционирующий на пересечении дискурса политики и массмедиа. Природа данного жанра определяется не только задачами информирования, но и необходимостью стратегического воздействия на общественное сознание.

Специфика интервью детерминирована комплексом конститутивных признаков, среди которых ключевыми выступают *интенциональность, статусно-ролевая асимметрия и театральность*, превращая интервью из диалога двух лиц в полисубъектное событие, в котором речевое поведение участников ориентировано на *адресата-наблюдателя*, иначе, массовую аудиторию. *Агональность* является системообразующим качеством данного жанра. В условиях борьбы за власть и легитимность интервью становится площадкой для столкновения стратегий, где порицание выступает закономерным инструментом делегитимации оппонента и легитимации собственной позиции. Сочетание *сценарности и спонтанности* обеспечивает высокую репрезентативность политического интервью для анализа идиостилей политиков, позволяя фиксировать подлинные коммуникативные стратегии политических акторов в условиях реального речевого взаимодействия, эксплицируя скрытые интенции и идеологические установки.

1.3 Критический подход к исследованию политической коммуникации

Исследование американского политического интервью требует применения комплекса методов, позволяющих раскрыть эксплицитные и имплицитные механизмы речевых стратегий. Опираясь на принципы функциональной парадигмы, изложенные в п.п 1.1, и специфику политического интервью (п.п. 1.2), мы обращаемся к *Критическому дискурс-анализу (КДА)* как к ключевой методологической базе.

Методология КДА исследует то, как дискурс конструирует социальную реальность, воспроизводит отношения власти и социального неравенства. КДА рассматривает дискурс «инструментом социальной активности», используемый для конструирования реальности, реализации власти и формирования идеологий [73, с. 27]. Джеймс Пол Джи называет данный механизм «магическим свойством» или способностью значений и контекста взаимно влиять друг на друга, когда коммуникативная ситуация формирует высказывание [74, с.11].

Описывая принципы критического дискурс-анализа, Т. ван Дейк подчеркивает значимость социального фактора, включая в число объектов исследования такие явления, как «злоупотребление социальной властью, доминирование и неравенство» [75]. Данные феномены проявляются и воспроизводятся через текст и речь в определенном социально-политическом контексте. КДА, в свою очередь, направлен на выявление механизмов доминирования в обществе и способов противодействия им. Ученый делает следующее методологическое обобщение:

– *КДА решает социальные проблемы.* Цель КДА, согласно Т. ван Дейку, заключается в выявлении того, как язык способствует дифференциации общества, предвзятости и доминированию одних над другими. Например, исследование расистского дискурса раскрывает речевые приемы навязывания стереотипов и поддержания дискриминации в обществе [35, с. 110; 75, с. 325];

– *отношения власти дискурсивны*. Так Т. ван Дейк вычленяет основной объект анализа, а именно способы выражения, воспроизводства оспаривания власти в дискурсе [12, с. 237; 35, с. 15]. В политическом интервью каждый участник пытается установить свое превосходство в ходе разговора [23, с. 165];

– *дискурс конституирует общество и культуру*. В этом положении раскрываются функции дискурса. Например, СМИ, говоря о мигрантах как о «потоке» или «нашествии», создает в обществе определенный образ данной группы, который может не соответствовать действительности [45, с. 277];

– *дискурс выполняет идеологическую работу*. Тем самым указывается на механизм дискурсивного формирования системы убеждений и ценностей, которая кажется «естественной» или «здоровым смыслом» для говорящих, но на самом деле согласуется с интересами определенной социальной группы. Например, высказывания о «свободном рынке» в политическом интервью способствуют укреплению идеологии, благоприятствующей корпорациям, а не простым работникам;

– *дискурс историчен*. В этом положении Т. ван Дейк заявляет о необходимости учитывать историко-культурный контекст существования дискурса [11, с. 152; 75, с. 325]. Дискурс формируется историческими событиями и, в свою очередь, влияет на них. Например, современный политический дискурс о правах человека уходит корнями в исторические движения за гражданские права, и интерпретация определенных сообщений становится невозможной;

– *связь между текстом и обществом опосредована*. Т. ван Дейк указывает на необходимость анализа обширного эмпирического материала. Например, одно и то же политическое заявление будет по-разному восприниматься в зависимости от того, как его подают разные СМИ (революционное или радикальное). Текст, являясь зафиксированным, статичным и целостным сообщением, не отражает напрямую состояние общественного мнения. Между ними есть промежуточное звено: дискурсивная практика или функционирование множества текстов в определенных ситуациях, обусловленных социальным и культурным контекстами, в которых высказывания производятся, распространяются и интерпретируются [4, с. 150; 21, с. 155];

– *анализ дискурса носит интерпретирующий и объяснительный характер*. В этом положении ученый формулирует задачи исследователя, который работает в рамках КДА, а именно раскрыть невербальное содержание речевого материала, косвенные функции, модели, и почему оказывается именно такой социальный эффект [23, с. 162].

Обобщения, сформулированные Т. ван Дейком, очерчивают ключевые опоры анализа дискурса как формы социального действия. *Продуцирование высказывания является речемыслительным действием и, одновременно, целенаправленным социальным актом*. Например, высказывание о неэффективных решениях правительства является действием, которое наносит ущерб репутации оппонента и меняет общественное мнение о нем.

Д.-П. Джи предлагает проанализировать речевой материал в ракурсе целого ряда установок-вопросов, поиск ответов на которые раскрывают невербализованное содержание текста или высказывания [74, с. 35]. Эти вопросы сгруппированы в четыре основных категории:

- значимость (*Significance*): какие слова, фразы, идеи автор выделяет?
- действия (*Activities*): какие действия совершаются через язык?
- идентичности (*Identities*): какие идентичности конструируются в тексте?
- связи (*Connections*): как язык и действия связываются с другими социальными практиками, институтами и историческими событиями?

Согласно Д.-П. Джи, для раскрытия целей адресанта необходимо выявить *культурные модели (cultural models)*, которые являются бессознательными, коллективными знаниями или сюжетами, применяемые людьми для понимания мира. Значения используемых политиком слов активируют культурные модели. Например, употребление слова *enemy* в политическом дискурсе активирует культурную модель о конфликтах и угрозах (*conflict and war*), что автоматически предопределяет интерпретацию сообщения аудиторией.

В нашем исследовании мы развиваем изложенные выше положения КДА, которые, на наш взгляд, релевантны для изучения феномена *порицания* в политическом интервью и позволяют системно анализировать, как негативная оценка используется в качестве стратегического инструмента для утверждения или оспаривания властных позиций, конструирования идеологически выгодных представлений о «своих» и «чужих», манипулирования общественным мнением и изменения установок адресата. В выработке методологии исследования мы базируемся на *трехмерной модели Н. Фэйрклафа*, которая позволяет анализировать речевой материал сквозь призму социального события, совершаемого говорящим.

Трехмерная модель Нормана Фэйрклафа предусматривает исследование текста, дискурсивной и социальной практик [76]. Применительно к анализу речевых стратегий порицания в политическом интервью, эта модель выглядит следующим образом. *На текстовом уровне* выявляются речевые средства, содержащие порицание с целью раскрыть роль речевых средств в кодировании и интенсификации акта порицания. Исследуется выбор лексики (например, эмоционально-оценочных слов, уничижительных наименований, терминов с негативной коннотацией), синтаксических конструкций, риторических приемов (метафор, сравнений, иронии, гиперболы), которые служат для выражения неодобрения, критики и дискредитации объекта порицания. Особое внимание уделяется выбору значений с негативной коннотацией или эвфемизмов, которые искажают причинно-следственные связи или природу события. Например, замена *corruption* на *misappropriation of funds* или *reform* вместо *spending cuts*. Употребление уничижительных наименований (например, *dictator, puppet*) выражает неодобрение, а также накладывает ограничения на развитие смыслов о демократическом правлении. Кроме того, журналист часто прибегает к риторическим вопросам, которые уже содержат в себе имплицитное обвинение. Например, вопросительная реплика *Isn't it obvious that this policy will bankrupt the country?* не требует ответа, а служит инструментом

дискредитации. Негативная оценка также часто строится на метафорах, представляющих оппонента в негативном свете. Например, сравнение политической системы с *swamp* или *a rusty machine* активизирует в сознании аудитории негативные ассоциации. Гиперболизация негативных последствий действий оппонента служит для усиления критики.

Уровень дискурсивной практики предполагает изучение процессов производства и интерпретации порицающих высказываний в контексте политического интервью. Анализируется, как журналист и политик конструируют порицания (через вопросы, постановку проблем, выбор тем, построение аргументации). Изучаются стратегии порицания и влияние прямого обвинения, имплицитного упрека и косвенной критики на ход интервью, формирование публичного образа с учетом ожиданий участников и потенциальных реакций массовой аудитории. Журналист может использовать прямые обвинения, но чаще прибегает к имплицитным способам выразить критику через постановку проблемных вопросов, вынуждающих политика оправдываться. Например, вместо прямого обвинения *You are corrupt* используется вопрос *How come your family owns so many assets while the rest of the country is getting poorer?* Политик может прибегнуть к уходу от ответа, смене темы, контратаке или переадресации порицания на оппонента, чтобы нейтрализовать критику. Учитывается, как ожидания аудитории и потенциальная реакция влияют на выбор стратегий. Журналист выступает в роли «голоса народа», а политик – «защитником интересов».

На уровне анализа социальной практики высказывания, реализующие порицание, соотносятся с более широким социальным и идеологическим контекстом. Раскрываются властные отношения, которые поддерживаются или оспариваются посредством негативной оценки, процессы легитимации определенных политических решений или позиций и делегитимации оппонентов. В работе анализируется процесс интерпретации социокультурных норм, вербализуемый через обоснование речевых актов порицания. Подобная аргументация выступает инструментом формирования или трансформации общественного сознания в рамках определенной идеологии. Например, обвинение в «нарушении обещаний» апеллирует к норме честности, а обвинение в «неуважении» – к норме этичного поведения. Через негативную оценку стороны ведут борьбу за господствующую идеологию. Например, порицание «неолиберальной политики» со стороны одних и «государственного регулирования» со стороны других отражает фундаментальные идеологические разногласия.

Таким образом, методология критического дискурс-анализа объединяет две взаимосвязанные научные перспективы: *социально-культурную и лингвопрагматическую*. Данные фокусные области позволяют систематизировать концепции, уточняющие методологическую рамку КДА.

Анализ социокультурных факторов соответствует третьему уровню модели Н. Фэйрклафа (социальная практика) и выявляет следующие аспекты. Реализация в речевом материале идеологических установок осуществляется для легитимации одних позиций при одновременной делегитимации других. Как

отмечает С. Н. Федорченко, дискурс власти предоставляет «механизм для верховного вмешательства» в формирование общественного сознания [77]. Согласно теории М. Фуко, обладание дискурсом подразумевает обладание властью, так как властные институты получают возможность контролировать образ мыслей своих граждан и критерии истины, правды, морали и т.д [78]. Власть определяет авторитетность источников информации. Например, в сообщениях в СМИ имеются отсылки на данные официальных ведомств и, одновременно, ставится под сомнение информация от независимых экспертов или оппозиционных СМИ. Подобные упоминания являются инструментом формирования у аудитории картины мира, удобной для власти. Элементы дискурса становятся фильтром, который нормализует одни идеи и исключает другие. Например, *We must pursue robust economic growth even if it means putting aside concerns about social justice*. В данном высказывании значение лексем *economic growth, social justice* вводят в контекст содержание о том, что экономический рост является единственным мерилем успеха, а социальная справедливость – второстепенной по значимости проблемой.

Третий уровень анализа нацелен на раскрытие *способов конструирования социальных проблем*. По Джоэлу Бесту, данный процесс происходит через пробуждение общественного интереса и начинается с выдвижения первичных утверждений-требований, которые могут быть поддержаны медиа в различных формах, в соответствии с канонами медиа-репрезентаций (журналистские расследования, очерки, интервью) [79, с. 26]. Заявления, сделанные активистами, экспертами или общественными деятелями привлекают внимание к некоторому явлению, например, домашнему насилию, изменению климата или неравенству. На данном этапе проблема еще не является общепризнанной. Например: *Every year, another family is torn apart by the tragedy of gun violence. We are failing our communities by allowing easy access to weapons of war. It is long past time for our lawmakers to enact sensible gun reform to protect our children and our communities*. Данное высказывание является утверждением, которое, далее, должно быть поддержано многократным воспроизведением, чтобы стать частью публичного дискурса. В интервью на канале CNN Фаред Закария (Fareed Zakaria) задал следующий вопрос сенатору Линдси Грэмсу: *Given the vast majority of Americans want some kind of gun reform? What is it that is preventing Congress from doing anything?* Проблема недостаточного контроля за оружием, ставшая объектом порицания в интервью с Фаредом Закарией, представлена как симптом системных ошибок. Как утверждает Дж.Бест, медиа, включая интервью, служат ключевой площадкой для превращения частных утверждений в общественно значимые проблемы [79, с. 31]. За каждым объективным суждением социальной проблемы стоит сложный процесс дискурсивного конструирования, в котором язык, медиа и властные отношения работают вместе, формируя у аудитории восприятие реальности, делая определенные нормы и идеи «естественной» частью повседневной жизни.

При этом важнейшей задачей власти является недопущение доминирования в обществе иных типов дискурса, представляющих угрозу для действующей власти [72, с. 105]. Т. ван Дейк подробно описал, как элиты

используют контроль над СМИ для поддержания своего доминирования. Он утверждал, что элиты распространяют свою идеологию, активно подавляя «нежелательные» мнения [35, с. 112]. В цифровую эпоху этот механизм усложнился, перейдя от традиционного контроля над СМИ к использованию алгоритмов, которые позволяют негласно фильтровать информацию и снижать вероятность того, что люди столкнутся с критикой или альтернативными точками зрения.

Используемые в политическом дискурсе аргументы и образы зачастую имеют исторические корни и апеллируют к коллективной культурной памяти, что усиливает воздействие на аудиторию. С. Н. Федорченко отмечает, что исторические письменные источники, такие как челобитные, указы монархов, полицейские уведомления, постановления, хоть и кажутся формальными, являются важным инструментом для понимания контекста политических высказываний [77]. Эта идея находит подтверждение в концепции М. М. Бахтина о диалогичности любого текста, который, с одной стороны, направлен на адресата, в другой отражает прежние взаимодействия различных «голосов» общества [80]. Я. Ассман в работах о культурной памяти также утверждает, что письменные источники, особенно официальные, формируют коллективную память общества [81]. Постановления и законы закрепляют и транслируют для последующих поколений определенные ценности, табу и нормы. Речевые средства документов становятся частью культурного кода, который предопределяет то, что является приемлемым или неприемлемым в данном социуме.

Анализ лингвопрагматических факторов объединяет первый (текст) и второй (дискурсивная практика) уровни модели Н. Фэйрклафа и фокусируется на речевых механизмах, посредством которых реализуются вышеописанные социокультурные факторы. Согласно М. Фуко, дискурс опосредует связь между конкретным текстом (устным или письменным) и социумом [78, с. 25]. Центральным термином, выражающим такую опосредованность, становится *дискурсивная формация* – совокупность высказываний, рассказов, описаний, интерпретаций, комментариев и т.д., выстраивающихся в определенную иерархию исторически сложившихся правил, ритуалов и языковых ресурсов, которые *формируют* и регламентируют речевое поведение в определенной сфере коммуникации. Так, политический дискурс отличается специфическими терминами, реализующими коммуникативные стратегии, устанавливающими и поддерживающими властные трактовки событий.

В лингвопрагматической перспективе дискурс власти реализуется в комплексе коммуникативных приемов, выраженных в форме устных и письменных публичных выступлений, документов. Как утверждает Норман Фэйрклаф, через подобные дискурсивные практики власть, информируя, конструирует реальность, в которой ее статус и решения кажутся единственно правильными [76, с. 100]. Анализ на данном уровне включает выявление *целей коммуникативных действий* говорящих, иначе коммуникативных стратегий, например, обвинения, дискредитации, самозащиты, уклонения, и конкретных тактик их реализации: прямого упрека, иронического намека, переадресации

вины и т.д.. Исследуются и систематизируются лексические единицы, в том числе эмоционально-оценочная лексика, уничижительные номинации, синтаксические конструкции и стилистические фигуры, которые служат инструментами для выражения порицания и оказания перлокутивного эффекта на аудиторию. Перлокутивный эффект оценочных и уничижительных номинаций обосновывается работами Дж. Остина [82]. Дж. Серль описывает ряд риторических вопросов, которые, несмотря на свою форму, зачастую выступают в роли сильных асертивов или косвенные директивов. [83]. Значение стилистических фигур также может быть обусловлено скрытой полемикой. Ирония и метафора являются яркими примерами такого косвенного воздействия [84]. Например, высказывание *Конечно, это было мудрое решение — повысить налоги в период кризиса*. Прилагательное *мудрое* в данном контексте приобретает противоположное значение, что делает порицание более интенсивным. В другом примере, *Политика оппозиции – это «картавый звон из пустоты*, метафора вводит в контекст содержание о бессмысленности и пустословии. Применение метафор в целях дискредитации является распространенным приемом в политическом дискурсе.

Через речевые ходы участники утверждают, оспаривают или трансформируют свои статусно-ролевые позиции: журналист как «обвинитель», политик как «жертва» или «контратакующий». Дебора Таннен рассматривает политический диалог как балансирование между двумя ключевыми потребностями: потребностью в близости (*rapport*) и потребностью в статусе (*status*) [85]. Журналист американского политического интервью использует агрессивный стиль, чтобы утвердить свой статус «обвинителя» и «критика», что подразумевает прямую конфронтацию, использование резких формулировок и вопросов, которые ставят под сомнение авторитет собеседника. Политик отвечает на это, выбирая иной стиль, направленный на защиту статуса. Позиция «жертвы» помогает апеллировать к эмоциональной близости с аудиторией, обходя агрессивный тон журналиста. Позиция «контратакующего» означает выбор открытой борьбы за статус, политик стремится подорвать доверие к журналисту. Работы Д. Таннен демонстрируют, что участники свободно принимают и меняют свои социальные роли.

Резюмируя сказанное, разделение исследования на *социокультурную и лингвопрагматическую* перспективы, позволяет системно анализировать лингвистические инструменты порицания, которые в рамках политического интервью являются средствами реализации сложных идеологических задач.

Казахстанские исследователи политического дискурса Б. А. Ахатова, А. А. Иманбаева, М. Ш. Мусатаева, В. С. Ли интегрируют когнитивный, прагмалингвистический, институциональный и социокультурный аспекты [28, 40, 86, 87]. В данных работах политический дискурс представлен динамической системой, в которой языковые элементы воплощают когнитивные модели и идеологические позиции, а речевые средства функционируют как инструменты коммуникации и стратегического воздействия в институциональной среде, формируясь под влиянием социальных и культурных факторов.

Далее мы рассмотрим *порицание* как прагматическую категорию и речевой акт, определим его структуру, функции и отличия от смежных понятий.

1.4 Порицание как речевой акт и прагматическая категория дискурса

Политическое интервью имеет высокую степень регламентированности, стратегической обусловленности и ориентированности на публичную аудиторию [88]. По мнению М. Л. Макарова, институциональный дискурс ориентирован на структуру, тогда как разговорный дискурс – на процесс. В качестве базисных параметров сравнения вслед за ученым, мы выделяем *ориентированность коммуникации, специфику ролевого взаимодействия и степень регламентированности речевого поведения* (см. табл. 1).

Таблица 1 – Критерии разграничения разговорного и институционального дискурса (по М.Л. Макарову)

Параметр	Разговорный дискурс	Институциональный дискурс
Ориентированность	процесс	Структура
Степень регламентирующих правил речевого поведения	минимум	Максимум
Коммуникативные роли	относительно свободная смена коммуникативных ролей	относительно фиксированная смена коммуникативных ролей
Обусловленность контекстом	большая обусловленность непосредственным контекстом	меньшая обусловленность непосредственным контекстом
Организация дискурса	примат локальной организации	примат глобальной организации
Цели	целей много, они имеют локальный характер	целей немного, они имеют глобальный характер

Сравнительный анализ, приведенный в таблице, демонстрирует, что речевые акты в институциональной сфере, включая акты с негативной оценкой, редко являются спонтанными эмоциональными реакциями. Напротив, они представляют собой тщательно спланированные лингвопрагматические действия, направленные на достижение конкретных политических целей. Одним из наиболее значимых и частотных речевых актов такого рода является *порицание*.

Выражение оценки «плохо» характеризуется функциональной многогранностью [89]. В зависимости от предмета речи порицающие высказывания служат регуляторами, с помощью которых говорящий оказывает влияние на реципиента или на динамику общественно-политических процессов. *Порицание* определяется как отрицательное суждение о действиях собеседника, повлиявших на адресанта или на других людей в разных формах, сообщаемое лично или в публичной форме. Последнее не усиливает негативность оценки, но повышает степень негативного влияния на адресата. Таким образом, *порицание* является отдельным сложным эмоционально-оценочным

коммуникативным актом, который посредством осуждения или критики может вызвать эмоциональное напряжение у адресата [90].

Феномен *порицания* становится объектом научного исследования в работах многих ученых [90-92] и трактуется как публичное выражение явной или неявной отрицательной оценки с целью изменить поведение адресата. Ф. Хундснуршер рассматривает следующие разновидности порицания: 1) управленческий акт, побуждающий принести извинения; 2) приписывание собеседнику обязательство за какой-либо поступок; 3) выражение возмущения относительно текущей ситуации [93]. Порицание содержит вербальное неодобрение разного рода и спорадически сопровождается паралингвистическими средствами. Негативная оценка всегда направлена непосредственно на личность оппонента, его действия или на третьих лиц. Е. В. Григорьев, систематизируя коммуникативные акты, выделяет группу высказываний негативной оценки и включает в нее такие акты, как порицание, критика, неодобрение, упрек. Ключевым параметром данной группы ученый признает функцию осуждения [94].

Н. А. Трофимова подчёркивает, что порицание является особым высказыванием с комплексным содержанием, которое объединяет отрицательную оценку и эмотивное воздействие на адресата [90, с. 20]. Поэтому сложно разграничить порицание и упрек, обвинение, критику.

Отличительной чертой порицания от других смысловых классов неодобрения является *минимальная строгость негативной оценки*. Основной задачей осуждающего считается изменение поведения адресата. Более того, в данных речевых актах непременно наблюдается объяснительная составляющая [95], которую Е. Ю. Джандалиева считает мотивировочной частью высказывания. Говорящий соотносит действие оппонента с этической или социальной нормой, тем самым рационализируя негативную оценку перед массовой аудиторией.

Аналогичное мнение о сложности выделения порицания среди других семантических групп прослеживается в работе М.С. Бачурки [96], поскольку смысловое содержание, коммуникативные цели негативных суждений схожи. Тем не менее автор отмечает следующие дифференциальные признаки. Порицанию свойственна низкая эмоциональность и оно отличается рациональностью. В подобных выражениях зачастую не используются эмотивные, экспрессивные средства, а речевое воздействие характеризуется логичностью. По степени интенсивности негативной оценки порицание расположено в пределах нормы в отличие от упрека, которое обладает более высокой интенсивностью. Следовательно, в порицающих высказываниях неприемлемо использование ненормативной лексики.

В рамках данного исследования *порицание интерпретируется как рациональный и нормативно обусловленный акт, обладающий корректирующей интенцией*. Теоретический синтез положений, представленных в работах Н. А. Трофимовой, Е. В. Григорьева, Е. Ю. Джандалиевой и М. С. Бачурки [90, 94 - 96] позволил сформулировать систему дифференциальных признаков, позволяющих отграничить порицание

от смежных речевых актов негативной оценки. Результаты сопоставительного анализа отражены в таблице 2.

Таблица 2 – Дифференциация порицания среди смежных речевых актов

Параметр	Порицание	Упрек	Обвинение	Критика
Интенсивность	Минимальная строгость негативной оценки, в пределах нормы	Высокая интенсивность негативной оценки	Очень высокая интенсивность, часто с юридической или моральной коннотацией	Средняя интенсивность. Может быть как негативной, так и конструктивной
Эмоциональность	Низкая эмоциональность, рациональный характер. Не используются эмотивные средства.	Высокая эмоциональность, часто сопровождается обидой, разочарованием	Средняя или высокая эмоциональность, выражает возмущение	Низкая или средняя эмоциональность, чаще всего рациональный характер
Фокус критики	Действия или поведение собеседника. Может быть направлено на третье лицо или группу	Негативное действие, причинившее личный вред или обиду говорящему.	Конкретное, часто значимое, неправильное действие или проступок.	Оценка действий, идей, которая может быть направлена на конкретный поступок или на личность.
Цель	Изменение поведения адресата. Включает в себя объяснительную составляющую.	Выражение обиды и требование исправления.	Установление вины и требование ответственности (признания вины).	Улучшение качества чего-либо, анализ или указание на недостатки. Может иметь конструктивную цель.

Анализ данных Таблицы 2 демонстрирует прагматический статус порицания в системе речевых актов негативной оценки. В отличие от аффективного упрека или юридически жесткого обвинения, порицание характеризуется подчеркнутой рациональностью и опорой на этическую аргументацию. Именно эта иллюзия низкой экспрессивности и апелляция к общепринятым нормам обуславливают высокий стратегический потенциал порицания в политическом интервью. В условиях медийной публичности, где прямая агрессия может разрушить имидж политика, порицание выступает как регламентированный инструмент имплицитного давления. Политик использует «объяснительную составляющую» порицания не для реальной коррекции поведения оппонента, что невозможно в агональном дискурсе, а для легитимации собственной политической позиции. Демонстрируя псевдообъективность и приверженность логике, адресант маскирует акт делигитимации противника под форму морального или институционального наставления.

Для уточнения прагмалингвистического статуса порицания в американской лингвокультуре нами был проведён анализ данных авторитетных англоязычных лексикографических источников. Обобщение дефиниций, представленных в словарях Oxford English Dictionary, Merriam-Webster

Dictionary, Cambridge Dictionary, позволило выявить ключевые концепты и соответствующие лексические маркеры, формирующие семантическое поле негативной оценки. Результаты анализа представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Ключевые концепты негативной оценки и соответствующие лексические маркеры в английском языке

Концепт	Ключевые лексемы (маркеры)	Типичные речевые конструкции
Negative Evaluation	<i>wrong, unacceptable, inappropriate, failure, poor</i>	<i>It is widely considered that... / This is far from ideal.</i>
CENSURE	<i>condemn, denounce, official statement, breach, violation</i>	<i>The committee formally denounces... / A grave violation of protocol.</i>
BLAME	<i>fault, responsible, account for, cause, due to</i>	<i>It's your fault that... / Who is to blame for this disaster?</i>
REPROACH	<i>disappointed, let down, expect, how could you</i>	<i>I didn't expect this from you. / You've let the whole team down.</i>
ACCUSATION	<i>accuse, charge, claim, evidence, allege</i>	<i>You are being accused of... / There is evidence to suggest that...</i>
SHAMING / SMEARING	<i>disgrace, pathetic, dishonest, scandalous, smear</i>	<i>You should be ashamed. / This is a pathetic attempt to hide the truth.</i>
MOCKERY / SARCASM	<i>brilliant (ironic), genius, "so-called", laughable</i>	<i>Oh, what a "brilliant" move! / Is that the best you can do?</i>

Обобщение выявленных концептов позволило структурировать их в соответствии с классическими принципами когнитивной категоризации и теории прототипов Э. Рош и Дж. Лакоффа, получившими свое развитие в современных лингвопрагматических и когнитивных исследованиях оценочного дискурса [97 - 98].

В результате была сформирована иерархическая модель категории негативной оценки в англоязычной лингвокультуре согласно уровням концептуализации (см. табл. 4).

Таблица 4 – Иерархическая таксономия категории негативной оценки в англоязычной лингвокультуре

Уровень категоризации	Англоязычный концепт	Прагмалингвистическая специфика	Реализация в стратегиях порицания
1	2	3	4

Продолжение таблицы 4

1	2	3	4
Суперординатный (абстрактный)	NEGATIVE EVALUATION / DISAPPROVAL	Макрокатегория, выражающая общее несогласие и отрицательную оценку.	Формирует общую агональную рамку интервью.
Базовый (ядерный)	CENSURE	Официальное, институциональное осуждение. Фокус на статусе и нарушении норм.	Стратегия осуждения, легитимация власти.
	BLAME	Каузальная атрибуция вины. Фокус на поиске ответственного («кто виноват»).	Стратегия обвинения, юридическо- фактологический вектор.
	REPROACH	Эмоциональный упрек. Фокус на неоправданных ожиданиях в межличностном контакте.	Тактика упрека, косвенное порицание.
Субординатный (детальный)	ACCUSATION / INDICTMENT	Формальное предъявление вины на основе улик.	Тактика обличения, понижения статуса.
	SHAMING / SMEARING	Социальное унижение и целенаправленная дискредитация имиджа.	Тактика оскорбления, личностная дискредитация.
	MOCKERY / SARCASM	Снижение статуса оппонента через осмеяние.	Тактика иронии и сарказма.

Анализ таксономии в таблице 4 позволяет выявить внутреннюю логику концептуализации порицания в американском политическом интервью. Иерархическая структура демонстрирует полярность категории порицания в англоязычной лингвокультуре.

На базовом уровне четко разграничивается институциональное, статусное осуждение (CENSURE) и каузальная атрибуция вины (BLAME). Концепт CENSURE имеет компонент официального вердикта, в то время как BLAME переводит порицание в плоскость поиска конкретных виновных. Наибольшей детализацией в англоязычной лингвокультуре обладает нижний уровень категоризации, подразумевающий тактики прямой и косвенной агрессии (ACCUSATION, SHAMING, SMEARING, MOCKERY). Такое количество семантики, направленной на социальное унижение и разрушение имиджа оппонента, указывает на то, что в данном лингвокультурном контексте порицание тесно связано с подавлением адресата в процессе коммуникации. Также по сравнению с общей категории неодобрения, в англоязычной таксономии слабо представлены маркеры «мягкого» наставления, коррекции.

Эмоциональный спектр представлен преимущественно концептом REPROACH, который носит характер межличностной претензии, а не этического воспитания. Таким образом, структура категории порицания в англоязычной лингвокультуре изначально содержит *высокий агональный (конфликтогенный) потенциал*.

Для компаративного анализа была смоделирована иерархическая таксономия порицания в русскоязычной лингвокультуре. Опираясь на определения речевых актов негативной оценки в трудах Н. А. Трофимовой, Е. Ю. Джандалиевой и М. С. Бачурки [90, 96], а также с привлечением лексикографических данных мы разграничили следующие уровни концептуализации негативной оценки (см. табл. 5):

Таблица 5 – Иерархическая таксономия категории негативной оценки в русскоязычной лингвокультуре

Уровень категоризации	Русскоязычный концепт	Прагмалингвистическая специфика	Функциональная направленность
Суперординатный (абстрактный)	Негативная оценка / Неодобрение	Макрокатегория, выражающая вербальное неприятие действий или качеств субъекта.	Этическая регуляция поведения в социуме.
Базовый (ядерный)	ПОРИЦАНИЕ	Рациональный, нормативно обусловленный акт. Минимальная строгость, низкая эмоциональность.	Корректирующая интенция: изменение поведения через апелляцию к норме.
	УПРЕК	Эмоционально насыщенный акт высокой интенсивности. Фокус на личной обиде.	Экспрессивное выражение недовольства.
	ОБВИНЕНИЕ	Официально-деловой или конфликтный акт. Фокус на установлении вины.	Юридическая или моральная санкция.
	КРИТИКА	Интеллектуальный акт анализа недостатков. Деструктивный или конструктивный характер.	Улучшение качества объекта через денонсацию ошибок.
	ИРОНИЯ / НАМЕК	Косвенная форма порицания через семантическую инверсию.	Косвенная дискредитация имиджа.
Субординатный (детальный)	ОБЛИЧЕНИЕ	Предъявление фактов и аргументов, доказывающих виновность.	Верификация вины (тактика «анализ-минус»).
	ОСКОРБЛЕНИЕ / ИНВЕКТИВА	Прямая агрессия, направленная на девальвацию личностного статуса.	Психологическое подавление оппонента.

Анализ русскоязычной таксономии (таблица 5) демонстрирует иную логику осмысления негативной оценки. Структура категории порицания в русскоязычной лингвокультуре характеризуется *выраженной «воспитательной» направленностью*. Ядерным концептом выступает собственно ПОРИЦАНИЕ, которое понимается как *рациональный акт, направленный на коррекцию поведения оппонента*. Наличие «апелляции к норме», т.е. объяснительной составляющей, придает соответствующему акту характер наставления. Четко разграничивается эмоциональная обида УПРЕК и институциональное наказание ОБВИНЕНИЕ. При этом КРИТИКА выделяется как самостоятельный интеллектуальный акт, который направлен на улучшение объекта критики и может иметь конструктивный характер. Субординатный уровень русской таксономии (насмешка, инвектива), хотя и присутствует в лексической системе языке, не воспринимается как социально одобряемый инструмент для публичного диалога, оставаясь на периферии институционального общения.

Сопоставительный анализ таблиц 4 и 5 позволяет утверждать о следующем различии. В русскоязычной лингвокультуре концепт ПОРИЦАНИЕ на базовом уровне занимает уникальную нишу. Он является рациональным и «мягким» инструментом, выполняющим воспитательную функцию. В англоязычной лингвокультуре данная ниша оказывается лакунарной: английский эквивалент CENSURE значительно более формализован и институционален, а наиболее частотный концепт BLAME лишен дидактичности и направлен исключительно на поиск виновного. Таким образом, *лексико-семантическая система английского языка предлагает американским политикам специфический инструментарий для реализации порицания, что естественным образом формирует жесткий, бескомпромиссный стиль политического интервью*.

В рамках институционального дискурса порицание приобретает статус коммуникативной стратегии. Рациональная основа и нормированность делают его идеальным инструментом для достижения макроцелей, выходящих за рамки непосредственного диалога. Т. В. Черницына рассматривает *коммуникативную стратегию порицания* как систему целенаправленных действий, направленных на достижение определенных коммуникативных целей, и способов реализации оценочной семантики, при помощи которых адресант выражает негативную оценку действий, поведения, личностных качеств адресата или третьего лица [99].

В рамках теории речевых актов *порицание* интерпретируется как оценочное суждение [100], обладающее широким функциональным спектром и коррелирующее с нормативными стандартами поведения [101]. Порицание имеет вариативные формы реализации: выступая как экспликация негативного отношения к действиям оппонента, оно может транслироваться непосредственно объекту критики или реферироваться третьей стороне. Смена формата коммуникации с частного на публичный детерминирует вариативность перлокутивного эффекта и предопределяет стратегическую значимость высказывания. В казахстанской лингвистической науке также

уделяется внимание *порицанию* как стратегическому речевому акту в политическом дискурсе. Так, З. К. Темиргазина исследует механизмы выражения негативной оценки и порицания в публичной коммуникации, отмечая их роль в регулировании поведения адресата и формировании общественного мнения [102]. Кроме того, Ч. О. Байгунакова анализирует использование порицания в институциональной и политической коммуникации, подчеркивая стратегическую функцию такого речевого акта для легитимации власти и дискредитации оппонента [103].

В современной лингвистике исследование феномена *порицание* осуществляется в рамках нескольких пересекающихся направлений, что обусловлено сложной прагматической природой. *Коммуникативно-прагматический подход* (например, работы И. Г. Дьячковой) рассматривает порицание преимущественно в оппозиции к речевому акту похвалы, относя его к фатическому жанру [91]. В данном русле акцент делается на межличностном взаимодействии: целью порицания выступает провоцирование самокритичного отклика реципиента. *Институционально-лингвокультурный подход* (труды О. А. Евтушенко) трактует порицание как статусно-ориентированный концепт [104]. Данный феномен структурируется социальными параметрами: 1) коммуникацией партнёров с разным социальным статусом; 2) формальной обстановкой; 3) некорректным поведением коммуниканта; 4) выражением осуждения и критикой от вышестоящего участника общения; 5) ожиданием признания вины объектом критики [104, с. 81]. Вне зависимости от подхода порицание рассматривается в качестве *самостоятельного сложного речевого акта*, синтезирующего в себе интенции упрека, обвинения и наставления. Основным отличительным признаком ученые также отмечают негативную оценку и направленность на эмотивное воздействие на адресата. Поскольку в реальной коммуникации эти компоненты трудно изолировать друг от друга, порицание выступает как целостная категория, обладающая собственной ценностной структурой и иллокутивными функциями.

Англоязычное научное пространство демонстрирует иную перспективу анализа *порицания*, разделяя его на микро- и макроуровни. В рамках *классической теории речевых актов* [82, 83] порицание (*blame, reproach*) классифицируется внутри категории экспрессивов, которые выражают психологическую реакцию говорящего. Однако в *критическом дискурс-анализе* [35, 45, 76] западная традиция отходит от трактовки порицания (*censure, condemnation*) как межличностного этического акта. Здесь оно исследуется как макростратегия дискурсивной делегитимации – инструмент конструирования властных отношений, идеологического доминирования и формирования негативного образа «чужого».

Примеры подтверждают, что выбор агрессивных и бескомпромиссных тактик порицания американскими лидерами обусловлен политическими задачами и рамками англоязычной лексико-семантической системы. Так, в политическом интервью макростратегии порицания реализуются с помощью различных приёмов. В интервью *60 Minutes* Дональд Трамп прибегает к стратегии дискредитации источника критики, что соответствует концептам

CENSURE и BLAME. Он отрицает объективность журналистской критики и перекладывает негатив на медиа: *No, I'm not looking for that... if I didn't have social media, I'd have no way of getting out my voice, а затем подчёркивает, что «the media is corrupt» и «the media is fake»* (CBS News, от 25.10.2020) – превращая объективный запрос в обвинение СМИ в недобросовестности. В другой части того же интервью Трамп переосмысливает критику ведущей как нападение на себя, заявляя: *You've discredited yourself*, тем самым переводя негативную оценку с собственных действий на репутацию интервьюера, что вводит в контекст концепт BLAME. Также, в другом на CNN Д. Трамп прямо обвиняет президента Дж. Байдена и вице-президента К. Харрис в ответственности за попытку нападения, перенаправляя негативную оценку на третьи лица и усиливая агональность диалога: *I think to a certain extent it's Biden's fault and Harris' fault... they were weaponizing government against me...* (CNN, 28.08.2024).

Джо Байден также демонстрирует в процессе политического интервью перераспределение негативной оценки, но делает это через указание на действия оппонентов. Так, в интервью на подкасте *No Lie Podcast*, отвечая на критику своей администрации, он смещает фокус с собственной ответственности. *They are spreading false narratives* (No Lie Podcast, от 25.02.2022). Содержание высказывания соотносится с концептом BLAME / ACCUSATION, репрезентируя CENSURE (осуждение), но не является прямой речевой агрессией.

Таким образом, синтез отечественных и англоязычных подходов позволяет утверждать, что в политическом интервью речевой акт порицания приобретает статус комплексного инструмента доминирования, интегрируя институциональный авторитет говорящего и конфронтационную специфику политического взаимодействия.

Опираясь на положения лингвопрагматики Дж. Серля, В.И. Карасика, развивая концепции В.Е. Чернявской, О.Н. Паршиной, Н.А. Трофимовой, мы выделяем следующие функции порицания. Прежде всего, говорящий *информирует* партнера по коммуникации о своей позиции относительно некоторого действия или поведения последнего. Адресат получает своего рода социальную оценку собственной личности, представление о себе со стороны окружающих. Следовательно, с их помощью говорящий модифицирует систему ценностей и установок адресата, а значит, способен добиться изменений и в поведении собеседника. Р. М. Хэр раскрывает *регулятивную* функцию таким образом: «Отличительной чертой всех ключевых слов этики является предназначенность для того, чтобы руководить выбором и действием. ... Если человек принимает этическое суждение, он должен также принять и выведенный из него императив» [104, с. 171; 105, с. 100]. К. Лоренц указывает на динамический характер этических норм и ценностей, к которым апеллирует и которыми оперирует говорящий в порицании, их направленность на общую ориентацию человека в мире, утверждая, что индивид – это «перманентно незавершенное существо, перманентно же недоадаптированное и недоструктурированное, но постоянно открытое миру, постоянно

становящееся» [107]. Согласно ученому, освобождение говорящего от эмоциональной перегрузки является также функцией порицания [107, с. 26]. Отрицательные эмоции в адрес другого участника коммуникации возникают большей частью в силу того, что объект порицания является значимым для говорящего [108].

Таким образом, порицание осуществляет три функции. *Информирующая* подразумевает сообщение адресату о своем негативном суждении по поводу определенных качеств, действий или решений последнего. Коммуникант получает специфическую социальную проекцию своего образа. *Регулятивная функция* предполагает воздействие на собеседника с целью определенных изменений в действиях объекта отрицательного суждения. *Эмоциональная функция* подразумевает выражение отрицательные эмоции и обусловлена значимостью объекта порицания для говорящего.

Необходимо подчеркнуть, что в условиях публичной институциональной коммуникации, такой как политическое интервью, происходит трансформация доминирующей функции порицания. Хотя в межличностном общении данный речевой акт сохраняет регулирующую направленность, в политическом дискурсе ключевая цель меняется. Основной стратегической задачей становится не принуждение оппонента к исправлению, а его делегитимация перед публичной аудиторией. Регулятивная функция реализуется опосредованно, через воздействие на общественное мнение.

Феномен *порицания* характеризуется дискретностью репрезентации. Фрагментарность языкового оформления дает говорящему возможность стратегического планирования речи. Кроме статусно-ролевых характеристик участников речевого взаимодействия, прагматических интенций каждого и выбранных способов кодирования информации важную роль играет степень конфликтности ситуации. Данный фактор определяет выбор между эксплицитным и завуалированным порицанием [109, с. 114]. Специфика порицания как конфликтного акта проявляется в особом, усложненном механизме обмена информацией (см. Приложение А). В отличие от кооперативного диалога с прямой обратной связью, дискретная структура порицания активизирует механизм *коммуникативной антиципации* — способности адресанта прогностически оценивать реакцию оппонента и адаптировать свою речевую стратегию еще до момента высказывания. Речепорождение разворачивается в три стадии: *прогностическое моделирование ответа - целенаправленное речевое действие - рецепция ответной реакции*. Эффективность подобного стратегического планирования обеспечивается наличием у коммуникантов общей базы *пресуппозиций*, т. е. разделяемого социокультурного и политического контекста.

По мнению И. Ю. Русановой, для речевого акта порицания типичны случаи, когда статус адресанта выше статуса реципиента или их позиции одинаковы. Автор систематизирует объекты порицания согласно участникам коммуникативной ситуации:

- адресат (внешний вид, личные качества, компетентность, действия, самооценка, отношение к окружающим людям, коммуникативное поведение, социальный статус);
- группа людей (власть, журналисты / СМИ, организации);
- человек, отсутствующий во время беседы, но воздействие направляется на адресата [110].

Рассматривая порицание как «особый комплексный эмотивно-оценочный речевой акт, способный каузировать состояние эмоционального дискомфорта у собеседника», Н. А. Трофимова устанавливает прямую зависимость перлокутивного эффекта в виде коррекции поведения адресата от статусных ролей коммуникантов. Фундаментальный вывод исследовательницы заключается в прагматической неэффективности порицания «снизу вверх». В условиях статусной асимметрии подобный речевой акт лишен необходимого морально-институционального основания, вследствие чего ожидаемая реакция адресата блокируется. Напротив, порицание, транслируемое с позиции «сверху вниз», обладает значительно большим перлокутивным потенциалом, поскольку априори воспринимается реципиентом как легитимное и обоснованное [108, с. 136]. Следовательно, интенциональность порицания детерминирована статусной иерархией коммуникантов. Необходимость удержания речевого поведения в конвенциональных рамках своих социальных ролей выступает ограничивающим фактором, сужающим вариативность доступных стратегий и тактик негативной оценки.

Таким образом, *порицание как прагматическая категория* – это комплекс коммуникативных действий в политическом дискурсе, объединенных макрофункцией стратегического воздействия. Макрофункция реализуется через ряд взаимосвязанных политических целей: дискредитацию, делегитимацию, манипуляцию, конфронтацию, самолегитимацию и исправительное воздействие. Данная категория охватывает все вербальные и невербальные средства, используемые для выражения негативной оценки действий, позиций или личных качеств политического субъекта с конечной целью подорвать его авторитет и легитимность власти, повлиять на общественное мнение, открыто противостоять оппоненту, укрепить собственный положительный имидж, принудить соперников к изменению политического поведения. Условиями реализации категории порицания становятся наличие нарушенной социальной или политической нормы и приписывание ответственности конкретному объекту критики. Таким образом, порицание выступает как стратегический инструмент для достижения широкого спектра политических целей.

Порицание как речевой акт представляет собой конкретное, стратегически спланированное высказывание в рамках политического интервью, иллокутивной целью которого является прямое или косвенное выражение неодобрения. В отличие от категории, речевой акт порицания анализируется в качестве тактического инструмента для достижения коммуникативных целей одного из участников конкретного диалога через различные формы: прямое обвинение, риторический вопрос, ироническое замечание или имплицитный упрек.

1.5 Американское политическое интервью в контексте национальной лингвокультуры

Специфика американского политического дискурса детерминирована уникальным социокультурным контекстом США как мультикультурного государства с устойчивой *идеологической биполярностью* [51, с. 36; 111]. В этих условиях целью публичных заявлений становится эмоциональное вовлечение в политическую коммуникацию массового адресата через апелляцию к «американской идентичности» и базовым ценностным доминантам. Такая необходимость трансформирует дискурс в пространство *высокой персуазивности*, где борьба идеологий (консерватизма и либерализма) реализуется через противопоставление позиций, что создает предпосылки для использования стратегий порицания.

Н. М. Эдвардс, исследуя обусловленность коммуникативных стилей особенностями национальной культуры, утверждает, что *национальная культура* – это набор норм, моделей поведения, верований и обычаев, которые существуют среди населения суверенной нации [112]. В рамках кросс-культурных исследований М. Пауэлл предлагает классификацию, основанную на приоритетах социального взаимодействия. В данной типологии выделяются «культуры общения», ориентированные на межличностные связи, «культуры доверия» и «культуры фактов». В последних предпочтение отдается прагматичности, объективной информации и деловым соображениям.

Соединенные Штаты Америки традиционно относятся к «культуре фактов». Данная характеристика соотносится с концепцией Э. Т. Холла, согласно которой американская коммуникативная традиция принадлежит к типу с низким уровнем контекста [113]. Специфика низкоконтекстных культур заключается в том, что основная смысловая и прагматическая нагрузка передается эксплицитно, через прямые вербальные сообщения, тогда как в высококонтекстных традициях, например, в странах Азии, преобладает непрямая коммуникация и опора на подтекст.

Представляется обоснованным экстраполировать данную классификацию на сферу политической коммуникации. Принадлежность США к типу «культуры фактов» с низким уровнем контекста [114] объясняет *прямолинейность и высокую степень эксплицитности* американского политического дискурса. В отличие от высококонтекстных культур, где критика часто вуалируется, американский коммуникативный стиль легитимизирует открытую конфронтацию. Это обуславливает *специфику реализации стратегий порицания: они строятся не на сложных аллюзиях или этикетных намеках, а на прямых обвинениях, агрессивной самопрезентации и апелляции к конкретным (или преподносимым как таковые) фактам.*

С учетом сказанного, специфика американского политического интервью детерминируется комплексом качественных признаков, *охватывающих формально-жанровый, субъектный и когнитивный уровни. В формально-жанровом отношении* объектом исследования выступают полноформатные политические интервью крупнейшим новостным изданиям США (ABC News,

CBS News, TIME и др.). Данный формат характеризуется высокой степенью институциональной жесткости и выраженной агональностью. На субъектном уровне дискурсивное пространство формируется триадой ключевых акторов. Центральными фигурами выступают интервьюируемые лидеры Дж. Байден и Д. Трамп, речевое поведение которых репрезентирует квинтэссенцию идеологического противостояния двух ведущих партий. Интервьюеры выполняют функцию модераторов состязательности и институционального фактчекинга, в то время как массовая аудитория выступает в роли поляризованного адресата-наблюдателя. Наконец, когнитивная составляющая дискурса определяет глубинную обусловленность выбора тактик порицания базовыми моральными установками коммуникантов. Для теоретического осмысления последнего аспекта необходимо обратиться к анализу механизмов, посредством которых фундаментальные мировоззренческие модели детерминируют характер и вектор политического порицания.

Особую эвристическую ценность представляет теоретическая концепция Дж. Лакоффа [115]. Ученый доказывает, что политический дискурс является вербальной проекцией базовых моральных установок, которые бессознательно определяют выбор стратегий и интерпретацию событий: *When a political leader proposes a policy, he or she assumes that the policy is right, not wrong or morally irrelevant. Conservatives and progressives typically support opposite policies, because they have opposite moral worldviews – opposite notions of right and wrong. Moral worldviews are important to people, part of their selfidentity* [115, с. 8].

Специфику консервативной и либеральной риторики Дж. Лакофф связывает с глубинными различиями в моделях семейной морали: модели «Строгого отца» и модели «Заботливого родителя». В основе обеих проекций лежит механизм концептуальной метафоры НАЦИЯ – БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ [115, с.180-182]. Рассмотрим подробнее их содержание. Дж. Лакофф в своем труде *Metaphor, Morality and Politics, Or, Why Conservatives Have Left Liberals In The Dust* утверждает, что как либералы, так и консерваторы используют метафору семьи. Государство выступает в роли «родителя», а граждане – в роли «детей». Эта метафора позволяет переносить базовые нравственные законы, действующие в семейных отношениях, непосредственно в сферу политики.

В основе консервативного политического дискурса, по Дж. Лакоффу, лежит патерналистическая модель «Строгого отца», которая придает риторике консерваторов единство и силу. В указанной модели граждане обязаны подчиняться предписаниям правительства, подобно тому, как «хорошие дети» слушаются родителей. Роль «Строгого отца» подразумевает обеспечение и защиту «семьи» от внутренних и внешних угроз. Носитель этой модели руководствуется ценностями нравственной силы, самодисциплины, умеренности и бережливости. Аморальность метафорически приравнивается к заразной болезни. Если «дети» не оказывают должного уважения или совершают проступок, «отец» наказывает их по своему усмотрению. «Взросление детей» становится способом переосмыслить, например, требование о минимальном вмешательстве правительства в личную жизнь граждан. Данная метафорическая проекция активизируется, например, для

объяснения массовой аудитории позицию консерваторов по таким вопросам, как легализация оружия.

Метафора «Строгий родитель» обеспечивает внутреннюю когерентность консервативной позиции: например, почему сторонники «права на жизнь» (противники аборт) выступают за смертную казнь, или почему консерваторы, ратующие за сокращение бюджета, не скупаются на строительство тюрем. Резкое неприятие правительственного «вмешательства» (*meddling*) и лозунги против «Большого правительства» (*Big Government*) метафорически интерпретируются как семейное возмущение вмешательством родителей во взрослую жизнь детей, которым положено быть самостоятельными.

Либеральный политический дискурс, напротив, структурируется метафорической моделью «Заботливого родителя». Её аксиологическое ядро составляют концепты коллективной безопасности, социальной солидарности и эмпатического попечения. Ценностными доминантами выступают устойчивые эмоционально-социальные связи внутри общества и поддержка институтов здравоохранения, образования, культуры. Лояльность граждан-«детей» институтам власти интерпретируется здесь как следствие взаимного доверия и уважения к государству-«опекуну». Функция защиты граждан интерпретируется как неотъемлемый компонент «родительской заботы». При совершении социальных проступков или правонарушений риторический акцент смещается с карательного наказания на возмещение ущерба и реабилитацию оступившихся членов общества.

Фундаментальным конструктом либеральной идеологии является метафорическая модель *Мораль как Эмпатия* (MORALITY AS EMPATHY). Этическим ориентиром признается способность действовать, исходя из интересов и благополучия окружающих, преодолевая индивидуалистический прагматизм. Трансформируясь в моральный императив *Мораль как Забота* (MORALITY AS NURTURANCE), метафорическая модель обеспечивает осмысление помощи социально незащищенным слоям населения как безусловную обязанность государства, что служит ключевым инструментом либеральной риторики к активной поддержке программ социальной защиты, развития образования и системы здравоохранения.

Дж. Лакофф подчеркивает, что хотя в реальной политической жизни наблюдаются многочисленные отклонения от базовых метафор «отца» и «родителя», следование когнитивным моделям помогает политикам избегать «патологических отклонений» в риторике и политическом курсе. Согласно исследователю, именно консерваторы, которые понимают эту взаимосвязь, более успешны в государственной деятельности и получают больше преимуществ в продвижении собственных доктрин, достижении политических целей. Дж. Лакоффа утверждает, что «они добились этого, тщательно проработав свои ценности, осмыслив свои мифы и разработав язык, соответствующий этим ценностям и мифам» [115, с. 210]. Автор подчеркивает эффективность использования консерваторами постоянных повторов лозунгов, укрепляющих связи *семья – мораль – политика* в целях внедрения их в семиосферу политического дискурса.

Специфика современной политической коммуникации США заключается в том, что консерваторы и либералы расходятся в самой интерпретации базовых лексических концептов. В работах Дж. Лакоффа подчеркивается, что *политический либерализм* (в отличие от классического теоретического либерализма) неразрывно связан с моральными установками «Заботливого родителя». Это воплощается в дискурсивных практиках об институтах социальной ответственности, защите окружающей среды и правах граждан [116]. Различие когнитивных матриц приводит к семантической амбивалентности одних и тех же политических терминов. Например, концепт БОЛЬШОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО (BIG GOVERNMENT). В рамках модели «Строгого отца» в риторике консерваторов данное понятие функционирует исключительно в пейоративном контексте как неэффективная, раздутая система, подавляющая личную инициативу и нарушающая автономию индивида. Напротив, в рамках модели «Заботливого родителя» в высказываниях либеральных политиков функции государства осмысляются через призму социальных инвестиций в человеческий капитал. Здесь правительство представляется необходимым инструментом обеспечения равных возможностей и институциональной поддержки.

Опираясь на корпус идеологически маркированной лексики, выделенный Дж. Лакоффом для описания консервативного и либерального дискурсов, нами была разработана матрица *аксиологических оснований порицания*. Данная авторская модель (см. Таблицу 6) демонстрирует, как базовые когнитивные установки трансформируются в конкретные лексико-семантические группы, релевантные стратегиям порицания в рамках двух конкурирующих идеологий.

Таблица 6 – Аксиологические основания стратегий порицания в консервативном и либеральном дискурсах (на основе лексики Дж. Лакоффа)

Категория Ценностей	Консервативный дискурс (Модель «Строгий отец»)	Объекты порицания в дискурсе консерваторов (Обвиняют либералов в...)	Либеральный дискурс (Модель «Заботливый родитель»)	Объекты порицания в дискурсе либералов (Обвиняют консерваторов в...)
1	2	3	4	5
1. Личностные качества	Целятся: <i>Character, virtue, discipline, self-reliance, backbone</i> (Характер, дисциплина, самодостаточность)	Слабости, бесхребетности, зависимости от государства, отсутствии воли, инфантилизме	Целятся: <i>Empathy, concern, care, integrity</i> (Эмпатия, забота, сострадание)	Жестокости, эгоизме, бессердечии, отсутствии сострадания и человечности
2. Экономика и труд	Целятся: <i>competition, earn, hard work, enterprise, reward</i> (конкуренция, усердный труд, вознаграждение)	Паразитизме, лени, желании «халявы» (freeloading) наказании успешных	Целятся: <i>social responsibility, protection of the deprived</i> (Социальная ответственность, защита обездоленных)	Алчности, защите интересов корпораций в ущерб людям, созданию системного неравенства

Продолжение таблицы 6

1	2	3	4	5
3. Роль государства	Целятся: <i>Freedom</i> (свобода) от <i>intrusion, interference, meddling</i> (Вмешательства)	Тирании, вмешательстве в частную жизнь, навязывании правил, бюрократии	Целятся: <i>Protection, safety, help, human rights</i> (Защита, безопасность, помощь, права человека)	Бездействию, оставлении в опасности, нарушении прав уязвимых групп, равнодушии к страданиям
4. Моральный порядок	Целятся: <i>Authority, heritage, traditional common sense</i> (Авторитет, традиции, здравый смысл)	Предательстве традиций, хаосе, моральном разложении (<i>decay, rot</i>), отказе от норм	Целятся: <i>diversity, inclusion, ecology, evolution</i> (Разнообразие, включенность, экология, прогресс)	Мракобесии, нетерпимости, расизме, уничтожении будущего (планеты), догматизме

Из таблицы 6 следует, что порицание в политическом интервью обусловлено *конфликтом ценностей*. Аксиологические основания коррелируют в том, какие лексические единицы будут выбраны в качестве инструментов реализации стратегии, и какое смысловое содержание получит порицающее высказывание. *Консервативное* порицание фокусируется на нарушении норм индивидуальной ответственности и порядка, основанного на иерархии. *Либеральное* порицание, напротив, апеллирует к нарушению норм коллективной заботы и социальной справедливости.

На Рисунке 1 представлено распределение ключевых лексем данной ограниченной выборки (см. рис. 1).

Рисунок 1 – Распределение ключевых слов консервативного и либерального дискурса по областям знаний

Рисунок 1 демонстрирует следующие закономерности:

– в обоих корпусах преобладает лексика философского характера, однако в либеральном дискурсе упоминаются общегуманистические понятия, которые отражают приоритеты социального равенства. В консервативном дискурсе зафиксировано доминирование аксиологической лексики, отсылающей к сферам индивидуальной моральной ответственности и волевого превосходства личности (*character, discipline, self-reliance*). В рамках модели «Строгого отца» объектом значимой оценки и, следовательно, основной мишенью для порицания оппонента выступают личная слабость, бесхарактерность и неспособность к жесткому контролю;

– в анализируемых корпусах практически не наблюдается пересечений ключевых лексем при обсуждении схожих тем. Исключением является семантика свободы. Однако если консервативный дискурс оперирует абстрактной категорией *freedom* свобода от вмешательства, то в либеральном варианте значение конкретизируется *free expression* свобода самореализации.

Представленная выше лексическая специфика напрямую коррелирует с глубинными идеологическими пресуппозициями. Как отмечает Дж. Лакофф, в консервативной когнитивной модели моральный порядок отождествляется с естественной иерархией господства. Базовым принципом этой системы выступает убеждение в том, что «править должен самый нравственный» [117, с. 104]. Эта метафора выстраивает строгую вертикаль власти (*God over people; Adults over children; The rich over the poor; Employers over Employees; Western culture over non-Western culture; Our country over other countries*) [117, с. 118]. В контексте нашего исследования это означает, что любая попытка нарушить данную иерархию (например, через расширение социальных программ или государственное регулирование) воспринимается консерваторами как аморальная и автоматически становится объектом стратегий порицания.

Если модели Дж. Лакоффа объясняют аксиологическую основу стратегий порицания (*почему* и *за что* происходит порицание), то для анализа способов их реализации (*как* критикуют) необходимо обратиться к специфике американского коммуникативного поведения.

Коммуникативные стратегии и тактики выступают непосредственным проявлением коммуникативной личности политика – системной совокупности индивидуальных и социально значимых черт, определяющих выбор языковых средств и характер речевого поведения [118]. Коммуникативная личность складывается из трех ключевых компонентов: *когнитивного* (знаний и убеждений), *мотивационного* (коммуникативных целей и намерений) и *прагматического* (владения стратегиями и тактиками, способности к воздействию) [119].

В американском политическом интервью ключевым становится сочетание *когнитивных моделей и национально-культурных норм*. Поэтому продуктивным представляется использование *параметрической модели*, разработанной И. А. Стерниным и его школой [120]. Термин *коммуникативная личность*, в отличие от *речевой личности*, позволяет охватить более широкий спектр характеристик, включая вербальные, невербальные и мотивирующие

параметры поведения, что дает возможность рассматривать стратегии порицания как комплексный поведенческий акт, обусловленный национальными нормами, например, допустимым уровнем агрессии или категоричности.

В данном исследовании мы применяем интракультурное сопоставление: индивидуальные особенности коммуникативных личностей Д. Трампа и Дж. Байдена рассматриваются в рамках единой американской коммуникативной традиции. Президенты-участники интервью рассматриваются как носители одного национального коммуникативного кода, которые, однако, реализуют его через призму собственных стратегий. В отличие от ситуативной модели (описывающей стандартные сценарии этикета), параметрический подход позволяет выделить доминантные черты коммуникативного стиля нации, напрямую влияющие на выбор стратегий речевого воздействия. Опираясь на выводы коллективной монографии «Очерк американского коммуникативного поведения» [120, с. 30-32], мы выделяем следующие параметры, детерминирующие специфику американского политического интервью:

1) *коммуникативная самоподача*, в американской культуре имеет высокий уровень и отличается агрессивной самопрезентацией, что объясняет частотность положительных высказываний политиками о себе на фоне жесткой критики оппонента;

2) *коммуникативный контроль* варьируется от заметного до низкого, что в политическом высказывании проявляется в перебивании собеседника и нарушении очередности реплик, особенно в агональных диалогах;

3) *социальный символизм*, под которым понимается специфическая семиотическая функция действий в американской культуре. Определенные поступки, например, нарушение приватности или неуплата налогов, обладают в США устойчивой негативной символикой, что делает их автоматическими мишенями для порицания;

4) *коммуникативная эмоциональность*, несмотря на традиционную сдержанность в деловом общении, в политическом дискурсе данный параметр трансформируется в инструмент воздействия на адресата. Интенция порицания реализуется через контролируемое выражение праведного гнева или возмущения, направленное на мобилизацию сторонников.

Коммуникативно значимые вербальные и невербальные черты лингвокультурной общности рассматриваются в рамках одних и тех же параметров, что обуславливает коммуникативно-ситуационный характер описания коммуникативного поведения любого народа, наряду с ситуативно-тематической и аспектной моделями [120, с. 39]. Обобщение эмпирических данных происходит многоаспектно:

– на первичном уровне выделяются релевантные черты поведения, иначе коммуникативные признаки;

– выделенные признаки систематизируются и группируются в более общие параметры;

– параметры, в свою очередь, объединяются в факторы коммуникативного поведения, например, общительность, эмоциональность, самоподача.

Важнейшей особенностью является *синтетический характер* данной модели. Вербальные и невербальные (жестовые, мимические) компоненты коммуникации рассматриваются в рамках одних и тех же параметров. Модель имеет *коммуникативно-ситуационную направленность*: поведение нации или личности описывается как целостный комплекс реакций в конкретных условиях общения.

Таким образом, изучение теоретических концепций об американского политическом коммуникативном поведении приводит к выводам о взаимовлиянии двух групп факторов на реализацию стратегий порицания. С одной стороны, это глубинные *когнитивные модели* [36, с. 17], определяющие объекты порицания. С другой – *национальные параметры коммуникативного поведения* [120, с. 117], определяющие способ выражения негативной оценки, а именно прямо, агрессивно, с акцентом на факты и т.д. Такой синтез *социальных, культурных и лингвопрагматических детерминантов* будет положен в основу дальнейшего практического анализа.

Обобщая вышеизложенное, мы выделяем следующие *конститутивные признаки американского политического интервью как специфического лингвокультурного феномена*:

– *агональная театральность*, которая заключается в том, что формат интервью крупнейшим новостным изданиям (CNN, Fox News и др.) характеризуется жесткой структурой, ориентированной на зрелищное противостояние и немедленный персуазивный эффект для массового адресата-наблюдателя;

– *институциональная подотчетность*, или фундаментальная лингвокультурная установка на то, что политик обязан публично обосновывать свои решения перед журналистом, выступающим представителем общества. Данный фактор легитимизирует использование прямых тактик порицания и фактчекинга;

– *биполярная идеологическая детерминация*, под которой понимается обусловленность выбора тактик порицания глубинными, диаметрально противоположными когнитивными моделями (моделями «Заботливого родителя» и «Строгого отца») участников американского политического интервью.

Так формируется уникальная дискурсивная среда, в которой *порицание* эволюционирует из бытовой этической оценки в макростратегию политического взаимодействия.

Выводы по первому разделу

Исследование коммуникативных стратегий порицания в американском политическом интервью основывается на принципах *контекстуальности речевого действия, дискурсивного конструирования реальности, стратегической активации когнитивных структур*. Данные принципы

позволяют рассматривать политическое интервью как стратегическое событие, в котором содержание высказывания предопределяется социальным контекстом, а значения речевых средств становятся инструментами конструирования идеологически выгодной реальности через активацию когнитивных моделей.

Политическая коммуникация представляет собой институциональный и персуазивный процесс, фундаментальная цель которого в условиях медийной поляризации трансформировалась: от поиска коллективной договоренности к стратегическому завоеванию общественного доверия за счет делегитимации альтернативных позиций. Манипулятивность, агональность, институциональность, а также нацеленность на адресата являются значимыми характеристиками политической коммуникации, обуславливающими выбор коммуникативных стратегий, в том числе стратегий порицания.

Политический дискурс, представляя собой лингвистическое воплощение политической коммуникации, реализует специфические функции, среди которых доминирующей является персуазивность, а системообразующими – интегративность и ориентированность на конструирование оппозиции *свои – чужие*. В такой системе координат политическое интервью функционирует как гибридный, полисубъектный институциональный жанр. Специфика интервью заключается в статусно-ролевой асимметрии журналиста и политика в условиях агональности и медийной театральности. Данный формат трансформирует диалог в стратегическую арену вербальной борьбы, где *порицание* трансформируется из спонтанной эмоциональной реакции в тщательно спланированный речевой акт.

Как прагматическая категория порицание представляет собой стратегический комплекс речевых действий, объединенных макрофункцией делегитимации и обусловленных общностью пресуппозиций коммуникантов, а также предвидением реакции оппонента в условиях агонального взаимодействия. *Как речевой акт порицание* реализуется через конкретные высказывания, чья иллокутивная цель направлена на понижение статуса адресата. За счет идеологической детерминированности речевой акт порицания апеллирует к ценностным установкам массового адресата, что обеспечивает максимальный персуазивный эффект и способствует контролю над общественным сознанием.

В качестве аналитического инструментария определен критический дискурс-анализ (КДА) в рамках трехмерной модели Н. Фэйрклафа. Интеграция социокультурной и лингвопрагматической научных перспектив позволяет исследовать *порицание* как инструмент конструирования властных отношений. Применение КДА обусловлено необходимостью декодировать имплицитное содержание реплик политического интервью с целью проанализировать прямые и косвенные стратегии делегитимации и механизмы идеологического манипулирования.

Сравнительно-сопоставительный анализ таксономий негативной оценки выявил существенную лингвокультурную лакуну. В английском языке отсутствует полный эквивалент русского «мягкого» *порицания*. Англоязычная категория распадается на институциональное осуждение (CENSURE) и

каузальную атрибуцию вины (BLAME), тяготея на субординатном уровне к смыслам о социальном уничтожении (SHAMING, SMEARING). Эта лексико-семантическая особенность становится фундаментальным фактором, предопределяющим высокую конфликтогенность американской политической коммуникации.

Функционирование американского политического интервью детерминировано принадлежностью США к низкоконтекстной культуре фактов и базируется на триаде конститутивных признаков:

- агональной театральности, ориентирующей конфликт на зрителя-наблюдателя;

- институциональной подотчетности, которая легитимизирует использование журналистами прямых тактик порицания и фактчекинга в качестве инструментов контроля;

- биполярной идеологической детерминации, коренящейся в оппозиции базовых когнитивных моделей («Строгого отца» и «Заботливого родителя» по Дж. Лакоффу).

Синтез вышеуказанных факторов формирует специфическую дискурсивную среду, где агрессивные стратегии порицания становятся социально приемлемым механизмом идеологической конкуренции в политической коммуникации.

Таким образом, для исследования американского политического интервью необходимо использовать комплексный подход, позволяющий системно анализировать, как речевой акт порицания, обусловленный статусно-ролевой асимметрией и национальными ценностными установками, становится ключевым инструментом для реализации властных и идеологических целей

2 КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ПОРИЦАНИЯ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА

2.1 Понятие коммуникативной стратегии и тактики в лингвистике

Анализ речевого взаимодействия в политической сфере неразрывно связан с категориями коммуникативной *стратегии* и *тактики* [121], которые образуют двухуровневую систему управления коммуникативным процессом. Если стратегия представляет собой макроплан, детерминированный перлокутивной задачей говорящего, то тактика выступает инструментом, совокупностью речевых шагов, обеспечивающих поэтапную реализацию общего плана в условиях реального взаимодействия.

Существуют различные подходы к дефиниции данных понятий. Т. ван Дейк акцентирует *когнитивный аспект*, трактуя коммуникативную стратегию в качестве своего рода устройства, контролирующего процесс создания и понимания речи, то есть как *когнитивную схему*, способствующую реализации общих задач участников коммуникации. Тактика является конкретным *речевым ходом*, который позволяет решить частные задачи в пределах этого плана [35, с. 120]. Схожий подход прослеживается в определении О. С. Иссерс, по мнению которой коммуникативная стратегия является *совокупностью речевых действий*, ориентированных на достижение коммуникативной цели [121, с. 54]. Исследователь акцентирует коммуникативные намерения говорящих. Аналогичной точки зрения придерживается Е. В. Ключев [122], определяя коммуникативную стратегию как комплекс осуществляемых в процессе коммуникативного акта ходов, реализующих коммуникативную цель. Исследователь особо отмечает *планирование и целенаправленность*.

Важный вклад в изучение коммуникативных стратегий вносит и казахстанская научная школа. Так, Ж. Оспанова, К. Искакова и Б. Ныгметова анализируют коммуникативные стратегии языковой личности в научном дискурсе, подчеркивая их связь с *прагматическими интенциями и целевыми речевыми планами* [123]. Э. Ш. Никифорова рассматривает стратегии и тактики речевого воздействия в институциональных дискурсах, фокусируя анализ на реализации стратегий в профессиональной коммуникации [124]. А.К. Жукенова исследует взаимообусловленность структуры коммуникативной стратегии и коррелирующих тактик, выделяя их составляющие и коммуникативные цели [125].

Согласно концепции О. Н. Паршиной, коммуникативная стратегия интерпретируется как *«сверхзадача» речи*, обусловленная практическими установками адресанта и направленностью речевого поведения на достижение итогового результата [126, с. 7]. Целевая установка детерминирует модель речевого взаимодействия, заставляя субъекта оптимизировать выбор действий для её эффективной реализации. В рамках поведенческого подхода, развиваемого О. Н. Паршиной и В. Б. Кашкиным, стратегия рассматривается как значимый компонент коммуникативного поведения, интегрирующий *совокупность вербальных и невербальных средств* [126, с. 6-15; 127]. В данной

иерархии тактика занимает подчиненное положение, представляя собой операциональный уровень – набор конкретных речевых ходов, направленных на решение локальных интенций, которые в совокупности обеспечивают выполнение общей стратегии. Следовательно, *коммуникативная стратегия – это целенаправленная программа речевых действий, разрабатываемая для достижения основной коммуникативной цели и реализуется посредством определенных тактик в процессе общения.*

Альтернативный ракурс исследования коммуникативных стратегий базируется на признании их структурирующего потенциала. Е. В. Денисюк считает стратегию способом алгоритмизации речевого поведения, подчиняющим последовательность речевых актов единой прагматической задаче [128, с. 15]. Данный тезис подтверждается работами К. Ф. Седова, который анализирует коммуникативные стратегии в качестве принципов объективации иллокутивного смысла, обеспечивающих адекватную вербализацию интенций говорящего [129]. В работах Т. Е. Янко акцент смещается на *структурную организацию* дискурса: автор связывает понятие стратегии с процессом выбора коммуникативных намерений, а также с распределением информации и логикой её развертывания в тексте [130]. Подобный синтез подходов доказывает, что фундаментальной характеристикой любой стратегии, в том числе стратегии порицания, является её способность выступать системным организатором информационных и прагматических блоков.

Определяя стратегию как коммуникативную макроинтенцию, В. Е. Чернявская подчеркивает её роль в задании общего вектора дискурса. Тактика же рассматривается как инструмент локальной адаптации речевого акта к условиям общения [131, с. 45]. Инструментальный аспект стратегии, по мнению автора, заключается в целенаправленном выборе языковых форм для реализации когнитивного замысла [131, с. 26]. Резюмируя, можно констатировать иерархическое распределение ролей: *стратегия формирует генеральный план, а тактический инструментарий выступает операциональным механизмом, обеспечивающим гибкость и поэтапную объективацию намерений говорящего в конкретных ходах.*

Особое значение для методологии нашего исследования имеют работы В. И. Карасика, в которых ученый интерпретирует стратегию как *системную последовательность интенциональных речевых действий субъекта*, детерминированную глобальными целями дискурса и его жанровой спецификой [132]. Сквозь призму дискурсивного поведения, стратегия выступает динамической организующей силой и инструментом, обеспечивающим вербализацию намерений говорящего на каждом этапе взаимодействия. Таким образом, коммуникативная стратегия трактуется как речевое действие, обусловленное имманентными закономерностями дискурса, что исключает анализ стратегий порицания в отрыве от жанровой природы политического интервью.

На основе анализа работ можно выделить следующие *онтологические свойства коммуникативной стратегии*:

– *целенаправленность*: любой стратегический комплекс выступает инструментом объективации конкретных прагматических интенций говорящего [121, 122].

– *иерархичность*: стратегия позиционируется как доминантный конструкт [122, с. 45], контролирующий подчиненный ему тактический инструментарий – локальные речевые шаги, необходимые для решения промежуточных задач;

– *когнитивно-деятельностный дуализм*: стратегия объединяет скрытое ментальное планирование [35, с. 27; 131, с. 30] и его открытую актуализацию в конкретных поведенческих паттернах коммуниканта [126, с. 50; 127, с. 55];

– *дискурсивная интегративность*: рассматриваемый феномен определяется как надтекстовое явление [126, с. 20; 131, с. 28], обеспечивающее целостность, жанровую маркированность и динамику развертывания диалога;

– *упорядоченность*: согласно ряду авторов [128, 130], стратегия представляет собой алгоритм систематизации речевого опыта, задающий строгий структурный порядок высказываний.

В свою очередь, *онтологические характеристики коммуникативной тактики* определяются её субординированным положением в структуре дискурса:

– *инструментальность*: тактика выступает в качестве операционального механизма или практического речевого приема, необходимого для поэтапной объективации стратегического замысла [121, с. 57];

– *локальная направленность*: в отличие от макростратегии, тактический уровень ориентирован на решение ситуативных коммуникативных задач и реализацию конкретных речевых актов в заданном фрагменте процесса взаимодействия;

– *процессуальная дискретность*: тактика представляет собой совокупность последовательных речевых ходов, являющихся непосредственным материальным проявлением развертывающегося дискурса.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что коммуникативная стратегия представляет собой *иерархически организованный макроплан* речевого поведения, обеспечивающий системную вербализацию интенций субъекта. Объединяя *когнитивный уровень*, подразумевающий моделирование ситуации, и *операциональный уровень*, или выбор конкретных тактик, стратегия выступает динамической организующей силой дискурса. Таким образом, стратегия является интенциональной программой, которая следует закономерностям политического жанра и ориентирована на достижение заданного перзудативного эффекта в сознании массовой аудитории.

Уточнение онтологических свойств коммуникативных стратегий и тактик делает закономерным переход к систематизации всего спектра коммуникативных действий, реализуемых в агональной медийной среде в рамках политического интервью. Опираясь на синтез существующих прагмалингвистических подходов, в качестве базовых дифференциальных критериев систематизации нами выделены *интенциональная доминанта* и *интерактивный модус*, под которым понимается характер ролевого

взаимодействия субъектов коммуникации. Предложенные критерии дают возможность распределить коммуникативные стратегии и тактики порицания в соответствии с коммуникативными целями участников и конечными прагматическими задачами (в частности, с задачей дискредитации оппонента).

Основные и вспомогательные стратегии различаются в зависимости от того, какую главную цель преследует говорящий. Основной О.С. Иссерс называет стратегию, имеющую на определенном этапе коммуникативных взаимодействий наибольшее значение по отношению к иерархии мотивов и целей [121, с. 141-142]. Целью *основных стратегий* является воздействие на адресата, его взгляды на окружающий мир и поведение. В свою очередь, *вспомогательные стратегии* служат для оптимального построения диалога, могут быть прагматическими, диалоговыми и риторическими, обеспечивают эффективность основного плана, а также оптимизируют процесс общения.

Рассматривая *семантический тип* коммуникативного воздействия, О. С. Иссерс выделяет комплекс тактик убеждения, специфика которых заключается в кумулятивном использовании серии речевых ходов. Постулируется принципиальное разграничение между тактиками уговаривания и убеждения: если первая апеллирует к эмоционально-сенсорной сфере адресата, то вторая ориентирована на рационально-логическое воздействие [121, с. 142]. К данной группе исследователь также относит стратегию дискредитации, объективируемую посредством тактик оскорбления, насмешки и осуждения. Тактика осуждения отграничивается от прямой дискредитации аффективной направленностью: осуждение не нацелено на то, чтобы поставить собеседника в интеллектуальный тупик, а на вербализацию категоричного неприятия его позиции с целью психологической дестабилизации противника.

Прагматические коммуникативные стратегии включают эмоционально-стимулирующие тактики комплимента и похвалы. Несмотря на функциональное сходство, между ними есть существенное различие. Основной целью тактики похвалы выступает экспликация положительного отношения, тогда как комплимент служит инструментом гармонизации общения, направлен на ответную реакцию, и может служить средством установления контакта. Значимым инструментом данной группы также является тактика самопрезентации, определяемая как «форма речевого имиджа, интегрирующая индивидуальные особенности личности, её ключевые характеристики и специфику социальной роли субъекта» [121, с. 205].

Диалоговый тип коммуникативных стратегий объединяет тактический инструментарий, обеспечивающий контроль над интерактивной ситуацией. Специфика данных тактик обусловлена полисубъектностью диалога, в котором как минимум два участника преследуют собственные, зачастую конкурирующие, прагматические цели. В этой группе исследователь выделяет такие операциональные механизмы, как перехват коммуникативной инициативы, формулирование направляющих вопросов, навязывание собственной позиции, а также контроль тематического вектора беседы и тактическое уклонение от него [121, с. 220].

Самостоятельную группу приемов образуют *риторические коммуникативные стратегии*. Их реализация опирается на использование стилистических фигур и тропов для создания необходимого уровня образности и экспрессии. Данный тип стратегий включает разнообразные манипулятивные техники, направленные на суггестивное воздействие на аудиторию посредством эстетической и эмоциональной привлекательности высказывания.

Реализация первого критерия систематизации – интенциональной доминанты — наиболее отчетливо прослеживается в типологии О. Н. Паршиной. В отличие от структурно-семантического подхода О. С. Иссерс, исследование политического дискурса требует фокусировки на финальном результате коммуникации – завоевании или удержании власти, а также дискредитации оппонента [126, с. 100]. Исходя из *целевого принципа*, автор дифференцирует коммуникативное поведение политиков на четыре макростратегии, реализуемые через специфические тактические комплексы:

- *стратегия самопрезентации*: тактики отождествления, солидаризации и оппозиционирования;

- *стратегии борьбы за власть*, включающие *стратегию дискредитации и нападения* с инвективами, обвинениями, а также *манипулятивную стратегию*, включающую демагогические приемы, и *стратегию самозащиты*, которая объединяет тактики оправдания, критики;

- *стратегии удержания власти*: *информационно-интерпретационная и формирование эмоционального настроения адресата*;

- *стратегии убеждения*: *аргументация и агитация*.

Особого внимания заслуживает *стратегия нападения*, направленная на эмоционально-психологическую дестабилизацию оппонента. Данная установка объективируется через систему деструктивных тактик: инвективу, трансляцию недостоверных сведений и вербальную провокацию. Анализ показывает, что функциональный потенциал нападения коррелирует с макростратегией делегитимации. В политическом споре тактики прямого оскорбления или обвинения выступают операциональным инструментом разрушить политический статус оппонента.

Цель *стратегии самозащиты* заключается в нейтрализации вербальной агрессии оппонента и сохранении репутационной стабильности говорящего. В рамках данного коммуникативного плана адресант стремится не только парировать критические выпады, но и упрочить свой политический статус, подтвердив легитимность собственной позиции. Прагматические задачи самозащиты соответствуют целям стратегии самопрезентации, поскольку обе направлены на конструирование и поддержание аттрактивного публичного имиджа.

Аргументативная стратегия направлена на убеждение аудитории через систему доводов, имеющих как рациональную, так и эмоционально-оценочную природу. В политической коммуникации ключевой задачей субъекта становится легитимация собственной позиции и верификация выдвигаемых тезисов. Данная интенция обуславливает амбивалентный характер речевого поведения: стремление к субъективной трактовке фактов сочетается с

необходимостью соблюдения определенных ограничений при выборе доказательной базы. Инструментарий аргументации оказывается неразрывно связанным с информационно-интерпретационной стратегией, позволяющей адаптировать информацию в интересах говорящего или использовать ее для делегитимации оппонента.

Дополняя классификацию О. Н. Паршиной, К. Е. Калинин [133] дифференцирует коммуникативный арсенал политического дискурса на четыре базовые макростратегии, каждая из которых обладает собственной интенциональной доминантой:

– *стратегию презентации*, направленную на формирование образа будущего через тактики обещания, апелляции к личному опыту и индукции позитивного эмоционального состояния;

– *стратегию призыва*, ориентированную на мобилизацию аудитории посредством уверенной подачи, ссылок и аллюзий;

– *стратегию самопрезентации*, нацеленную на закрепление позитивного имиджа оратора через использование эмоционального призыва, параллелизма и параллельную критику оппонентов;

– *стратегию дискредитации* оппонента, сфокусированную на деконструкции образа противника.

Особого внимания заслуживает последняя стратегия. По мнению исследователя, дискредитация объективируется через тактики создания негативного образа, логической аргументации, селективного подбора и интерпретации информации, а также тактику постулирования авторитетного мнения. Важно отметить, что К. Е. Калинин рассматривает данный комплекс как разновидность интенции убеждения, поскольку конечной перлокутивной целью речевого взаимодействия политика неизменно выступает регулирование интеллектуальной и поведенческой активности массового адресата [133, с. 171].

Таким образом, несмотря на терминологическую вариативность предложенных классификаций (О. С. Иссерс, О. Н. Паршина, К. Е. Калинин), *объединяющим фактором в них выступает признание глобальной коммуникативной интенции в качестве смыслообразующего ядра стратегии*. В контексте политического дискурса весь спектр выделенных целевых установок подчинен единой глобальной цели - *борьбе за символическое доминирование*. Следовательно, выбор стратегии детерминирован необходимостью легитимации собственного политического статуса через тактики самопрезентации и убеждения и делегитимации конкурента (через тактики нападения и дискредитации).

Реализация второго классификационного *критерия интерактивного модуса* позволяет дифференцировать стратегии по степени их конфликтогенности. В зависимости от установки субъекта на сотрудничество или подавление оппонента, выделяются *кооперативные и некооперативные (конфронтационные) макростратегии* [134].

Конфронтационные стратегии направлены на провоцирование и поддержание конфликтных ситуаций, что чаще всего реализуется через манипулятивное воздействие. В рамках речевого взаимодействия

коммуникатор занимает активную позицию, преследуя личные цели без учета интересов партнера. Выделяют три основных типа данной стратегии: *обращение*, *угроза* и *дискредитация*. Каждая из них подразумевает обязательное противодействие агрессии и демонстрацию негативного отношения к собеседнику в ответ на его предшествующие действия. Подобная модель поведения характерна для случаев, когда вступление в конфликт предусмотрено сценарием общения заранее.

Кооперативные (неконфронтационные) стратегии направлены на реализацию интенций говорящего при условии соблюдения паритета интересов всех участников коммуникации. В основе данного типа стратегий лежит установка на поиск консенсуса, реализуемая через тактики сотрудничества и апелляции к общим ценностям. Подобное речевое поведение характерно для *стратегии альянса* в политическом интервью, где субъект ориентирован на гармонизацию общения.

Ведение диалога в конфликтной манере для интервьюируемого может оказаться неэффективным. В таком случае он может прибегнуть к определенным коммуникативным приемам, позволяющим избежать открытой конфронтации. Подобной цели служит, например, использование анонимизированных конструкций: неопределенно-личные, безличные предложения, пассивные обороты *They say...*, *It is believed that...*, *It's common knowledge that...* и т. п. Речевые конструкции дистанцируют говорящего от совершаемого действия и «обезличивают» высказывание. В результате субъект успешно снимает с себя персональную ответственность как за происходящие события, так и за достоверность передаваемой информации.

Итак, *интерактивный модус* коммуникативных стратегий как инструмент управления отношениями между собеседниками показывает, как выбор кооперативной или конфронтационной стратегии, использование конкретных тактик определяют характер диалога – будет ли он гармоничным и направленным на компромисс, или же конфликтным и манипулятивным.

Развивая параметр интерактивного модуса, а именно *направленности воздействия* О. Л. Михалева детализирует речевое поведение через триаду стратегий: *восходящую*, *нисходящую* и *стратегию театральности* [135, с. 96]. Нисходящая стратегия или понижения статуса по своей сути тождественна макростратегии порицания. Стратегия театральности, в свою очередь, отражает специфику политического интервью, где интерактивный модус выстраивается с ориентацией на внешнюю аудиторию, превращая диалог в перформативный акт. Е. И. Шейгал интерпретирует *театральность* политического дискурса как восприятие событий в категориях перформативного действия или спектакля [46, с. 92]. Т. ван Дейк связывает данную характеристику с процессами самопозиционирования и выстраиванием отношений с другими участниками коммуникации. В рамках этого подхода исследователь выделяет две базовые стратегии: *положительную самопрезентацию* и *негативную репрезентацию оппонента* [35, с. 238], которые в научной литературе часто коррелируют с оппозицией кооперативного и некооперативного речевого поведения.

Методологический подход Е. И. Шейгал предполагает дифференциацию стратегий по *вектору информационного воздействия*, фокусируясь на способах сокрытия информации и манипуляции сознанием аудитории [46, с. 152]. Выделяются следующие стратегии:

– *стратегия вуалирования*, целью которой является «замаскировать» неудобные факты и сделать менее заметной нежелательную информацию. Это достигается при помощи различных тактик, способствующих смягчить остроту темы или отвлечь внимание;

– *стратегия мистификации*: сознательное введение аудитории в заблуждение, сокрытие правды;

– *стратегия анонимности*, или *деперсонализации*, применяется для снятия ответственности с говорящего.

В рамках данной классификации акцент смещается на деструктивное речевое воздействие и лингвистические средства, направленные на вуалирование смыслов, а не на трансляцию фактических данных.

Таким образом, мы трактуем *коммуникативную стратегию* как сознательный, целенаправленный и иерархически обусловленный макроплан речевого поведения, который организует весь процесс общения, объединяя когнитивные и поведенческие процессы, и, задавая направленность воздействия и интерактивный модус (кооперативный или конфронтационный) в соответствии с главной коммуникативной целью адресанта. В свою очередь, *коммуникативная тактика* – это частный, инструментальный способ реализации определенной коммуникативной стратегии, представляющий собой совокупность конкретных речевых приемов и ходов, которые используются для решения локальных задач и непосредственного воплощения стратегического замысла на соответствующем этапе взаимодействия.

Обобщая рассмотренные теоретические подходы (О. С. Иссерс, О. Н. Паршиной, Е. И. Шейгал и др.), мы констатируем, что политический дискурс представляет собой агональный процесс борьбы за лояльность аудитории и символическое доминирование. В рамках данной работы речевое поведение политических субъектов систематизируется на пересечении двух базовых дифференциальных параметров. Исходя из направленности воздействия, мы выделяем макростратегии *делегитимации оппонента*, *самолегитимации* и *управления массовым сознанием*. Одновременно, оценивая специфику диалога, мы дифференцируем стратегии по осям конфронтации и кооперации. Данный подход подчеркивает выраженный прагматический характер политической коммуникации. В последующих разделах, опираясь на выработанную матрицу, мы доказываем, что *макростратегия порицания формируется на стыке деструктивной интенции и высококонфликтного интерактивного модуса, выступая универсальным инструментом борьбы за символическую власть*.

2.2 Особенности коммуникативных стратегий и тактик в американском политическом интервью

Реализация выделенных нами интенциональных и интерактивных стратегий в жанре американского политического интервью обладает выраженной национальной спецификой. Условия медийной поляризации, агональной театральности и установки на подотчетность власти превращают диалог в инструмент бескомпромиссной борьбы за электорат. В этой связи доминирующее положение занимают стратегии, обеспечивающие резкий аксиологический контраст между участниками политического процесса. Механизмы создания такого контраста фундаментально описаны в англоязычной теории речевого воздействия.

Так, Ч. Ларсон описывает коммуникативные *стратегии интенсификации*, которые направлены на акцентирование изъянов оппонента при одновременном подчеркивании собственных преимуществ [138]. Т. ван Дейк, выделяя аналогичное свойство, различает *стратегии положительной самопрезентации и негативного представления собеседника* [45, с. 146]. Проиллюстрируем взаимодействие данных стратегий на фрагментах интервью Хиллари Клинтон:

(1) *I think Donald just criticized me for preparing for this debate. And, yes, I did. And you know what else I prepared for? I prepared to be president. And I think that's a good thing*

(2) *But, remember, Donald started his career back in 1973 being sued by the Justice Department for racial discrimination because he would not rent apartments in one of his developments to African-Americans, and he made sure that the people who worked for him understood that was the policy. He actually was sued twice by the Justice Department. So he has a long record of engaging in racist behavior* (TIME, от 27.09.2016).

В первом высказывании (1) Х. Клинтон использует *тактику рефрейминга*, трансформируя критику со стороны оппонента в инструмент *положительной самопрезентации* (транслируется образ «подготовленного президента»). Во втором (2) реализуется *стратегия негативной репрезентации*, где через апелляцию к юридическим фактам прошлого конструируется образ морально неприемлемого «другого». Взаимодействие этих стратегий строится на аксиологическом контрасте: политик возвышает собственный статус на фоне одновременной дискредитации и порицания личностных качеств оппонента, что усиливает эффект воздействия.

Важно отметить, что реализация коммуникативных стратегий во многом детерминирована *индивидуальными характеристиками коммуникативной личности политика*. Если в первом разделе диссертации личность политика рассматривалась в контексте национальных традиций коммуникативного поведения и жанровых стандартов американского политического интервью, то на данном этапе исследования выступает как ключевой прагматический фактор выбора. Уникальное сочетание идиостиля, когнитивных установок и речевого темперамента – импульсивность Д. Трампа или склонность Дж. Байдена к выражению эмпатии – определяет, какая стратегия станет доминирующей в

конкретной ситуации: агрессивная самопрезентация, жесткая конфронтация или поиск консенсуса.

Данные выводы подтверждаются работами казахстанских исследователей. В частности, предложенная М. Т. Рахматуллаевой классификация речевых стратегий и тактик применима к анализу политического интервью как жанра агонального взаимодействия [139]. В свою очередь, Ж. Б. Ахметова исследует агональность на материале парламентских дебатов Казахстана, что дает возможность сопоставить механизмы реализации конфронтационных и кооперативных стратегий в различных политико-культурных контекстах [140].

Ориентация американского политического интервью на массовую аудиторию и его высокая доступность обуславливают активное использование *стратегии театральности*, направленной на суггестивное воздействие на массового зрителя [72, с. 120; 135, с. 60]. В данном контексте под доступностью понимается и широкий охват аудитории через авторитетные медиаплатформы, и простота изложения, обеспечивающая легкость восприятия сложных политических смыслов. Театральность выступает эффективным интенсификатором порицания, трансформируя политическую критику в зрелищный акт. Публика, занимая позицию активного наблюдателя, воспринимает политические процессы как сценические события, что усиливает прагматический эффект взаимодействия [46, с. 210]. Объективация данной стратегии, согласно О. Л. Михалевой, осуществляется через ряд коммуникативных тактик, среди которых ключевыми являются побуждение, кооперация и провокация [135, с. 50]. В качестве наиболее востребованных риторических инструментов, обеспечивающих «сценический» эффект в американском политическом дискурсе, исследователи выделяют синтаксический параллелизм, использование риторических фигур, парафраза и метафоры [141].

Специфика стратегий в американском политическом дискурсе, согласно по О. В. Гайковой, заключается в дихотомии *рационального и манипулятивного*, основанного на эмоциях аудитории, воздействия [142]. Стратегия дискредитации, составляющая ядро политического порицания, классифицируется как манипулятивная и направлена на дестабилизацию эмоционального состояния электората. Американские политики используют гибридные формы, сочетая элементы аргументации с самопрезентацией и атакой на конкурента

Агональный характер американского политического дискурса предопределяет частотность *конфронтационных приемов*, что манифестируется тактиками дискредитации собеседника. В результате говорящий получает возможность мгновенно маркировать оппонента как «чужого» и неприемлемого, минуя стадию логической аргументации [143]. Следующие примеры из политического интервью с экс-президентом США Джо Байденом иллюстрируют применение данной тактики:

(1) *Scott Pelley: Sir, with the Federal Reserve rapidly raising interest rates, what can you do to prevent a recession?*

President Joe Biden: Continue to grow the economy. And we're growing the economy. It's growing in-- in a way that it hasn't in years and years.

(2) *Scott Pelley: How so? (CBS News, om 18.09. 2022).*

Norah O'Donnell: And you think it's a good idea to raise taxes when the economy is in dire straights?

Joe Biden: Depending who you're raising them on. Look, if you're raising them on somebody who's making a billion dollars a year, it's not a problem that they pay 39.6%, which everybody should pay, raise another \$90 billion (CBS News, ot 25.10.2020).

В первом примере политик открыто игнорирует скептический тон С. Пелли относительно рецессии, противопоставляя ему утверждение об уникальном экономическом росте, что создает эффект интеллектуального доминирования, где вопрос журналиста представляется как несоответствующий реальности. Во втором случае Дж. Байден использует тактику рефрейминга: он переводит обсуждение налогов из экономической плоскости в морально-этическую (*Depending who you're raising them on*), тем самым негативно оценивая саму позицию интервьюера как защищающую интересы узкой группы миллиардеров. В обоих случаях агональность проявляется в отказе от кооперативной модели диалога и перехвате коммуникативной инициативы.

Стратегия самопрезентации базируется на стремлении политика показать себя с лучшей стороны и разворачивается в указаниях на свои индивидуальные качества, преимущества, компетенции. Данная тактика характерна для идиостиля Дональда Трампа:

(1) *I think the only difference between me and the other candidates is that I'm more honest and my women are more beautiful» [144]*

(2) *«I would build a great wall, and nobody builds walls better than me, believe me, and I'll build them very inexpensively, I will build a great, great wall on our southern border» [145].*

В представленных примерах манифестируется предельно экспрессивная форма *стратегии самопрезентации*, объективируемая через тактику гиперболизации собственного превосходства. Лингвистический инструментарий Д. Трампа в первом высказывании (1) опирается на компаративные конструкции с оценочными прилагательными (*more honest, more beautiful*). Создавая бинарную оппозицию между собой и оппонентами (*me and the other candidates*), политик имплицитно обесценивает конкурентов, приписывая им недостаток честности. Во втором примере (2) эффект доминирования достигается за счет повтора лексем *build, wall, great* и отрицательных конструкций (*nobody builds... better than me*). Включение императива *believe me* усиливает суггестивный эффект высказывания, навязывая аудитории образ безальтернативного и идеального лидера-созидателя.

Тактики агрессивного самовосхваления являются ядром идиостиля и политического бренда Д. Трампа. В коммуникативной ситуации политического интервью самопрезентация выступает фоном для последующего порицания:

политик изначально конструирует недостижимый эталонный образ, чтобы на контрасте многократно усилить эффект делегитимации оппонента.

Ученые характеризуют также *провокативную стратегию* как востребованный инструмент в американском политическом интервью. Данная модель речевого поведения строится на вербальной провокации и побуждении участников диалога к конкретным действиям. Согласно определениям О. С. Волковой и М. В. Юриной, подобная установка представляет собой деструктивную форму речевого поведения, нацеленную на вовлечение собеседника в конфликт или создание условий для возникновения разногласий [146, 147]. Реализуясь в рамках дисгармоничного взаимодействия, подобные приемы способствует эскалации противоречий. Примечательно, что провокация осуществляется также за счет внешне позитивных тактик, в частности, через похвалу или восхищение [146, с. 50].

В американском политическом интервью, для которого характерно использование провокационных вопросов, *стратегия уклонения* дает возможность политикам гибко варьировать свои реакции. Данная модель поведения является эффективным инструментом нейтрализации коммуникативной агрессии и защиты от публичного порицания со стороны журналиста. Согласно Г. Р. Власян, под уклонением следует понимать коммуникативную установку реципиента, предполагающую возможность избежать прямого ответа, замаскировать реплику или полностью проигнорировать запрос интервьюера [148]. В свою очередь, Е. И. Шейгал указывает на специфическую черту политического дискурса – «многоречивое умолчание», когда за внешним обилием слов скрывается отсутствие информации по существу важных проблем [46, с. 162]. И. Титов разграничивает три тактики в рамках данной стратегии: смену темы, предоставление частичного ответа и нивелирование значимости отрицательных аспектов обсуждаемого вопроса [149]. Ниже приведены примеры из интервью Джозефа Байдена, иллюстрирующие стратегию уклонения:

STEPHANOPOULOS: Let's get right to it. Back in July, you said a Taliban takeover was highly unlikely. Was the intelligence wrong, or did you downplay it?

BIDEN: I think -- there was no consensus. If you go back and look at the intelligence reports, they said that it's more likely to be sometime by the end of the year. The idea that the tal -- and then it goes further on, even as late as August. I think you're gonna see -- the Chairman of the Joint Chiefs of Staff and others speaking about this later today.

STEPHANOPOULOS: But your top military advisors warned against withdrawing on this timeline. They wanted you to keep about 2,500 troops.

BIDEN: No, they didn't. It was split. Tha-- that wasn't true. That wasn't true.

STEPHANOPOULOS: They didn't tell you that they wanted troops to stay?

BIDEN: No. Not at -- not in terms of whether we were going to get out in a timeframe all troops. They didn't argue against that (ABC News, от 19.08.2021).

Представленные фрагменты демонстрируют *тактику размывания ответственности и смещения акцента* в рамках общей стратегии уклонения. В первом случае, отвечая на жесткую дилемму журналиста *Was the intelligence*

wrong, or did you downplay it? Дж. Байден игнорирует предложенный выбор и апеллирует к «отсутствию консенсуса» (*there was no consensus*). В результате обсуждение переносится из плоскости признания личного политического провала в область рассуждений об объективной сложности и противоречивости аналитических процессов. Во втором примере политик интерпретирует рекомендации военных советников исключительно в ключе «разделения мнений» (*it was split*), нивелируя «прямое предостережение» как содержательный компонент контекста. «Многоречивость» интервьюируемого, о которой упоминает Е. И. Шейгал, в данном примере служит инструментом создания «информационного шума», за которым скрывается отказ признать конкретную вину. Уклонение в данных коммуникативных актах выполняет защитную функцию, блокируя попытки журналиста реализовать акт прямого порицания действий администрации президента.

А. И. Чепурная в исследовании интервью американских политиков особо отмечает *некооперативные стратегии*, выделяя *связанные и свободные типы*. Так, *стратегии обвинения, упрека и дискредитации* представляют собой свободные стратегии. Приемы игнорирования, смещение акцента зависят от определенного контекста, что свидетельствует об их обусловленности репликой. По мнению исследователя, данные стратегии не образуют исчерпывающего перечня инструментов некооперативного взаимодействия, однако представляют собой наиболее репрезентативные и частотные модели речевого поведения в политическом споре [150, с. 155].

Обобщая рассмотренный в арсенал стратегий и тактик, необходимо подчеркнуть, что речевые действия американского политического интервью характеризуются глубинной институциональной детерминированностью. Социокультурный контекст выступает регулятором выбора коммуникативных стратегий, поскольку прагматическая успешность политической речи в США напрямую зависит от степени соответствия базовым национальным мифам и ценностным установкам. Например, *стратегия самопрезентации* является следствием установки на индивидуализм, поскольку политики стремятся представить себя сильными, независимыми и способными лидерами, которые подготовлены для служения интересам народа. С другой стороны, *стратегия дискредитации* служит проявлением конфронтационной установки ораторов в политической взаимодействии. В данном случае политические акторы оспаривают легитимность и статус оппонентов с целью укрепления собственного политического влияния. Активация *информационно-интерпретационной стратегии*, в свою очередь, базируется на селекции позитивно окрашенных фактов, что во многом детерминировано традициями американского политического популизма.

Кроме того, в условиях демократического устройства общества, постулирующего свободу слова и принципы публичной подотчетности власти, политические лидеры несут повышенную ответственность за свои заявления. Это обуславливает востребованность *стратегии самозащиты* и соответствующих тактик, направленных на сохранение репутационного капитала и поддержание электоральной лояльности в ситуациях критического

давления. Наряду с этим, апелляция к ценностям индивидуальных прав выступает в качестве системообразующего элемента рассматриваемой стратегии. Наконец, американские политики постоянно прибегают к *стратегии эмоционального настроя и тактике единства*. Несмотря на доминирующий индивидуализм, использование данных инструментов продиктовано пониманием значимости консолидации в демократическом обществе [151].

Следует особо отметить *функциональную взаимосвязь доминантных стратегий в американском политическом интервью задачам политической борьбы*. Рассмотренные стратегии самопрезентации, дискредитации, театральности, уклонения реализуются в едином агональном интерактивном модусе, характерном для американской политической культуры.

Мы утверждаем также, что выбор тактического инвентаря детерминирован базовой когнитивной установкой коммуникативной личности политика. Если дискурс, опирающийся на модель «Строгого отца», реализует стратегию самопрезентации через тактики гиперболизации силы и успеха, то речевые действия представителей модели «Заботливого родителя» актуализирует тактики отождествления и эмпатии. Таким образом, *интенциональная доминанта макростратегии остается инвариантной, а именно удержание власти, однако лингвопрагматический инструментарий вариативен и подчинен идеологическим установкам субъекта. Проанализированный комплекс стратегий формирует специфическое поле американского интервью, выступая базой для реализации макростратегии порицания, которая в агональной среде становится ключевым механизмом делегитимации оппонента*.

Учитывая приоритетную роль и сложную интенциональную структуру порицания, на следующем этапе исследования нами будет предложена таксономия приемов и тактик, объективирующих данную коммуникативную макростратегию.

2.3 Систематизация коммуникативных стратегий и тактик порицания

В рамках нашего исследования *порицание* трактуется в качестве *интегративной макростратегии*, определяющей глобальный интенциональный вектор речевого поведения субъекта. Все прочие анализируемые феномены – обвинение, осуждение, дискредитация и понижение статуса – соотносятся с порицанием как видовые стратегии и конкретные тактические инструменты, различающиеся по степени эксплицитности, объекту воздействия и прагматическому фокусу. Подобный иерархический подход раскрывает порицание в виде многоуровневой системы коммуникативных действий, направленных на делегитимацию оппонента.

Архитектоника коммуникативного феномена *порицания* в конкретном речевом акте может быть описана с двух взаимодополняющих исследовательских ракурсов: структурно-семантического и лингвопрагматического. На *структурно-семантическом микроуровне* высказывание формируется набором базовых компонентов, к числу которых

относятся субъект и объект оценки, характер порицаемого действия, непосредственно оценочный предикат, логическое основание или причина недовольства, а также разнообразные прагматические интенсификаторы. Степень вербальной эксплицитности и содержательное наполнение данных элементов детерминированы текущим коммуникативным контекстом. В свою очередь, на *лингвопрагматическом макроуровне* выделяется многомерный комплекс качественных характеристик, определяющих специфику самой стратегии порицания [99]. Данный комплекс интегрирует содержательную базу претензий и тип адресата, обуславливая выбор между прямым, косвенным или автореференциальным воздействием. Важнейшими параметрами выступают степень эмоциональной насыщенности речи, варьирующаяся от строгой рациональности до открытой экспрессии, а также общий тональный регистр, способный принимать серьезный либо иронический характер.

Кроме того, стратегии порицания конфигурируются временной ориентацией высказывания и интенсивностью иллокутивной цели, диапазон которой охватывает градации от мягкого упрека до прямого обвинения или оскорбления. Финальное оформление данного акта зависит от специфики его лингвистической объективации посредством риторических фигур, тропов и синтаксических конструкций

Опираясь на приведенные теоретические параметры, мы выделяем базовый комплекс характеристик для систематизации стратегий порицания. Ключевым критерием классификации выступает *доминирующая прагматическая цель*, направленная на делегитимацию оппонента. Не менее значимыми маркерами являются *уровень эмоциональности* высказывания, балансирующий между контролируемой внешней рациональностью и открытым аффектом, и *специфика объекта оценки*, охватывающая широкий спектр мишеней: от непосредственного собеседника до социальной группы или отсутствующего лица. Особую роль в политическом интервью играет двойственный характер *адресата воздействия*, при котором порицание транслируется оппоненту, но предназначено массовой аудитории.

Важнейшей статусно-ролевой характеристикой коммуникативных стратегий порицания является ориентированность «сверху вниз». Независимо от реального положения собеседников, интенция выражения негативного отношения к поведению коммуниканта требует от автора *доминирующей позиции морального арбитра*. По интенсивности речевого воздействия порицание правомерно отнести к классу основных макростратегий [121, с. 43], поскольку именно деструктивная критика формирует основную коммуникативную цель подобных высказываний.

В соответствии с критерием степени эксплицитности выражения негативной оценки и фокуса прагматического воздействия, вслед за Е. В. Ключевым [122, с. 27], мы дифференцируем анализируемый арсенал на прямые и косвенные стратегии. В рамках *прямых стратегий* осуществляется открытая вербализация вины или критика конкретного поступка. *Косвенные стратегии*, напротив, предполагают трансляцию негативной оценки через манипулирование информацией или апелляцию к общепринятым нормам.

К прямым стратегиям относятся *стратегии обвинения и понижения статуса*. Их специфика заключается в максимальной степени эксплицитности и конфронтационности: субъект речи открыто артикулирует причинно-следственную связь между действиями адресата и деструктивными последствиями. В рамках политического интервью подобная интенция объективируется через безапелляционное указание на ошибочность решений оппонента. Иллюстрацией функционирования прямого порицания служит вопрос журналиста К. Уоллеса, посвященный критике вывода американских войск из Афганистана в августе 2021 года, который привел к падению правительства в Кабуле и захвату власти талибами:

Journalist (Chris Wallace): Sir, in July 2021, your administration made the decision for an immediate withdrawal of troops without establishing a transition period for our allied forces. This led to the complete collapse of the government in Kabul within weeks and, as a consequence, the abandonment of billions of dollars worth of military equipment. Wasn't this a fundamentally wrong decision that resulted in the biggest foreign policy disaster of the last decade? (Fox News, от 22.08.2021).

Стратегию понижения статуса базируется на тактике анализ-минус. Лингвопрагматический механизм дискредитации выстраивается в три этапа. Журналист конструирует цепь негативных событий (*complete collapse, abandonment of billions*) как прямые следствия решений администрации (*This led to..., as a consequence*). Использование оценочных номинаций (*the biggest foreign policy disaster of the last decade*) превращает информационный контекст в обвинение. Форма финальной реплики *Wasn't this a fundamentally wrong decision...?* является общим вопросом с отрицанием, которые функционирует в качестве обвиняющего вердикт, не предполагающего альтернативной трактовки событий. Эксплицитность порицания достигается за счет синтаксической и лексической фиксации персональной ответственности адресата за катастрофический сценарий.

Косвенные стратегии (стратегия осуждения и стратегия дискредитации) более имплицитны и манипулятивны. Негативная оценка достигается без прямого приписывания вины посредством деконструкции репутации оппонента. *Стратегия осуждения* фокусируется на несоответствии действия общепринятым нормам или морали. *Стратегия дискредитации* направлена на создание негативного образа оппонента как такового, а не только на конкретный проступок.

Однако классификация по критерию эксплицитности / имплицитности не является исчерпывающей, поскольку характеризует лишь формальную сторону речевых актов, оставляя за скобками содержательную специфику аргументации. Для комплексного анализа интенциональной структуры и механизмов воздействия порицания и на массового адресата мы предлагаем дифференцировать макростратегии на основе *вектора делегитимации*. Данный подход позволяет разграничить арсенал политического порицания по двум ключевым направлениям:

- *юридическо-фактологический вектор*: фокус на доказательствах, фактах и установлении вины, апелляции к закону и ответственности с целью доказать виновность оппонента. Направление порицания представлено стратегиями обвинения и понижения статуса, тактиками обличения и анализ-минус;

- *морально-этический вектор*: фокус на ценностях, нормах и имидже, апелляция к общественным ценностям и этике для обоснования недостойности оппонента. Данный аспект охватывает стратегии осуждения и тактики апелляции к нормам и морали, а также стратегию дискредитации с тактиками, направленными на разрушение имиджа, чтобы доказывать непригодность оппонента для занимаемой должности.

Опираясь на такое разграничение, мы переходим к рассмотрению каждой из выделенных стратегий, анализируя набор тактик, которые используются американскими политиками и журналистами в американском политическом интервью.

Е. Верещагин и В. Костомаров [152] анализируют жанровое многообразие коммуникативных актов, имеющих компоненты со значением порицания, и определяют основные оценочно-осуждающие высказывания. В результате были разграничены стратегии обвинения и осуждения. *Стратегия обвинения* направлена на оценку негативных действий оппонента и их последствий. Выбор конкретных тактик детерминирован коммуникативными целями, этическими установками субъекта и статусно-ролевыми характеристиками участников взаимодействия. В рамках данной стратегии выделяются следующие тактики.

Тактика эксплицитного обвинения находит свое воплощение в использовании прямых, тематически релевантных лексических единиц, позволяющих открыто вербализовать вину оппонента. Подобный выбор речевых средств задает определенную аксиологическую рамку восприятия ситуации как для непосредственного участника диалога, так и для адресата-наблюдателя, т. е. внешней аудитории. Для *тактики перформативного обвинения* характерно использование глагольных форм 1-го лица настоящего времени (*I accuse you of..., I claim that...*). Данный речевой ход нацелен на экспликацию позиции адресанта и отличается высокой степенью речевой экспрессии, зачастую выходящей за рамки конвенциональных норм и стандартов коммуникативного поведения. *Тактика обвинения под видом выражения уважения* представляет собой имплицитный прием, при котором негативная оценка маскируется этикетными формулами или смещается на периферийные смысловые элементы реплики, что позволяет вуалировать критическую интенцию. *Тактика обвинения через экспликацию последствий действий оппонента* базируется на выявлении причинно-следственной связи между поступком и его негативным результатом. Это требует активного вовлечения аудитории в процесс интерпретации фактов для реконструкции логики обвинения [152, с 42].

Тактика обвинения относится к агрессивным речевым приемам. Согласно В. Власовой, под ней понимается речевое поведение, ведущее к прямой агрессии [153], что предполагает возложение вины на оппонента и оценку

ситуации в негативном ключе. Адресант стремится разоблачить противника, указав на негативные черты или намерения. Для реализации указанной тактики применяются лексические единицы с негативной оценочной коннотацией. Зачастую обвинение является неаргументированным, однако прием широко используется политическими деятелями. В ряде случаев имя обвиняемого не разглашается, а реплики содержат лексику с неопределенным, размытым значением. Применение подобных речевых средств выгодно для политика, так как позволяет акцентировать противопоставление «своих - чужих». Группе «своих» приписываются положительные качества, в то время как группа «чужих» компрометируется. Апеллируя к слушателям как к единомышленникам, политик внушает им чувство единства и тем самым выдает свои интересы за общие [154, с. 76]. О. В. Паршина относит тактику обвинения к дискредитирующей стратегии и называет ее разоблачающей тактикой, которая осуществляется с привлечением семантики выраженной отрицательной коннотации, оценочных эпитетов с негативной окраской, выражений со значением недоверия к собеседнику [126, с. 120].

Обвинение выступает не только как самостоятельная стратегия, нацеленная на установление вины, но и как ключевая тактика, которая пересекается с другими наступательными стратегиями. В частности, О. В. Паршина и О. Л. Михалева рассматривают *тактику обвинения* в рамках стратегии понижения статуса как основной инструмент дискредитации, используемый для демонстрации негативных качеств оппонента [126, с.128; 135, с. 80].

Коммуникативная стратегия осуждения предполагает акцентирование деструктивного характера действий оппонента с последующей этической квалификацией поступка с точки зрения нравственности. Данная модель поведения опирается на апелляцию к моральной ответственности реципиента, что необходимо для подтверждения согласия и принятия им оценки [99, с. 57; 152, с. 50]. Данная стратегия разворачивается следующими коммуникативными тактиками.

Тактика эксплицитной демонстрации порицания заключается в открытом выражении негативной оценки, направленной непосредственно на оппонента и совершаемые им поступки. Говорящий прямо апеллирует к базовым ценностям культуры, оппозиции добра и зла, представлениям о правильном и неправильном. Поведение адресата описывается как нарушение общепринятых моральных норм. *Тактика порицания проступка через сопоставление действий оппонента* с собственным «образцовым» поведением находит выражение в двух вариантах. В первом случае сравнение логично и контекстуально оправдано: политик использует понятные аудитории критерии, что обеспечивает поддержку выдвинутых тезисов. Во втором – прямая логическая связь между проступком оппонента и действиями говорящего отсутствует, что делает аргументацию уязвимой, а смысл высказывания – допускающим двоякое или искаженное толкование.

Тактика критики выступает компонентом стратегии осуждения [99, с. 65], когда сфокусирована на негативной аттестации профессиональных

способностей адресата. Подобный прием фактически приравнивается к дискредитации способности последнего выполнять возложенные функции, например, через указание на некомпетентность, и апеллирует к интеллектуальным качествам субъекта порицания. Стоит отметить, что критику и дискредитацию оппонента относят к стратегии самопрезентации [133] лишь при условии, что главной целью говорящего является укрепление собственного положительного имиджа, а не прямая атака на оппонента. Однако в рамках интенции порицания данный инструментарий служит прежде всего формой объективации стратегии осуждения.

Резюмируя, необходимо отметить, что стратегия обвинения фокусируется на фактах и вине, а стратегия осуждения – на нравственном аспекте. Однако многие тактики не являются уникальными для одной стратегии, а представляют собой универсальные инструменты порицания. Например, тактики оскорбления могут использоваться как для прямого обвинения, так и для дискредитации образа. Для полной систематизации необходимо рассмотреть эти тактики в корреляции с другими наступательными стратегиями.

К *стратегии осуждения* относятся *тактики упрёка и иронии* [99, с. 68], выступающие формами реализации косвенной вербальной агрессии [153]. В политическом дискурсе необходимость соблюдения конвенциональных норм поведения вынуждает коммуникантов избегать прямой конфронтации. Чтобы минимизировать репутационные риски и не допустить обвинений в нарушении этикета, адресант применяет имплицитные способы выражения негативной оценки, например, *тактика упрёка*.

Косвенная речевая тактика основана на инференции – интеллектуальной операции, при которой аудитория самостоятельно восстанавливает интенцию и имплицатуры адресанта, опираясь на контекст и фоновые знания [155, с. 3]. Использование косвенных тактик позволяет говорящему решать две прагматические задачи: стимулировать изменение поведения или целенаправленно деконструировать положительный имидж оппонента. В арсенале тактик, дискредитирующих конкурента, особое место занимает *тактика намёка*, стратегическое преимущество которой заключается в сохранении «лица» говорящего. Политик избегает статуса агрессора, формально соблюдая этикетные рамки. Успешность данной тактики обусловлена единством фоновых знаний участников: если негативный подтекст считывается верно, порицание достигает цели, оставаясь при этом неуязвимым для прямых контраргументов оппонента [156].

О. Н. Паршина рассматривает *тактику упрёка* в составе стратегий дискредитации и угрозы, подчеркивая косвенный характер и имплицитную представленность в структуре высказывания данного речевого хода [157]. Ключевым параметром реализации упрёка выступают принятые в лингвокультуре нормы речевого воздействия и представления о границах частного пространства личности. Если российской коммуникативной культуре свойственны установки на общность и солидаризацию, что допускает прямое влияние на собеседника, то для англоязычной традиции более характерны ненавязчивость и минимизация открытого давления. Вследствие этого в

русской культуре *упрек* может транслироваться эксплицитно вне зависимости от дистанции между партнерами, в то время как в англоязычной среде преобладают завуалированные формы.

Эффективность и интерпретация *упрека* во многом определяются реакцией адресата, которая может варьироваться от оправдания и признания вины до встречного подобного речевого приема или прекращения коммуникации. В англоязычной коммуникативной культуре данная тактика объективируется через специфические маркированные структуры: контрастные противопоставления, фиксацию неоправданных ожиданий, формы совета или предположения, а также приемы недоговоренности [158]. На синтаксическом уровне *упрек* чаще всего реализуется через вопросительные высказывания, прежде всего риторические вопросы. В таких конструкциях первичная функция запроса информации отходит на второй план, уступая место интенции порицания. Вопрос становится инструментом негативной оценки, подчеркивая нарушение оппонентом этических или поведенческих норм. Вопросительные структуры в политическом интервью, помимо своей основной функции, приобретают статус *оценочных высказываний*, направленных на дискредитацию собеседника.

Тактика иронии базируется на диссонансе между буквальным значением высказывания и прагматическим подтекстом. *Ирония* возникает за счет того, что за внешне положительной или нейтральной формой всегда скрывается негативное содержание и интенция порицания. Реализация иронии представляет собой многоуровневый процесс, затрагивающий лексико-грамматический, семантический и синтаксический аспекты речи, и требует обязательного учета коммуникативного контекста [159]. *Стратегический потенциал иронизирования* в политическом интервью реализуется через создание острого контраста между эксплицитно сказанным и имплицитно подразумеваемым. Подобный прием позволяет политику транслировать порицание в подчеркнуто интеллектуальной, саркастичной форме, усиливая эмоциональное воздействие на аудиторию [71, с. 12].

Таким образом, *тактики упрека и иронии* имеют выраженный *косвенно-агрессивный характер*, выполняя функцию делегитимации без нарушения норм публичного поведения, что определяет стратегическую ценность данных речевых ходов. О. Н. Паршина включает упрек в состав стратегии дискредитации и угрозы [157, с. 125], а тактика иронии, согласно О. Л. Михалевой, становится эффективным способом осуществить стратегию понижения статуса. Следовательно, упрек и ирония являются кросс-стратегическими тактиками, способными реализовать как моральное осуждение, так и подрыв репутации.

Направленность на соперника, стремление развенчать его позиции предполагает активацию *стратегии понижения статуса*, которая реализуется следующими тактиками [71, с. 21].

Тактика «анализ – минус» заключается в детальном критическом разборе ситуации с опорой на фактический материал. Отрицательная оценка действий или личных качеств оппонента подается не как субъективное мнение автора, а

как объективный логический вывод, основанный на анализе реальных фактов и событий. Данный прием позволяет адресанту придать порицанию большую убедительность и верифицируемость перед аудиторией. *Тактика обвинения* проявляется в приписывании кому-либо некой вины, признании виновным, а также раскрытии, обнаружении неблагоприятных действий, намерений, качеств. В свою очередь, *тактика безличного обвинения* представляет собой речевой прием, при котором в высказывании не указываются конкретные виновники осуждаемых действий или поступков, чьи злоупотребления и решения становятся предметом открытого обсуждения. *Тактика обличения* заключается в предъявлении фактов и аргументов, доказывающих неправомочность или аморальность действий объекта. Целью данного тактического хода становится верификация вины оппонента через демонстрацию неопровержимых свидетельств его проступка. В отличие от простого обвинения, обличение всегда опирается на доказательную базу, которая трансформирует субъективное порицание в публичный вердикт. *Тактика оскорбления* представляет собой форму прямой вербальной агрессии, направленную на унижение достоинства и девальвацию личностного статуса оппонента. Суть тактики состоит в замещении аргументации аффектом: вместо логических доказательств адресант использует инвективную лексику, стремясь психологически подавить противника и дискредитировать образ последнего. При этом тактика оскорбления не является уникальной принадлежностью лишь стратегии понижения статуса, а представляет собой *универсальный инструмент вербальной агрессии*. О. С. Иссерс относит тактику оскорбления к стратегии дискредитации, нападения [121, с. 140], для реализации которой применяется эмоционально-окрашенная, жаргонная, просторечная, сниженная лексика. Политики с *конфликтно-агрессивным типом личности*, согласно классификации К. Ф. Седова, часто прибегают к тактике оскорбления [126, с. 132] с помощью инвективов, указательных местоимений, фамилий с нарицательной коннотацией. Ученые отмечают, что интенции тактик стратегий осуждения не сводится к системному подрыву репутации или постановке оппонента в затруднительное положение, а основной главной целью остается экспрессивное выражение недовольства, несогласия и намеренная провокация собеседника [154, с. 228].

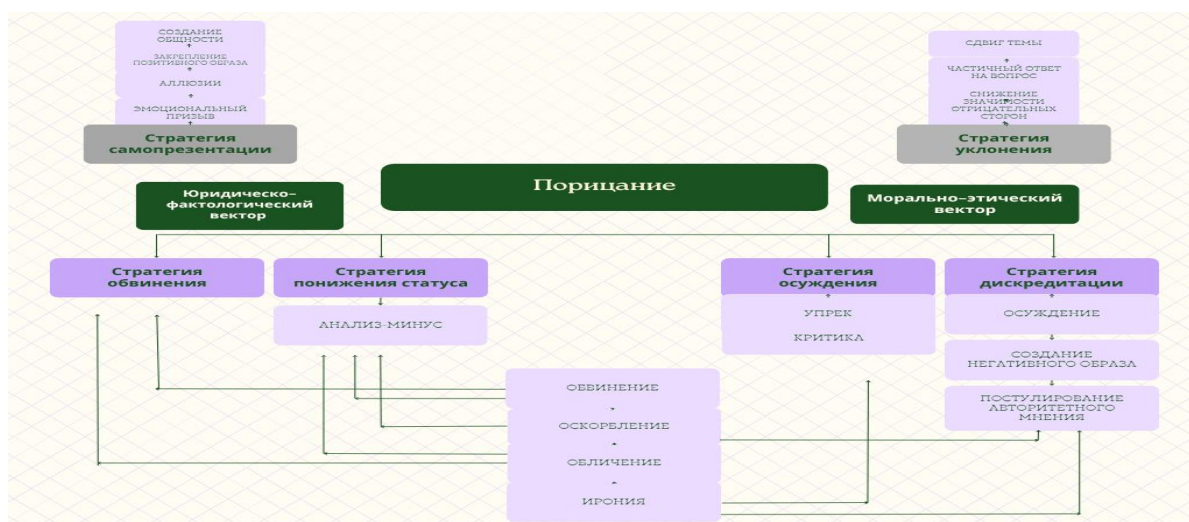
Важно отметить, что реализация *порицания* в политическом интервью редко осуществляется изолированно. Данная категория функционирует в диалектической связи со *вспомогательными стратегиями самопрезентации и уклонения*.

Применение *стратегии самопрезентации* обусловлено базовой для политического сознания оппозицией *свой - чужой* [46, с. 145]. Как отмечает казахстанский исследователь Г. Г. Гиздатов, в рамках этой оппозиции порицание «чужого» выступает способом конструирования социальной реальности. Через негативную оценку оппонента политик формирует когнитивные модели «правильного» и «неправильного» поведения, транслируя аудитории собственные ценностные ориентиры как единственно верные [160]. Поэтому самопрезентация разворачивается в качестве *фоновой стратегии*,

способствуя усилению порицания. Например, создавая идеализированный образ компетентного и патриотичного «своего», политик конструирует фоновое содержание для профилирования недостатков «чужого» (оппонента). Самовосхваление трансформируется в инструмент не прямой дискредитации: утверждение *I am a strong leader* имплицитно порицание *He is a weak one* без прямой вербализации обвинения. Стратегия самопрезентации находит выражение в следующих тактиках: *эмоционального призыва, аллюзии, критики, дискредитации оппонентов, закрепления позитивного образа, создания общности/солидарности, использования ключевых слов, параллелизма, рамочной конструкции.*

Особое место в структуре порицания занимает *стратегия уклонения*. Традиционно рассматриваемая как оборонительная, в условиях политического интервью данная стратегия приобретает наступательный характер и трансформируется в инструмент *переадресации порицания*. Механизм подобного перехода заключается в следующем: получая неудобный вопрос (потенциальный акт порицания со стороны журналиста) политик использует уход от прямого ответа для смены вектора атаки, например, переводит фокус внимания на промахи оппонента. В этой ситуации уклонение служит средством развертывания обвинительного высказывания, позволяя субъекту сменить роль «оправдывающегося» на позицию «обвинителя». Данная стратегия получает выражение в следующих тактиках: *сдвиг темы, частичный ответ на вопрос, снижение значимости отрицательных сторон, оправдание, отрицание.*

Специфика агонального взаимодействия в американском политическом интервью обуславливает синергию стратегий порицания с тактиками самопрезентации и уклонения: политический субъект вынужден синхронно деконструировать имидж оппонента и легитимизировать собственную позицию. Синтез проанализированных прагматингвистических подходов (Т. А. ван Дейк, О. С. Иссерс, О. Л. Михалева, О. Н. Паршина) позволил нам разработать авторскую интегративную классификацию доминантных стратегий и тактик. Предложенная система (см. Рисунок 2) выступает методологической матрицей для выявления механизмов объективации порицания в условиях высококонфликтного медийного диалога в американской лингвокультуре.

Рисунок 2 – Коммуникативные стратегии и тактики порицания в политическом интервью

Примечание: Авторская разработка по: О. В. Паршина [116]; Т. В. Черницына [95]; В. Власова [141]; О. С. Иссерс [114]; Е. Верещагин и В. Костомаров [140].

Как иллюстрирует Рисунок 2, макростратегия порицания обладает сложной интенциональной архитектурой и дифференцируется по двум ключевым осям: *вектору делегитимации* и *степени эксплицитности*. Левая часть систематизации формирует юридическо-фактологический вектор, опирающийся на прямые стратегии обвинения и понижение статуса. Данный блок с тактиками обличения, инвективами, анализ-минуса функционирует как инструмент персонифицированной конфронтации. Правая часть репрезентирует морально-этический вектор, представленный косвенными стратегиями осуждения и дискредитации. Ирония, упрек и намеки осуществляют в высказываниях политиков аксиологическую деконструкцию оппонента, сохраняя видимость институциональной корректности. Синергия данных векторов с фоновыми стратегиями уклонения и самопрезентации обеспечивает максимальную персуазивность политического диалога.

В основу классификации речевых актов в нашем исследовании положена типология Дж. Серля, в рамках которой особое внимание уделяется *репрезентативам (ассертивам)*, служащим для констатации фактов, и *экспрессивам*, направленным на эмоционально-оценочное воздействие. Развивая этот подход в русле концепции Н. А. Трофимовой, мы рассматриваем *порицание как речевой акт, объективируемый через констативы*. Несмотря на форму повествовательного предложения, подобные высказывания обладают скрытым *императивным потенциалом*: дескрипция негативного факта неразрывно связана с интенцией на коррекцию поведения адресата. Следовательно, иллокутивная структура порицания неизменно содержит *косвенный директив*, подразумевающий требование изменений в действиях оппонента [161, с. 51].

Рассмотрим пример:

KAMALA HARRIS: Well, let's start with October 7th. 1200 people were massacred, 250 hostages were taken, including Americans. Women were brutally raped. And as I said then, I maintain Israel has a right defend itself <...> Far too many innocent Palestinians have bin killed. This war has to end (CBS News, от 09.10.2024).

Императив выражен конструкциями *let's start, This war has to end*. Логика выстраивания микротемы в данном фрагменте следующая: высказывание – суждение – оценка – императив. Высказывание оформлено констативами, усиление иллокуции в которых достигается за счет включения статистических данных, создающих эффект достоверности. Однако, невозможно точно установить число женщин, подвергшихся нападениям, политик прибегает к констатации, построенной на допущении с целью вызвать эмоциональный

всплеск порицания у аудитории. Приведенный пример не содержит лексических единиц с семантикой, соответствующей *порицанию*. Пример демонстрирует, что персуазивный эффект речевого акта во многом обусловлен способностью адресата интерпретировать сообщение о фактах в русле интенции говорящего.

Порицание-констатив (или *репрезентатив* в типологии Дж. Серля) представлено двумя основными группами стратегий: *эксплицитные с изменением референциальной составляющей* и *порицание с имплицитной оценкой*. Опираясь на классификацию Н. А. Трофимовой, проанализируем данные типы.

Эксплицитные констативы с изменением референциальной составляющей предполагают выражение открытой негативной оценки при намеренном смещении фокуса с конкретного лица на обобщенный или неопределенный субъект. Вместо прямого обращения к оппоненту *You are wrong* политик использует номинации типа *certain leaders, the previous administration* или неопределенно-личные конструкции *It is unacceptable that...* Подобный прием позволяет говорящему транслировать порицание, придавая ему статус объективного суждения о некой группе лиц или явлении, избегая при этом прямой межличностной конфронтации.

Например: *No one should be able to take for granted that they can just declare themselves a candidate and automatically receive* (CBS News, от 09.10.2024). Изменение референции реализуется за счет сочетания отрицательного местоимения *No one* и обобщенной номинации *a candidate*. Вместо прямой критики конкретного оппонента, автор демонстрирует нейтральную норму поведения. Использование местоимения *they* в качестве универсального и неопределенного варианта деперсонализирует субъект, превращая частное порицание в обсуждение общих принципов демократического процесса. Аналогично в реплике Norah O'Donnell: *So just to button that up, because you have fought for Medicare for All* (CBS News, от 25.10.2020) порицание объективируется через указательное местоимение *that*, выполняя функцию референциального заместителя и обобщая весь негативный контекст предыдущего обсуждения непоследовательности политика. Такая структура позволяет журналисту не называть проступок прямо, а представить уже доказанный, свершившийся факт. Использование местоимения *you* в сочетании с фразовым глаголом *button up* придает высказыванию характер финального обличительного вердикта.

Порицание-констатив с имплицитной оценкой – это высказывание, которое формально представляет собой нейтральное сообщение о факте, но в контексте интервью приобретает силу негативного суждения. В таких структурах отсутствуют оценочные слова *плохо, ошибка, провал*. Порицательный эффект достигается за счет рассогласования: говорящий приводит факт, который явно противоречит социальной, моральной или политической норме. Слушатель самостоятельно совершает инференциальный вывод о виновности или некомпетентности субъекта. Политик не навязывает оценку, а заставляет аудиторию саму «обнаружить» ее в приведенных фактах.

Например:

TIM WALZ: Well, she probably disagreed with you, said, Tim, you know, you need to be a little more careful on how you say things, whatever it might be (CBS News, от 09.10.2024).

В высказывании фраза *whatever it might be* выступает в роли маркера неопределенности. Говорящий намеренно не перечисляет ошибки оппонента, но через совет *be a little more careful* вводит в контекст содержание о наличии прошлых некорректных высказываний. Порицание здесь строится на умолчании: негативная оценка подается как нечто само собой разумеющееся, что позволяет политику признать факт неудачи, не акцентируя внимание на ее деталях.

Для подобных речевых актов характерно использование квантификаторов или средств интенсификации (*all, every, always*), с помощью которых адресант переводит единичные факты в категорию универсальных закономерностей или гиперболизирует масштаб негативных последствий, тем самым повышая персуазивный эффект высказывания:

Norah O'Donnell: Do you think there are a lot of people who are gonna vote for you simply because you're not Donald Trump?

Joe Biden: Well, I hope there's gonna be a lotta people who vote for me because of who I am (CBS News, от 25.10.2020).

Квантификаторами выступают выражения *a lot of / a lotta people* в утвердительном предложении с неисчисляемым существительным. Смягчение негативной оценки способствует сохранению речевого контакта и обеспечивает успешность коммуникации даже в условиях идеологического противостояния [161, С. 50]. Пример демонстрирует ориентированность стратегий косвенного порицания на минимизацию конфликтности.

Н. А. Трофимова описывает также экспрессивные речевые акты как один из основных классов, наряду с констативами и императивами. *Экспрессивы* исследователь трактует в широком смысле, делая внутреннее разграничение между *социативами и инфлуктивми* [161, с. 22-23]. *Социативы* определяются как речевые акты выражения признания говорящим собеседника качестве члена социальной группы «своих». Такими актами могут быть приветствие, поздравление, соболезнование, благодарность, сожаление, тост, сочувствие, благословение.

Инфлуктивы описываются как речевые акты, *совмещающие эмоционально-оценочное отношение и воздействие на адресата*. В отличие от простых сообщений, инфлуктивы выполняют *регулятивную функцию*: говорящий использует их как инструмент социального поощрения или словесного наказания, например, похвала, порицание, комплимент, оскорбление. В рамках нашего исследования стратегий порицания *инфлуктивы* занимают центральное место в силу следующего. Во-первых, они позволяют рассматривать порицание как речевое действие, направленное на коррекцию поведения оппонента или подрыв его политического статуса. Во-вторых, именно через инфлуктивы реализуется *механизм «наказания» за нарушение*

социальных норм, что является ядром агональной коммуникации в политическом интервью.

В институциональной среде политического интервью любая констатация негативных фактов о деятельности оппонента фактически принимает функцию *инфлуктива*. Даже в тех случаях, когда высказывание грамматически оформлено как нейтральный констатив, прагматическая роль сообщения сводится к *публичному осуждению и делегитимации противника*:

Vice President Kamala Harris: I-- I disagree with you. There are plenty of leaders in Congress who understand and know that the Trump tax cuts blew up our federal deficit. (CBS News, от 09.10.2024).

Формально реплика является констативом, так как говорящий информирует об экономических показателях (*our federal deficit*). Однако использование глагола *blew up* в сочетании с прямой отсылкой к оппоненту (*Trump tax cuts*) трансформирует высказывание в инфлуктив-обвинение

В предыдущем примере порицание имело адресный характер. Однако объект критики в интервью способен смещаться и негативная оценка фокусируется на результатах политики или текущем положении дел. В таких случаях порицание реализуется косвенно через оценку ситуации, что обеспечивает снижение градус личной враждебности при сохранении общего критического посыла. Например:

Vice President Kamala Harris: We now have historic low unemployment in America among all groups of people. We now have an economy that is thriving by all macroeconomic measures. And, to your point, prices are still too high. And I know that, and we need to deal with it, which is why part of my plan—you mentioned groceries (CBS News, от 09.10.2024).

Фраза *prices are still too high* представляет собой пример косвенного порицания, направленного на текущую экономическую ситуацию (при этом политик осуждает ситуацию, за которую сам же и отвечает). Признавая негативный факт, К. Харрис реализует тактику солидаризации с недовольной аудиторией, что позволяет политику превентивно нейтрализовать критику в адрес администрации. Содержание высказывания смещает фокус с ответственности за инфляцию на легитимацию собственной программы.

Таким образом, *эффективность порицания обеспечивается гибким сочетанием прямых тактик и косвенных, где сообщение о факте становится инструментом императива. Формально нейтральные констативы приобретают иллюктивную силу негативного суждения.*

В этой системе центральная роль принадлежит инфлуктивам. Будучи инструментами словесного наказания, они переводят эмоционально-оценочное отношение в плоскость прагматического действия. Именно через инфлуктивы осуществляется регулирование социально-политических статусов оппонентов и управление восприятием аудитории, что определяет успешное речевое взаимодействие в дискурсе политического интервью.

2.4 Методология исследования речевых стратегий порицания в дискурсе американского политического интервью

Методология настоящего исследования основывается на принципе научной преемственности и интегративном подходе. Терминологический аппарат и конкретные аналитические процедуры формируются в системе современных разноуровневых методов – от философско-общелогических до частнонаучных лингвистических.

Философско-общелогические методы служат концептуальной основой для осмысления американского политического интервью как сложного коммуникативного феномена. *Анализ* позволяет дифференцировать составляющие элементы дискурса политического интервью: коммуникативную ситуацию, речевые акты, стратегии и тактики, а также конкретные речевые средства, реализующие интенцию порицания. *Синтез* обеспечивает обратный процесс – восстановление целостной картины коммуникативного события, позволяя определить, как взаимодействие различных единиц приводит к реализации общей стратегии порицания и достижению персуазивного эффекта. *Интерпретация* является ключевой операцией, позволяющей осмыслить эмпирический материал (транскрипты интервью) в рамках теории речевых актов, критического дискурс-анализа, прагмалингвистики. *Интерпретативный анализ* дает возможность рассматривать речевые акты порицания не изолированно, а как часть социокультурного и идеологического контекста. *Диалектический метод* применяется для исследования политического интервью как единства и борьбы противоположностей: интенций интервьюера и интервьюируемого, стремления к информированию и манипулированию, использования стандартных жанровых конвенций и индивидуальных речевых стилей. *Обобщение* направлено на выявление типичных моделей и паттернов в объективации стратегий порицания и формулировании выводов о закономерностях речевого поведения американских политиков. *Сопоставление и сравнение* необходимы при анализе речевого поведения Д. Трампа и Дж. Байдена для выявления как общих, так и идиостилевых особенностей функционирования порицания.

Общенаучные методы конкретизируют исследовательские процедуры на различных уровнях познания. *На эмпирическом уровне* основным методом является *наблюдение* за речевым материалом, *целенаправленный отбор и систематизация* фрагментов интервью, содержащих прямые или косвенные стратегии порицания. *На теоретическом уровне* центральное место занимает *метод моделирования*. Он позволяет конструировать аналитические модели коммуникативных стратегий порицания, описывая их структуру (интенция – тактики – речевые средства) и условия функционирования в политическом интервью. *Метатеоретический уровень* представлен методом рефлексии, направленным на критическое осмысление адекватности и эвристического потенциала применяемой методологии для решения поставленных исследовательских задач.

Частнонаучные и дисциплинарные методы определяются установками когнитивно-дискурсивной и лингвопрагматической парадигм. *Критический*

дискурс-анализ (КДА) выступает в качестве базовой методологии, позволяющей исследовать, какие лингвистические структуры в политическом интервью востребованы для установления, поддержания или оспаривания отношений власти, а также для продвижения определенных идеологий через речевые акты порицания. *Лингвопрагматический анализ* ориентирован на изучение речевого поведения участников коммуникации в естественных условиях взаимодействия. В рамках данного исследования интегрированы:

– теория речевых актов, служащая для классификации высказываний с интенцией порицания как инфлуктивов и определения их функционирования в качестве инструментов регуляции дискурса;

– интент-анализ, направленный на верификацию явных и имплицитных целей субъекта, объективируемых в стратегиях порицания.

Контекстуальный анализ обеспечивает учет широкого спектра экстралингвистических факторов влияющих на выбор и интерпретацию стратегий порицания: социально-политическая ситуация, характеристики медиаканала, особенности аудитории. *Лингвостилистический анализ* используется для описания конкретных языковых средств, которые служат маркерами порицания: лексических, грамматических, синтаксических, риторических фигур. *Количественный метод*, включающий использование инструментария компьютерно-опосредованного анализа текста, применяется для определения частотности использования тех или иных тактик и языковых средств. Применение программных средств автоматизированной обработки (в частности, с помощью платформы Voyant Tools) позволяет объективировать полученные данные и сделать обоснованные выводы о типичности выявленных моделей для дискурса конкретного политика или политического течения

Предлагаемая *методика когнитивно-дискурсивного анализа* стратегий порицания в американском политическом интервью основывается на следующей системе рассуждений.

Участник политического интервью (политик или журналист), прибегая к порицанию, совершает стратегический речевой акт – инфлуктив. Способ и речевые средства порицания определяются, с одной стороны, коммуникативными целями дискредитировать оппонента, мобилизовать электорат, укрепить собственный имидж, а с другой – ограничиваются жанровыми нормами институционального интервью, ожиданиями аудитории, общим политическим контекстом, исторически сложившимся лингвокультурным контекстом. Содержание и функция порицания определяются всей совокупностью экстралингвистических факторов: институциональными ролями участников, целями, присутствием массового адресата и жанровыми конвенциями интервью

Всякое порицательное высказывание интерпретирует проступок оппонента сквозь призму базовых идеологических установок. Речевые средства, избранные для порицания, реализуют морально-этический либо юридическо-фактологический вектор делегитимации, навязывая аудитории выгодный для говорящего ракурс интерпретации проблемы. Высказывание превращается в инструмент формирования политического «режима истины».

Единицей анализа является *высказывание* как функционально-ориентированное речевое действие. Индивидуальные акты порицания, несмотря на ситуативную уникальность, демонстрируют повторяющиеся сходства. Систематизация единичных актов позволяет реконструировать коммуникативные тактики и стоящие за ними коммуникативные стратегии.

Предпочтение одной тактики порицания другой, например, прямого оскорбления завуалированному упреку, является стратегическим решением, продиктованным агонально-театральной природой политического интервью. Данный формат обязывает политика осуществлять делегитимацию оппонента, ориентируясь на персуазивный эффект для массового адресата.

Анализ содержательного фокуса порицательных высказываний позволяет реконструировать базовые когнитивные матрицы американского политического дискурса. То, *что* считается достойным порицания, например, нарушение индивидуальной ответственности или некомпетентность, и то, *как* вербализуется негативная оценка, напрямую указывает на доминирующую когнитивную модель политика: «Строгий отец» или «Заботливый родитель» по Дж. Лакоффу.

Комплексный анализ стратегий порицания эксплицирует лингвокультурную специфику американского дискурса, которая проявляется в функциональной асимметрии тактик, например, склонности консерваторов к прямой конфронтации, а либералов — к этическому осуждению, а также риторических приемах и способах воспроизводства в дискурсивных практиках биполярной идеологической оппозиции, структурирующей политическую жизнь США

Таким образом, представленная система рассуждений и интеграция предложенных методов позволила сформировать модель исследования (рис. 3), в которой систематизируются аналитические компоненты и задается вектор дальнейшего эмпирического анализа (см. рис. 3).

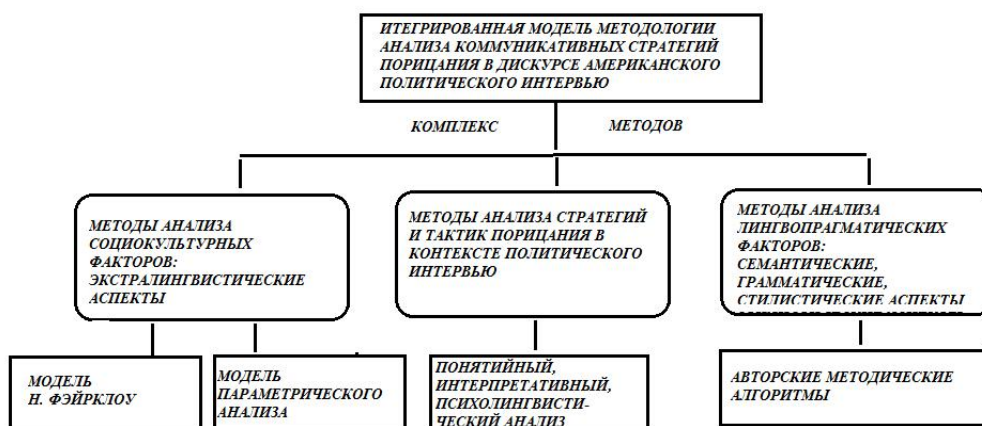

Рисунок 3 – Интегрированная модель анализа порицания в дискурсе американского политического интервью (составлено автором)

Комплексная методика исследования предполагает следующие аспекты анализа:

– *социопрагматический аспект* или анализ коммуникативной ситуации: определение участников коммуникации и их статусно-ролевых характеристик; анализ взаимодействия прямой диады *журналист – политик* и изучение реактивного дискурса адресата-наблюдателя (аудитории) на посткоммуникативном этапе, что предполагает исследование функционирования стратегий порицания в широком социальном контексте, включая механизмы их трансформации и репликации в интернет-комментариях; выявление внешних факторов, провоцирующих использование стратегий порицания;

– *стратегический аспект* или идентификация стратегий и тактик: на основе анализа интенций говорящего выделяются и классифицируются общие стратегии порицания; определяются конкретные тактики реализации в рамках определенной стратегии;

– *лингвостилистический аспект* или анализ средств реализации: описание речевого инструментария, объективирующего каждую тактику, анализ оценочной лексики, коннотаций, метафорических моделей, риторических фигур и синтаксических конструкций, маркирующих порицание;

– *когнитивно-дискурсивный аспект* или выявление когнитивных оснований: анализ того, как через стратегии порицания конструируются оппозиции *свой – чужой*, формируются негативные стереотипы и какие ценностные установки эксплуатируются для делегитимации оппонента;

– *интерпретационный аспект* или синтез и выводы: сравнение стратегий и тактического инструментария политиков, выявление идиостилевых предпочтений; анализ персуазивного эффекта на аудиторию с учетом социокультурного контекста; построение обобщенной модели функционирования коммуникативных стратегий порицания в современном американском политическом интервью, отражающей взаимосвязь целей, тактик, речевых средств и когнитивных моделей.

Данное исследование проводится в шесть последовательных этапов, реализующих интегрированную модель анализа:

1. Первичный отбор эмпирического материала.

На этой стадии выделяются высказывания, содержащие акты порицания, с учетом следующих параметров: наличие эксплицитной или имплицитной негативной оценки оппонента; манифестация иллокутивной силы; использование лексико-стилистических маркеров. В ходе формирования корпуса (110 интервью) фиксируются социопрагматические факторы: институциональные роли участников, тип медиаканала и социальный контекст. *Указанные переменные детерминируют выбор стратегии и направленность речи на делегитимацию контрагента или легитимацию собственной позиции.*

2. Определение прагматических характеристик.

Для каждой единицы анализа устанавливаются коммуникативная цель и тип речевого акта. Исходя из интенций говорящих, речевые действия

группируются в тактики и макростратегии. Особое внимание уделяется выявлению инфлективов и механизмов функциональной транспозиции, когда констатация факта выступает инструментом дискредитации и направлена на делегитимацию. Анализу подлежат политиков и речевое поведение журналистов.

3. Лингвостилистический этап.

Предполагает детальную инвентаризацию речевых маркеров порицания, к числу которых относятся лексические единицы, грамматические конструкции, синтаксические структуры, а также стилистические приемы.

4. Когнитивно-дискурсивный этап.

Результаты предыдущих шагов соотносятся с когнитивными моделями, лежащими в основе политического дискурса. Исследуется, каким образом идеологические установки определяют выбор лексики и метафорических моделей.

5. Интерпретативный этап.

Фокус внимания смещается на объективацию стратегий в поведении журналиста и реакцию активной аудитории. Изучаются модели аргументативного порицания и шейминга в интернет-комментариях. Данный этап обеспечивает выявление механизмов, через которые конструируется «проступок» оппонента.

6. Финальный этап включает количественный анализ частотности тактик и сопоставление репертуаров различных субъектов. Полученные данные подвергаются синтезу для построения интегрированной модели функционирования стратегий порицания. Модель наглядно связывает все аналитические компоненты и дает возможность сформулировать закономерности речевого поведения в современном политическом дискурсе.

Предложенная нами интегративная модель анализа базируется на *постулате о неразрывной связи лингвистических структур с внешним социальным контекстом*. Следовательно, до перехода к непосредственному лингвопрагматическому анализу эмпирического корпуса в третьем разделе диссертации нам необходимо определить концептуальную базу, которая управляет выбором коммуникативных тактик. В следующем разделе мы рассмотрим ключевые социокультурные детерминанты – от институциональных норм до когнитивных матриц политических лидеров, формирующие уникальное пространство американского политического интервью.

2.5 Социальные и культурные факторы реализации стратегий порицания в интервью Дж. Байдена и Д. Трампа

Реализация стратегий порицания в американском политическом дискурсе имеет глубокие *социальные и культурные корни*, которые, согласно Джорджу Лакоффу [36, с. 45], определяются двумя базовыми моделями морального мышления: «Строгий отец» (*Strict Father*), свойственной дискурсу консерваторов и «Заботливый родитель» - либералов. Данные модели, служащие основой идеологических установок Дж. Байдена и Д. Трампа, обуславливают выбор ценностей и сфер апелляции в политическом интервью.

Под социальными факторами в данном исследовании понимаются объективные характеристики коммуникативной ситуации, влияющие на функционирование стратегии порицания, связанные со структурой общества и институтами. К ним относятся:

– *институциональные роли*: президент, экс-президент, журналист, аудитория и другие участники политического интервью обладают специфическими правами и ограничениями;

– *статусно-ролевая асимметрия участников*: высокий официальный статус интервьюируемых накладывает обязательства на их речевое поведение;

– *профессиональные нормы медиасреды*: например, обязательный *фактчекинг*, т.е. проверка фактов и данных, сообщаемых СМИ или другими источниками [162], является ключевыми элементами журналистской ответственности и подотчётности [163]. Данные нормы поддерживаются в современных медиа специализированными методами и инструментами проверки достоверности информации [164].

Под культурными факторами понимаются ценностные установки, морально-этические нормы и ментальные паттерны, определяющие мировоззрение субъектов, стиль коммуникативной личности политика и ожидания аудитории. К ним относятся:

– *когнитивные модели* «Строгий отец» и «Заботливый родитель», выступающие ментальным фундаментом идеологического размежевания и определяющие вектор порицания;

– *ценностные ориентации*: американские концепты свободы (*freedom*), индивидуальной ответственности, эмпатии, патриотизма и прагматизма;

– *национально-культурные нарративы и стереотипы*: концепция «американской мечты», идея национальной исключительности, историческая память;

– *особенности национального коммуникативного поведения*: установка на прямолинейность, высокий уровень самоподачи и допустимая степень речевой агрессии.

Данное разграничение открывает возможность для анализа того, как политики используют апелляции к социальным институтам для продвижения своих *культурных и идеологических установок*, что проявляется в реализации *стратегий порицания*.

Так, например, фундаментальной для американского общества культурной нормой является представление *о подотчётности (accountability)*, согласно которому высказывания представителей власти не могут приниматься на веру, а должны подвергаться общественной проверке и критике [165, 166]. Подотчётность обуславливает востребованность таких социальных практик, как фактчекинг, подразумевающий активное комментирование со стороны аудитории заявлений политика и выступающий механизмом контроля за достоверностью политических высказываний. Иллюстрацией служит фрагмент из аналитической статьи, комментирующей факт искажения статистических данных Дж. Байденом:

New York Times polling: Biden claimed that “the New York Times had me down 10 points before the debate, nine now, or whatever the hell it is. Biden’s specific numbers were also wrong. He was not “down 10 points before the debate” in Times/Siena polling. In fact, he was down three percentage points with likely voters and six percentage points with registered voters. In the Times/Siena poll after the debate, those margins grew to six percentage points with likely voters and nine percentage points with registered voters. Biden did acknowledge his uncertainty about the data when he said “or whatever the hell it is.” But he was wrong, nonetheless [167].

Комментируя утверждение президента о лидерстве в опросах (*the New York Times had me down 10 points...*), эксперты выявили существенное рассогласование с реальностью. *Biden’s specific numbers were also wrong... // Biden did acknowledge his uncertainty... // But he was wrong, nonetheless.* Приведенный фрагмент демонстрирует трансформацию утверждения об ошибке в акт делегитимации политика. Фраза *But he was wrong, nonetheless* является в данном контексте *инфлюктивом-осуждением*, подрывающим авторитет президента через апелляцию к культурной норме честности и точности. Подобный речевой ход переводит обсуждение факта в аксиологическую сферу, способствуя дискредитации лидера перед массовой аудиторией.

Данный пример иллюстрирует взаимодействие *социальных и культурных факторов* в пространстве американской политической коммуникации. *Фактчекинг* в данном контексте выступает как институционализируемая практика, которая опирается на ценностную для американского общества установку на скептическое отношение к власти. *Социальный механизм* контроля обеспечивается американским культурным кодом, восходящем к политической традиции «отцов-основателей»: убежденность в необходимости гражданского надзора и приоритет подотчетности делают порицание власти нормативно оправданным действием. Таким образом, *вера в достижимость объективной истины через открытую верификацию фактов становится тем аксиологическим фундаментом, на котором выстраивается стратегия делегитимации некорректных высказываний политических лидеров.*

Рассмотрим первый *социальный фактор*: регламентированность функции журналиста. Как показывает практика американских медиа, интервьюер не может позволить себе прямого выражения собственной позиции, подкрепленного аргументацией, доказывать собственную точку зрения на те или иные политические решения. Поэтому журналист использует *косвенные стратегии*, направленные на провокацию определенных речевых реакций собеседника.

Ключевой фигурой, чье поведение определяется социальным статусом, является *интервьюируемый*, выступающий основным субъектом ответственности за эффективность коммуникации и продвижение своих политических целей. В рамках политического интервью выполнение этой задачи осложнено высоким статусом интервьюируемых: президент является, в

том числе, символом единства государства, что накладывает особый отпечаток на проявления коммуникативной личности политика.

Наконец, третьим элементом коммуникативной структуры интервью выступает *аудитория*, представленная непосредственно присутствующими при проведении интервью, а также массовой аудиторией в лице *интернет-пользователей и читателей печатных изданий*. Реакции присутствующих лиц могут проявляться в случае прямого обращения к ним, что случается редко (например, в интервью Д. Трампа с Л. Штайль 26.10. 2020 г., когда президент покинул студию, прервав интервью). Интернет-пользователи выражают свое мнение преимущественно в комментариях без ограничений какими-либо правилами или цензурой.

Если социальные факторы задают внешнюю институциональную рамку коммуникации, то *культурные факторы* определяют ее внутреннее, аксиологическое содержание. *Национальные ценности, этические нормы и паттерны воспитания* становятся основой для формирования идиостиля субъекта. *Коммуникативная личность* политика является носителем культурного кода, который преломляется в индивидуальных качествах: харизматичность, темперамент, речевой опыт. Следовательно, выбор стратегий порицания в интервью оказывается производным от взаимодействия двух уровней: общекультурных стандартов нации и их персональной интерпретации в речевом поведении конкретного лидера.

В рамках американской лингвокультуры *национальные ценностные доминанты* транслируются через институты семейного воспитания и укоренившиеся обычаи [53, с. 10, 168]. Обусловленное ими *коммуникативное поведение* политических лидеров приобретает особую прагматическую силу благодаря харизме и специфике идиостиля. Харизматичность субъекта интенсифицирует речевое воздействие, позволяя наиболее полно воплотить личный опыт и ценностные установки в стратегиях порицания. Это обеспечивает высокую узнаваемость позиции лидера и максимальный персуазивный эффект у электората.

Взаимодействие социальных и культурных факторов проявляется при сопоставлении *коммуникативных личностей* Д. Трампа и Дж. Байдена, биографии и идеологические установки которых воплощают разные *культурные модели* американского социума. Биографии обоих политиков имеют ряд существенных сходств. Оба являются потомками *европейских мигрантов*: немецкие корни у Д. Трампа, ирландские – у Байдена. Предки обоих лидеров перебрались в США в поисках лучшей жизни и достигли финансового успеха по традиционной модели «американской мечты», обеспечили престижное образование потомкам [169]. Ключевое различие заключается в *религиозно-культурном воспитании*. Дж. Байден происходит из семьи ирландских католиков, что предполагает ориентацию на ценности общины, традиции и сострадание [170]. Д. Трамп, в свою очередь, относится к свободным евангелистам, деятельность которых, как отмечает Р. Н. Лункин, отличается высокой социальной активностью и способствует реализации экономических и

культурных инициатив, часто с упором на индивидуальную ответственность и моральный консерватизм [171].

Профессиональные траектории и социальный опыт политиков также диаметрально противоположны. Дж. Байден воплощает тип карьерного политика, который в возрасте 30 лет становится сенатором [172]. Коммуникативная личность политика обусловлена десятилетиями работы в рамках политического истеблишмента, что предполагает склонность к дипломатичным формулировкам и риторике компромисса. Д. Трамп, напротив, пришел в политику из мира крупного бизнеса и медиа. Коммуникативная личность политика сформирована средой, где ценятся напористость, прямая конфронтация, брендинг и нарушение стереотипов. Экспрессивность идиостиля Д. Трампа является следствием такого жизненного опыта.

В-третьих, политики демонстрируют разный *публичный имидж*, например, через литературную деятельность. Д. Трамп является автором множества книг, преимущественно посвященных бизнесу и достижению успеха, что подчеркивает его прагматизм и образ победителя [173]. Дж. Байден опубликовал только одну достаточно личную книгу «Обещай мне, папа», посвященную памяти умершего сына [174], в которой сочетаются в сентиментальность и практичность. Автор характеризует сына как обладающего «всеми лучшим во мне, но с исправленными ошибками и недостатками» [174, с. 47]. Для коммуникативной личности Дж. Байдена характерно динамичное переключение между эмоциональным и прагматичным регистрами речи. Подобная маневренность препятствует фиксации на одной эмоции и обеспечивает связность повествования в рамках заданной темы. Взаимообусловленность идеологических установок и лексического состава дискурса легла в основу концепции Дж. Лакоффа. Автор выделил и проанализировал специфические корпусы ключевых слов, маркирующих американскую консервативную и либеральную риторику [115, с. 182].

Факты биографии политиков свидетельствуют о *формировании двух различных коммуникативных личностей*. Дж. Байден демонстрирует приоритеты, основанные на культурных ценностях семьи, эмпатии и служения обществу. У Д. Трампа доминируют предпочтения, сформированные социальной практикой конкурентного бизнеса с ключевыми установками на эффективность, силу и личную победу. Данные различия коррелируют с выбором коммуникативных стратегий и тактик порицания в репликах интервью.

Взаимообусловленность идеологических установок и лексического состава дискурса легла в основу концепции Дж. Лакоффа. Автор выделил и проанализировал специфические корпусы ключевых слов, маркирующих американскую консервативную и либеральную риторику [115, с. 182]. Под *ключевыми словами дискурса* ученый подразумевает частотные слова-маркеры, активирующие определенные идеологические установки. Лексеммы напрямую связаны с глубинными концептуальными метафорами и моральными системами, лежащими в основе политического мышления [36, с. 25]. Основной принцип разделения речевых средств на консервативный и либеральный дискурсы, согласно Дж. Лакоффу, заключается в двух фундаментально

различных концептуальных моделях морали и семьи, которые определяют политическое мировоззрение.

Консервативный дискурс базируется на когнитивной модели «Строгий отец» (*Strict Father*), в рамках которой мир концептуализируется как враждебная и высококонкурентная среда. Согласно данной установке, приоритетной задачей государства в роли родителя выступает обеспечение безопасности и воспитание у граждан-детей самодисциплины и автономности. Благополучие в этой системе координат детерминировано личной ответственностью, силой и упорным трудом. Аксиологический фундамент модели предполагает обязательное поощрение добродетели и неотвратимость наказания за проступок. Роль государства сводится к принципу минимального вмешательства; чрезмерная социальная поддержка интерпретируется как фактор формирования патерналистской зависимости, ведущей к деградации индивидуального характера.

Либеральный дискурс: модель «Заботливого родителя» (*Nurturant Parent*) интерпретирует мир как сообщество, где люди процветают, если их поддерживают и о них заботятся. Основной целью родителя является благополучие, справедливость и обеспеченность всех членов семьи. Мораль основана на эмпатии и социальной ответственности. Данная модель подразумевает активное участие (*Social forces*) государства в жизни общества для устранения несправедливости, предоставления социальных гарантий и защиты граждан от угнетения [115, с. 187].

Дж. Лакофф систематизирует лексический инвентарь консервативного дискурса через следующий ряд ключевых слов и фраз: *character, virtue, discipline, tough it out, get tough, tough love, strong, self-reliance, individual responsibility, backbone, standards, authority, heritage, competition, earn, hard work, enterprise, property rights, reward, freedom, intrusion, interference, meddling, punishment, human nature, traditional, common sense, dependency, self-indulgent, elite, quotas, breakdown, corrupt, decay, rot, degenerate, deviant, lifestyle* [117, с. 45];

Лексическую основу либерального дискурса составляют единицы, апеллирующие к ценностям социальной ответственности и гуманитарной поддержки: *social forces, social responsibility, free expression, human rights, equal rights, concern, care, help, health, safety, nutrition, basic human dignity, oppression, diversity, deprivation, alienation, big corporations, corporate welfare, ecology, ecosystem, biodiversity, pollution, and so on* [117, с. 37].

Ориентируясь на основные положения концепции Дж. Лакоффа, был проведен анализ частотности *ключевых слов* консервативного и либерального дискурса в нашем корпусе политических интервью (см. рис. 1). На основе данных о частотном распределении лексики, полученных с помощью инструмента Voyant Tools (VT, <https://voyant-tools.org/>), были верифицированы ключевые слова, соответствующие классификации Дж. Лакоффа (см. прил. В). Количественные показатели лексем (табл. 7) демонстрируют приоритетность конкретных концептуальных областей и их значимость в структуре современного политического дискурса.

Группировка отобранных лексем осуществлялась на основе их словарных значений, зафиксированных в справочнике С. И. Макаренко [175] и материалах БСЭ [176], с опорой на количественные и процентные показатели распределения (табл. 7). Интерпретация сфер знаний детерминирована функциональной ролью слов в политической речи и теоретическими выводами Дж. Лакоффа. Так, например, лексема *ecology* в либеральном дискурсе маркируется как элемент сферы «социология», тогда как *freedom* – в консервативном как базовая этическая установка или сфера «философия». Намеренное ограничение анализа авторским корпусом ключевых слов позволило нивелировать субъективность при отборе синонимов и обеспечить полную сопоставимость результатов частотного анализа с фундаментальной базой первоисточника.

На основе полученных данных было проведено *статистическое ранжирование* выделенных тематических групп [177, с. 22], где ранг группы определялся количественной представленностью входящих в неё лексем. Это позволило объективно сопоставить *приоритетность различных областей знаний для консервативной и либеральной моделей* (см. табл. 7):

Таблица 7 – Распределение идеологически маркированной лексики по сферам знаний в консервативном и либеральном дискурсах (на материале транскриптов политических интервью Дж. Байдена и Д. Трампа)

Область знаний	Консервативный дискурс (на материале интервью Д. Трампа), %	Ранг	Либеральный дискурс (на материале интервью Дж. Байдена), %	Ранг
ФИЛОСОФИЯ (аксиология, логика, этика)	47,4	5	23,4	3
ПОЛИТОЛОГИЯ (идеология)	18,5	4	5,9	1
ПРАВО	13,1	3	11,9	2
СОЦИОЛОГИЯ	10,6	2	35,2	5
ЭКОНОМИКА	10,4	1	23,6	4
	100		100	

Примечание: Авторская разработка по: Дж. Лакоффу (2016).

Интерпретация данных таблицы 7 позволяет сделать следующие обобщения:

– доминирование в консервативном дискурсе Д. Трампа лексем из сфер знаний «философия» (47,4%, ранг 5) и «политология» свидетельствует об акцентировании этико-идеологических основ власти, что прямо коррелирует с моделью «Строгого отца». Приоритетными являются вопросы морального порядка, авторитета и индивидуальной ответственности. Приципание носит категориальный характер: оппонент осуждается за нарушение базовых

«жизненных принципов», слабость характера или отступление от традиционных ценностей;

– *либеральный дискурс* Дж. Байдена характеризуется преобладанием лексики, семантика которой отсылает к сферам «социология» (35,2%, ранг 5) и «экономика». Такой лексикон подтверждает приверженность модели «Заботливого родителя», где фокус смещен на социальное благополучие, коллективную ответственность и институты поддержки. В данном случае порицание чаще направлено на социальную несправедливость, отсутствие эмпатии или неэффективность программ помощи гражданам-членам «семьи»;

– статистически значимый разрыв в категории «философия» (почти двукратное превосходство у консерваторов) указывает на более высокую степень идеологизированности и аксиологической направленности речи Д. Трампа. Дискурс либералов, напротив, выглядит более прагматичным и функциональным, ориентированным на решение конкретных общественных задач в областях здравоохранения, экологии, прав отдельных групп, что проявляется в высоком удельном весе социологической лексики.

Результаты, изложенные выше и представленные в таблице, отражают *макроуровень* идеологических установок. Далее мы проследим, как социальные и культурные факторы проявляются на микроуровне, а именно в речевой практике политиков в ходе реализации стратегий порицания на примерах транскриптов интервью Дж. Байдена и Д. Трампа.

Анализ коммуникативного поведения Дж. Байдена основан на корпусе из полноформатных интервью, данных в период с 2020 по 2025 гг. (полный список см. в Приложении В). В проанализированном материале прослеживается востребованность лексики социологической и экономической тематики в развертывании стратегий порицания. Данная особенность отражает специфику либерального дискурса, воплощающего когнитивную модель «Заботливого родителя». Для иллюстрации проанализируем фрагмент интервью телеканалу CBS, в котором интенция порицания осуществляется с привлечением сферы знаний о здоровье за счет значения лексемы *health*:

Norah O'Donnell: What do you think is the biggest domestic issue America faces?

Joe Biden: Right now, the biggest domestic issue is our health. Right now, COVID. COVID, the way he's handling COVID is just absolutely totally irresponsible. He's telling people that we've turned the bend, in one of his recent rallies. Well, he's gone-- as my grandpop would say, he's gone 'round the bend. I mean, we are in real trouble (CBS News, от 25.10.2020).

Порицание направлено на Д. Трампа и реализуется в форме эксплицитного инфлюктив-осуждения: *the way he's handling COVID is just absolutely totally irresponsible*. Использование прилагательного *irresponsible*, усиленного двойным интенсификатором *absolutely, totally*, подчеркивает нарушение базовой нормы либеральной модели – обязанности государства-«родителя» обеспечивать безопасность и защиту граждан. В данном контексте Дж. Байден применяет *тактику солидарности* с помощью словосочетания с инклюзивным местоимением *our health*. Подобный речевой ход акцентирует

ценность коллективной ответственности, противопоставляя ее консервативной установке на индивидуализм.

Дальнейшая стратегия дискредитации оппонента актуализируется путем трансформации фразеологизма: противопоставляя утверждение Д. Трампа (*turned the bend*) собственной оценке (*gone 'round the bend*), политик представляет действия противника как иррациональные. Одновременно Дж. Байден использует тактику апелляции к культурному фактору, заявляя о ценности семейного авторитета и преемственности мудрости: *as my grandpop would say*. Указанная тактика служит инструментом дополнительной легитимации осуждения, наделяя позицию лидера статусом «народной правды» и здравого смысла в противовес безответственности оппонента. Реплика характеризуется нарастанием интонационного напряжения. Повтор лексемы COVID и использование двойного интенсификатора *absolutely, totally* создают эффект ритмического усиления. В звучащей речи подобные конструкции, как правило, сопровождаются повышением тона и замедлением темпа на финальном оценочном предикате *irresponsible*, что переводит высказывание из плоскости нейтральной констатации в форму аксиологического вердикта. Просодия усиливает инфлуктив порицания, придавая ему характер публичного морального осуждения.

Специфика порицания, свойственная *либеральному дискурсу*, проявляется в следующем примере из интервью Дж. Байдена Дж. Стефанополусу. Функция лексемы *care* в осуществлении порицания раскрывается через *механизм инференции*: для декодирования имплицитного осуждения аудитория должна соотнести значение лексемы с фоновыми знаниями о деятельности объекта порицания, т. е. реальным политическим контекстом.

STEPHANOPOULOS: They care about their beliefs more?

Joe Biden: Well, they do. But they also care about whether they have food to eat, whether they have an income that they can provide for their f-- that they can make any money and run an economy. They care about whether or not they can hold together the society that they in fact say they care so much about (ABC News, от 19.08.2021).

В ответах Дж. Байдена о внешнеполитических отношениях с движением «Талибан» лексема *care* вновь указывает на этический фокус либерального дискурса. Однако в примере данный аксиологический маркер используется в рамках *тактики иронии*. Интенция порицания объективируется с помощью значения глагольной конструкции *care about whether*, которая в либеральном дискурсе обычно маркирует социальную ответственность государства перед гражданами: наличие пищи, дохода, стабильности. Указывая на деятельность оппонентов, политик употребляет лексему *care* в значении, прямо противоположном денотату. *Эффект иронии* возникает за счет диссонанса между значением слова *care* и фоновыми знаниями аудитории о реальной политике талибов. Через *имплицитное порицание* Дж. Байден с одной стороны указывает на низкий уровень профессиональной компетентности новой власти Афганистана, с другой – осуществляет легитимацию американских ценностей. Порицание «другого» здесь выступает инструментом утверждения

превосходства либеральной модели государственного устройства, основанной на приоритете благополучия общества.

Следующий пример из того же интервью иллюстрирует роль национально-культурных установок и семейного авторитета как аксиологического основания реализации порицания, обусловленное культурными факторами:

STEPHANOPOULOS: And th-- that tells you that you're-- it's safe to leave?

Joe Biden: No. That tells me that-- my dad used to have an expression, George. If everything's equally important to you, nothing's important to you. We should be focusing on where the threat is the greatest. And the threat-- the idea-- we can continue to spend \$1 trillion and have tens of thousands of American forces in Afghanistan when we have what's going on around the world, in the Middle East and North Africa and west-- I mean, excuse me-- yeah, North Africa and Western Africa. The idea we can do that and ignore those-- those looming problems, growing problems, is not-- not rational (ABC News, от 19.08.2021).

Пример манифестирует стратегию уклонения с использованием тактики оправдания через смещение фокуса. Вместо прямого ответа на провокационный вопрос о безопасности решения вывода войск (*it's safe to leave?*), политик переводит обсуждение из военно-стратегической плоскости в область рационального выбора и житейской логики. С помощью афористичного высказывания с опорой на авторитет (*my dad used to have an expression...*) осуществляется тактика апелляции к традиционным ценностям. Подобный прием служит инструментом самолегитимации: сложное государственное решение приписывается житейскому правилу (*если всё важно – ничего не важно*), Дж. Байден придает своим действиям статус моральной необходимости. Упоминание об отце позволяет политику занять позицию «мудрого родителя», принимающего ответственное решение в интересах нации-«семьи». Интенция порицания в данном контексте направлена на многолетнюю политику США в Афганистане. Использование квантификаторов *\$1 trillion, tens of thousands of forces* в сочетании с оценочными прилагательными негативной семантики *looming problems, growing problems* формирует образ иррационального прошлого. В конце реплики инфлюктив-осуждение *is not rational* лишает легитимности позицию сторонников продолжения военной кампании. Характеризуя прежний политический курс как ошибочный, Дж. Байден предвосхищает общественное недовольство, маскируя политический маневр под акт стратегической и моральной честности.

Персуазивный эффект порицания в политическом интервью во многом зависит от выбора субъекта-авторитета, чье мнение воспринимается аудиторией как объективное и независимое от позиции сторон [178, с. 60]. Если в предыдущем примере Дж. Байден опирался на традиционный авторитет семьи, то в следующем фрагменте тактика постулирования авторитетного мнения используется обоими участниками диалога для решения противоположных задач: журналистом – для верификации обвинения, а политиком – для нейтрализации.

STEPHANOPOULOS: I-- I think a lot of-- a lot of Americans, and a l-- even a lot of veterans who served in Afghanistan agree with you on the big, strategic picture. They believe we had to get out. But I wonder how you respond to an Army Special Forces officer, Javier McKay (PH). He did seven tours. He was shot twice. He agrees with you. He says, "We have to cut our losses in Afghanistan." But he adds, "I just wish we could've left with honor"

Joe Biden: Look, that's like askin' my deceased son Beau, who spent six months in Kosovo and a year in Iraq as a Navy captain and then major-- I mean, as an Army major. And, you know, I'm sure h-- he had regrets comin' out of Afganistan-- I mean, out of Iraq (ABC News, от 19.08.2021).

В рассматриваемом фрагменте институциональная роль журналиста как «голоса общественности» и ценность воинской чести и семейного самопожертвования вступают в острое противоречие. Дж. Стефанопулос применяет стратегию порицания с *тактикой постулирования авторитетного мнения*, осуществляя референцию к фигуре офицера Х. Маккея. Цитирование «третьей стороны» *I just wish we could've left with honor* позволяет журналисту осуществить инфлуктив. Маркером порицания здесь выступает аксиологически нагруженная лексема *honor*, которая маркирует абсолютную ценность в американской лингвокультуре. Через противопоставление действий власти и ожиданий военного сообщества, реплика журналиста направлена на этическую делегитимацию решения президента. Ответ Дж. Байдена строится на *тактике эмоциональной нейтрализации порицания*. Политический лидер смещает фокус со сферы социальной ответственности, указывая на решение президента, на культурную, конструируя сакральный образ семьи и героя-патриота. Использование лексем *forces* здесь замещается упоминанием сына – Бо Байдена. Апелляция к покойному сыну-ветерану выступает как инструмент нейтрализации. Политический лидер активизирует инфлуктив *I'm sure he had regrets*, чтобы солидаризироваться с критиками, не признавая ответственности. Лингвистические маркеры неопределенности *it's like askin, I'm sure* и вводно-модальные компоненты *you know, I mean* служат инструментом смягчения. Вместо рациональных аргументов Дж. Байден подменяет политическую ответственность личной скорбью, что делает дальнейшую критику со стороны журналиста этически невозможной.

Анализ речевого поведения Дж. Байдена устанавливает корреляцию с когнитивной моделью «Заботливого родителя». Политик выстраивает свои аксиологические приоритеты, опираясь на *ценности эмпатии, семьи и коллективной ответственности*. Проанализированный материал демонстрирует следующую специфику реализации порицания: столкнувшись с необходимостью оправдания сложных государственных решений, например, вывода войск из Афганистана, Дж. Байден переводит обсуждение из институциональной плоскости в область культурных факторов. Апелляция к личной чести, семейной памяти и фигуре сына-ветерана выступает прагматическим ресурсом. В отличие от агрессивных тактик, порицание направлено не на личность оппонента, а на политическую трагедию, которая преподносится как неизбежная, что дает возможность политику использовать

тактику оправдания, основанную на авторитете личного опыта, и тем самым нейтрализовать критику со стороны СМИ.

Анализ речевого поведения Дж. Байдена подтверждает, что стратегии порицания в либеральном дискурсе последовательно опираются на *лексику социологической и этической сфер*. Аргументация политика апеллирует к образу «сострадающего лидера» и позволяет легитимизировать политический курс через эмоциональную солидаризацию с аудиторией. В отличие от Дж. Байдена, коммуникативное поведение Д. Трампа демонстрирует опору на иные социальные и культурные основания.

Результаты частотного анализа лексем-маркеров, выделенных Дж. Лакоффом, позволяют эксплицировать специфику идиостиля Д. Трампа. В исследованном корпусе интервью доминирующей единицей консервативного дискурса выступает лексема *work* (в различных грамматических формах зафиксировано более 200 употреблений). В отличие от классической консервативной трактовки, где *hard work* – это добродетель, в репликах Д. Трампа данное слово обретает дополнительные семантические компоненты «быть эффективным», «давать результат», «функционировать». Подобные акценты связаны с реализацией стратегий порицания. Лексема *work* становится инструментом утверждения легитимности. Действия оппонентов осуждаются через выражение *it doesn't work*. В обсуждение вводится содержание о «некомпетентности противника». Через *апелляцию к результативности* Трамп реализует модель «Строгого отца», требующего от чиновников-«детей» прежде всего измеримого успеха и дисциплины.

Частота использования лексем из списка ключевых слов консервативного и либерального дискурса Дж. Лакоффа в политических интервью Д. Трампа демонстрирует специфику речевого поведения Д. Трампа. Лексема *work* зафиксирована в корпусе 188 раз (включая 173 глагольные формы и 15 существительных), из которых в функции порицания использована в 66 контекстах.

Одним из повторяющихся приемов в интервью Д. Трампа, является *тактика сдвига темы* в рамках *стратегии уклонения*. В качестве иллюстрации рассмотрим фрагмент интервью политика с Кристен Уэлкер в программе «Встреча с прессой»:

Kristen Welker: Well, I mean there are two aspects to this. Your Border Czar Tom Homan said they can be deported together.

Donald Trump: Correct.

Kristen Welker: Is that the plan?

Donald Trump: Well, that way you keep the — well, I don't want to be breaking up families, so the only way you don't break up the family is you keep them together and you have to send them all back.

Kristen Welker: Even kids who are here legally?

Donald Trump: Well, what you've got to do if they want to stay with their father — look, we have to have rules and regulations. You can always find something out like, you know, «This doesn't work. That doesn't work» (NBC News, 08.12.2024).

К. Уэлкер использует *тактику провокации*, апеллируя к ценностям семьи, что коррелирует с моделью «Заботливый родитель». Вопрос *Even kids who are here legally?* по своей иллокутивной силе является инфлуктивом. Журналист озвучивает негативное суждение, имплицитно упрекая Трампа в нарушении гуманистических норм. Наречие-интенсификатор *even* маркирует крайнюю степень нарушения нормы, превращая вопрос в инструмент порицания политики депортации как «бессердечной». Д. Трамп нейтрализует атаку, переводя беседу из морально-этической сферы в юридическо-прагматическую. Использование модальных конструкций необходимости *got to do, have to have*, ссылка на *rules and regulations* представляют решения власти не как личный выбор, а как неизбежность. Порицание в реплике политика осуществляется фразами *This doesn't work. That doesn't work*. С точки зрения просодии данные высказывания формируют характерный для идиостиля Д. Трампа рубленный ритм. Краткие параллельные конструкции *This doesn't work. That doesn't work* произносятся с сильным логическим ударением на глаголе *work* и сопровождаются паузацией между фразами. Такая интонационная организация создает эффект категоричности и безапелляционности, превращая констатацию неэффективности в инфлуктив-вердикт. С помощью инфлуктива, облеченного в форму констатива о неэффективности, Д. Трамп осуждает предшествующую либеральную политику. Глагол *to work* в отрицательной форме приобретает семантический компонент «быть порочным / неправильным». *Параллелизм и эллипсис* этих фраз создают эффект категоричности и безапелляционности, характерный для модели «Строгого отца». Порицание направлено на абстрактный объект. Политик уклоняется от прямой дискуссии о судьбах детей и перехватывает инициативу, утверждая приоритет порядка над эмпатией. Приведенный пример соответствует *философско-идеологическому ядру консервативного дискурса*, которое было выделено в таблице 7.

В корпусе выбранных транскриптов Д. Трампа достаточно частотна лексема *social*. Так, в интервью группе сотрудников информационного портала TIME отмечено 15 примеров. При этом данная лексема применяется чаще всего в сочетаниях, обозначающих выполнение государственных функций посредством деятельности соответствующих организаций, например, *Social Security*. В том же интервью К. Уэлкер интерес представляет следующий фрагмент:

Kristen Welker: : So would you veto a bill if it had cuts to Medicaid?

Donald Trump: If it was an increase, if we were deducting something from—I would, but it's waste, it's fraud and abuse is what we're looking for. And nobody minds that.

Kristen Welker: If Republicans send you a bill that cuts Social Security, Medicare and Medicaid, you commit to vetoing it?

Donald Trump: If it cuts it, I would not approve.

Kristen Welker: So you would veto that?

Donald Trump: I would veto it, yeah. But they're not going to do that (NBC News, от 08.12.2024).

Используя сослагательное наклонение (*would you... if it had...*) журналист конструирует гипотетический выбор, ставя политика в ситуацию принятия обязательств в прямом эфире. Значение лексемы *veto* активизирует сферы знаний «власть» и «личная ответственность». Словосочетание *cuts to Medicaid* отсылает к модели «Заботливого родителя», тем самым значение существительного *cuts* приобретает в данном контексте негативной коннотации о «вреде» социально уязвимым слоям. Вопрос начинается с частицы *So*, который создает иллюзию логического вывода из предыдущих слов политика. Реакцией Д. Трампа стало применение *стратегии уклонения*. Политик не произносит словосочетание *Social Security*, используя *If it cuts it, they're not going to do that*. Д. Трамп заменяет лексему *cuts*, предложенную журналистом, на *waste, fraud and abuse*, значения которых обладают сильной негативной коннотацией, и переводит обсуждение «урезания помощи бедным» в контекст «борьбы с преступностью и неэффективностью». Данный речевой ход позволяет политику не оправдываться за сокращение бюджета, а презентовать факты как действия по улучшению государственной системы. Ответ Д. Трампа реализует инфлуктив, направляя порицание на существующую систему социального обеспечения: *it's waste, it's fraud and abuse*. Позиционируя себя как «защитника бюджета» от «мошенников», политик превращает потенциальный акт порицания в свой адрес в инструмент укрепления собственного имиджа справедливого, но строгого руководителя.

В ситуации, когда невозможно навязать определенный ракурс «видения» ситуации, Д. Трамп выбирает *стратегию уклонения*. Рассмотрим пример с использованием фразы *tough for them* как инструмент объективации интенции порицания в интервью Дж. Трампа с Джо Керненом из программы Squawk Box на канале CNBC в Давосе (CNBC, Давос, 2020):

Joe Kernen: There-- are some that say that the uncertainty for CEOs in dealing with China and making plans for the future may have hurt capital spending. Do you expect it to come back now the we've had a phase one-- agreement? And-- let's talk about phase two, if we get a chance, and--

Donald Trump: Okay, I think the biggest thing about getting the deal with China-- number one, it's a great deal for us. It's an important deal for China, because they were-- you know, their supply chains were breaking. It was-- you know, it's been tough for them (CNBC, от 22.01.2020).

В данном фрагменте выбор стратегий порицания Д. Трампом обусловлен социальным фактором, а именно приоритетом *экономических интересов* государства над гуманитарными рисками во время пандемии. Реакция политика строится на контрастном использовании двух стратегий. В высказывании об отношениях с Китаем манифестируется *стратегия уклонения* и *тактика сдвига темы*. Вместо обсуждения угрозы вируса Д. Трамп переводит фокус на торговое соглашение. Применяется также тактика *минимизации негатива* (*It's one person coming in*), которая призвана погасить заранее волну общественного осуждения. Использование лексемы *tough* в сочетании *tough for them* смещает акцент с вины Китая на «трудности», что продиктовано интересом сохранить выгодную сделку. В адрес ЕС применена стратегия понижения статуса:

Joe Kernen: That could start soon?

Donald Trump: Oh yeah. We're starting. We've already started negotiating. And frankly, we're starting with Europe too. Europe is-- to be honest with you, Europe has been very, very tough to deal with. They've taken advantage of our country, the European Union, for many, many years (CNBC, от 22.01.2020).

Диаметрально противоположный подход Д. Трамп демонстрирует в отношении стран Европы. Функционирует стратегия понижения статуса, высказывание с лексемой *tough* приобретает агрессивную тональность (*Europe has been very, very tough to deal with*). Тактика «анализ-минус» репрезентируется в характеристике переговоров с ЕС как заведомо конфликтных. Тактика обличения осуществляется с помощью прямого указания на корыстные интересы союзников (*taken advantage of our country*).

Таким образом, сопоставление реплик доказывает, что порицание в дискурсе Д. Трампа подчинено целесообразности. Если в первом контексте о Китае политик смягчает критику в пользу экономической выгоды, то во втором – о Европе – используется *эксплицитный инфлуктив-обвинение*, указывающий на недопустимое поведение партнера.

В корпусе консервативной лексики, относимой к социологической сфере знаний, особый интерес представляет лексема *freedom*, функционирующая в качестве культурного маркера. По мнению ряда исследователей, данная лексема отражает специфику национального характера и ценностной системы англо-американской культуры. Так, для А. Вежбицкой *freedom* является ключевым культурно-специфичным словом американского английского, репрезентирующим установки на индивидуализм, автономию личности и приоритет личного выбора, что отличает англосаксонскую культурную модель от коллективистских культур [179]. В рамках культурно-социологического подхода Г. Хофстеде соотносит концепт *freedom* с высоким индексом индивидуализма в англо-американских обществах, где свобода интерпретируется прежде всего как независимость индивида от социальных и институциональных ограничений [180].

На просодическом уровне выражение *tough for them* функционирует как интонационный маркер снижения эмоционального напряжения. В звучащей речи подобные конструкции обычно произносятся с понижением тона и ослабленным ударением, что формирует эффект минимизации негативной оценки. Такая интонация, например, позволяет смягчить критику в адрес Китая и представить ситуацию скорее как объективную трудность, чем как повод для открытого обвинения. Эффект усиливается за счет повторения интенсификатора *very, very*, который формирует нарастающий ритмический акцент. В речи повторы сопровождаются повышением громкости и усилением логического ударения на оценочном прилагательном *tough*, что придает высказыванию характер экспрессивного обвинения и усиливает перлокутивный эффект порицания. Рассмотрим пример из интервью Дональда Трампа с Греггом Гутфельдом из Fox News:

Donald Trump: So I would recommend, but I also say that, let her have her freedom. [inaudible] freedom, right?

Greg Gutfeld: Yeah, exactly.

Donald Trump: She needs freedom.

Greg Gutfeld: She needs a lot of freedom from me, I found.

Donald Trump: I probably have to agree with that (Fox News, 09.09.2021).

В интервью речь идет об отношении президента к специфике его деятельности в качестве главы государства. Однако, по сложившейся традиции, в начале беседы в качестве «разогревающего вопроса» журналистом была затронута проблема отношения к вакцинации:

Greg Gutfeld: All right. Why should I say a thing? Let's just get to round two. I want to ask you a question about COVID because you had COVID and my wife, you met my wife, I don't know, it was like six years ago in Mar-a-Lago. She's still not gotten vaccinated. And I keep talking to her to get her to get vaccinated and if she hasn't, what would you say to her?

Donald Trump: Well, she's Russian.

Greg Gutfeld: Yes.

Donald Trump: That's the end of that.

Greg Gutfeld: Exactly. You can't argue with a Russian (Fox News, 09.09.2021)

В данном фрагменте лексема *freedom* приобретает дополнительный семантический компонент «иррациональное упрямство». Порицание объективируется имплицитно *Well, she's Russian. That's the end of that*. Высказывание блокирует дальнейшую аргументацию. Значение лексемы *Russian* становится способом объяснить отказ от вакцинации и, одновременно, выразить неодобрение, не вступая в конфликт с собеседником.

Тактика иронии осуществляется следующим образом. Лексема *freedom* в данном контексте становится эвфемизмом, обозначающим неразумное поведение. Инфлуктив *let her have her freedom* подчеркивает бессмысленность спора с тем, кто не разделяет американские стандарты рациональности. Используя иронию, Д. Трамп осуществляет порицание иного образа мышления, апеллируя к идее об американской исключительности. Ироническая фраза в начале беседы выполняет функцию установления доверительного контакта с журналистом, придает интервью непосредственный, дружеский характер, что и обусловило продуктивность дальнейшего обмена мнениями.

Проанализированные примеры демонстрируют, что стратегии порицания Д. Трампа и Дж. Байдена строятся на различных социокультурных основаниях. Однако в репликах обоих политиков прослеживается приоритет *философских и идеологических категорий* над социологическими, что было выявлено на первом этапе нашего анализа. Далее представлен сравнительный анализ ключевых социокультурных факторов в репликах интервью Д. Трампа и Дж. Байдена (см. табл. 8).

Таблица 8 – Сопоставительная таблица репрезентации СКФ в дискурсе интервью Дж. Байдена и Д. Трампа

Фактор	Репрезентация в дискурсе Дж. Байдена	Репрезентация в дискурсе Д. Трампа
Социальные факторы	Апелляция к институтам семьи и армии (через сына). Фокус на социальных программах (здравоохранение) и их влиянии на общество.	Апелляция к институтам государства и закона как к механизмам принуждения. Фокус на эффективности государственных институтов (пограничный контроль).
Культурные факторы	Опора на культурные ценности эмпатии, заботы, семейной мудрости, исторической памяти. Репрезентация либеральной культурной модели («Заботливый Родитель»).	Опора на культурные ценности прагматизма, эффективности, силы, индивидуальной ответственности. Репрезентация консервативной культурной модели («Строгий Отец»).

Различия в речевых стратегиях являются отражением двух глубинных, конкурирующих культурных моделей, которые, по концепции Дж. Лакоффа, лежат в основе американского политического мышления. Идиостиль Дж. Байдена соответствует модели «Заботливого Родителя», основанной на эмпатии, защите и социальной ответственности. Идиостиль Д. Трампа, в свою очередь, является воплощением модели «Строгого Отца», для которой ключевыми являются дисциплина, индивидуальная ответственность, сила и следование правилам. Резюмируя отметим, что анализ стратегий порицания в политическом интервью становится ключом к пониманию фундаментального ценностного раскола в современном американском обществе, вербальным выражением которого и служат дискурсы двух антагонистов.

Выводы по второму разделу

Во второй главе проведено теоретико-методологическое обоснование анализа коммуникативных стратегий порицания в дискурсе американского политического интервью. Полученные результаты позволяют сформулировать следующие обобщения.

В политической коммуникации порицание функционирует как целенаправленная делегитимация, объединяющая ментальное моделирование ситуации и выбор конкретных стратегий и тактик. На основе критериев эксплицитности и доминирующего фокуса делегитимации выделены две базовые группы стратегий порицания, реализующие полярные векторы.

Прямые стратегии – обвинения и понижения статуса – формируют юридическо-фактологический вектор. Их цель заключается в установлении вины и приписывании ответственности оппоненту за негативные последствия действий и решений. Данный вектор опирается на апелляцию к закону, нормативам, профессиональной компетентности и реализуется через эксплицитные, высококонфликтные тактики прямого обвинения, обличения, оскорбления, трансформируя политический диалог в публичный вердикт.

Косвенные стратегии – осуждения и дискредитации – формируют морально-этический вектор с иллюкутивной задачей, направленной на деконструкцию публичного имиджа оппонента через демонстрацию ценностного несоответствия. Данный вектор опирается на апелляцию к

базовым общественным ценностям, моральным ожиданиям аудитории и объективируется посредством имплицитных тактик упрека, иронии, намека, позволяя осуществлять делегитимацию противника без прямого обвинения в нарушении институциональных норм.

Выбор между данными векторами и реализующим их комплексом тактик детерминирован когнитивной моделью, на которую ориентирована коммуникативная личность политика.

Ключевым элементом реализации выделенных тактик выступает инфлуктив, под которым понимается экспрессивный речевой акт, выполняющий функцию вербальной санкции. Инфлуктив образуется через механизм функциональной транспозиции, при котором формально нейтральные констативы, или утверждения о фактах, приобретают иллокутивную силу порицания, становясь инструментом воздействия на аудиторию.

В условиях агонального диалога стратегии порицания взаимодействуют с другими коммуникативными стратегиями – самопрезентации и уклонения, которые усиливают негативную оценку оппонента за счет создания аксиологического контраста *свой - чужой*.

На данном этапе работы предложена шестиэтапная авторская методика, синтезирующая принципы критического дискурс-анализа, прагмалингвистики и когнитивного моделирования. Опираясь на трехсубъектную структуру коммуникации, алгоритм позволяет проследить путь репликации и трансформации инфлуктивов порицания: от первичного акта в студии до вторичного (реактивного) дискурса в интернет-комментариях. Интеграция методов компьютерно-опосредованного анализа, в частности платформы Voyant Tools, является необходимым условием получения объективных данных о частотности тактик порицания и типичности речевых маркеров его стратегий.

Когнитивные модели «Строгого отца» и «Заботливого родителя» определяют стратегии и тактики порицания в коммуникативной ситуации политического интервью. Модель «Строгого отца» обуславливает выбор стратегий, основанных на прагматике силы и индивидуальной ответственности. Порицание реализуется через подмену этических категорий критериями «эффективности». Модель «Заботливого родителя» лежит в основе активации стратегий, апеллирующих к эмпатии, коллективной ответственности и институту семьи. Порицание строится на демонстрации морального превосходства и заботы о здоровье, обеспечении социальной защиты и единстве нации.

Выявлена корреляция между идеологическим профилем политика и семантикой ключевых слов, используемых для порицания. В либеральном дискурсе Дж. Байдена доминирует лексика социологического и этического спектра, направленная на этическую делегитимацию оппонента как угрозы обществу. В консервативном дискурсе Д. Трампа превалирует лексика философско-прагматического и политологического спектра, используемая для личностной дискредитации оппонента как слабого или неэффективного.

3 ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ И КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СТРАТЕГИЙ ПОРИЦАНИЯ

3.1 Доминантные стратегии и тактики в речевом поведении Дж. Байдена и Д. Трампа

Результаты проведенного ранее исследования позволяют констатировать детерминированность речевого поведения политических лидеров их *базовыми когнитивными моделями*. В данном разделе сопоставительный анализ речевого поведения Дж. Байдена и Д. Трампа осуществляется на основе разработанной *интегративной модели* (см. рис. 3), объединяющей уровни *социальной и культурной* детерминации, а также *стратегический и лингвопрагматический* аспекты описания.

Выделение трех аспектов анализа позволяет верифицировать предложенную методику и эксплицировать механизмы, посредством которых идеологические установки политических акторов обуславливают речевой инструментарий порицания:

- *социально-культурный* предполагает анализ взаимодействия внешних институциональных рамок (социальный фактор) и внутренних ценностных доминант и когнитивных моделей (культурный фактор);

- *тактико-стратегический* включает интерпретацию макростратегий порицания и реализующих их тактических ходов;

- *лингвопрагматический* направлен на детализацию языковых средств реализации инфлуктивов в дискурсе политического интервью.

В рамках социокультурного аспекта консервативный и либеральный дискурсы ререпрезентируются через конкурирующие концептуально-метафорические модели «Строгий отец» и «Заботливый родитель» соответственно.

Каждая модель предполагает специфические ограничения в идеологических установках. «Строгий отец» склонен к авторитарности, тогда как «Заботливый родитель» – к чрезмерной опеке. *При этом консервативный дискурс, базирующийся на модели «Строгий отец», опирается на ценности ответственности, в то время как модель «Заботливый родитель» в либеральном дискурсе диктует приоритет эмпатии и социальной защиты.*

Использование коммуникантами комплекса вербальных и невербальных средств речевого воздействия обусловлено *коммуникативной ролью* участников интервью. Коммуникативные роли подразделяются на *стандартные* (коммуникативное поведение субъекта, соответствующее социальной роли и ситуации) и *инициативные* (своеобразные образы, сознательно создаваемые субъектом для достижения определенной цели) [181]. Следует учитывать, что объективация стратегий порицания определяется также *идиостилем* политического лидера, а также *динамикой его институциональной роли*. Речевое поведение политика может изменяться в зависимости от *этапа политической карьеры* – до президентства, в период исполнения президентских полномочий и в постпрезидентский период. Изменение коммуникативного статуса влияет на степень категоричности оценок, выбор стратегий и

допустимый уровень агональности. Таким образом, *индивидуальные особенности дискурсивного поведения и политический бэкграунд лидера выступают важным фактором варьирования стратегий порицания в политическом интервью.*

В зависимости от срока действия инициативной и коммуникативной роли их можно отнести к *кратковременным (ситуативным) или долгосрочным*; длительные сроки способствуют перерождению коммуникативной роли в имидж [181, с. 69]. *Категория имиджа* имеет принципиальное значение для реализации коммуникативного акта в рамках президентского интервью: персуазивный эффект речевого воздействия во многом детерминирован образом лидера, сформированным в общественном сознании в течение длительного периода [181, с. 70]. Так, в *идиостиле Д. Трампа* выделяется следующая совокупность доминантных признаков:

- поддержание тезиса «я – один из вас»;
- агрессивная риторика;
- оскорбление своих политических оппонентов;
- импульсивность политического образа.

Все перечисленные приемы применяются для создания своеобразного, легко узнаваемого образа, что приводит к тому, что негативные высказывания в адрес оппонентов могут быть оскорбительными, но не шокирующими в силу привычности. Модель «Строгий отец» объективируется через семантику доминирования и ценности личного успеха. Взаимодействие политика с медиасредой характеризуется выраженной амбивалентностью: любая реакция прессы используется Д. Трампом как ресурс. В условиях лояльного отношения СМИ политик получает подтверждение своей популярности, в то время как высокий уровень критики становится поводом для обвинения массмедиа в предвзятости, недобросовестности и фальсификации фактов.

Ведущей в идиостиле Д. Трампа выступает *стратегия самопрезентации*, направленная на конструирование аттрактивного имиджа лидера. Еще в ранних публикациях политик заложил фундамент персональной репрезентации, опираясь на ценностную установку *self-made man*. Апелляция к личным финансовым достижениям и статус успешного предпринимателя послужили инструментом легитимации притязаний на власть, что стало ключевым фактором роста электоральной поддержки в период первой президентской кампании.

В отличие от Д. Трампа, имидж Дж. Байдена выстраивается за счет иного набора приоритетов. В качестве доминирующих приемов формирования положительного образа политика мы выделяем *стратегии самопрезентации, прогнозирования и эмоционализации*. Речевое поведение Дж. Байдена не ориентируется на демонстрацию индивидуального превосходства, а формирует представление об *опытном и соперезживающем лидере*, что соответствует когнитивной модели «Заботливого родителя». Н. Данкова выделяет комплекс коммуникативных тактик, направленных на достижение следующих целей:

- *солидаризация с народом и признание ответственности* в рамках стратегии самопрезентации;
- *обещание и моделирование положительного сценария* в структуре стратегии прогнозирования;
- *апелляция к эмоциям и выражение сочувствия* как инструменты стратегии эмоционализации [182, с. 46].

Когнитивная модель «Заботливого родителя» объективируется в идиостиле Дж. Байдена посредством семантики, актуализирующей сферы эмпатии, социальной солидарности и взаимной поддержки. Подобный риторический выбор обусловлен необходимостью конструирования специфического публичного имиджа. Транслируя аксиологические установки *гуманизма, патриотизма, преданности семье и способности к сопереживанию*, политик легитимизирует свою позицию как «морального лидера нации», что позволяет ему выстраивать *стратегию порицания оппонентов на этическом фундаменте*.

Для иллюстрации проанализируем фрагмент интервью Д. Трампа в подкасте The Joe Rogan Experience (25.10.2024), которое получило большой резонанс: в течение 24 часов после выхода видео набрало 24 миллиона просмотров. В рамках *стратегии самопрезентации* политик использует *тактику отождествления (я – один из вас)*, направленную на конструирование имиджа «аутсайдера», противостоящего политическим элитам:

But I wasn't a Washington guy. I was a New York guy. I was a New York builder and I built buildings in New York and I knew that whole world, but I didn't know the Washington world too well. And all of a sudden you're supposed to be appointing top people. (Joe Rogan Experience, 25.10.2024).

В данном высказывании Д. Трамп выстраивает противопоставление: *Washington guy vs New York guy*. Использование лексемы *guy* в неофициальном стиле служит инструментом речевой демократизации, сближающей оратора с аудиторией. Порицание здесь носит имплицитный характер и направлено на политический истеблишмент (*the Washington world*). Позиционируя себя как строителя (*New York builder*), политик вводит в контекст содержание о ценности созидательного труда, противопоставляя его бюрократии и миру элит. Через *самопрезентацию* в роли простого профессионала политик осуществляет делегитимацию всей вашингтонской системы, представляя ее как чуждую и непонятную для рядового американца.

Подобная интерпретация ценности «равенства возможностей» служит мощным инструментом подтверждения его *имиджа лидера*, вышедшего из народа. Однако наряду с *тактикой солидаризации* в идиостиле политика доминирует коммуникативная агрессия, зачастую принимающая формы речевой импульсивности. Данная специфика прослеживается в речевых актах порицания конкретных лиц, не оправдавших доверия «Строгого отца». Так, в ходе обсуждения деятельности экс-директора ФБР Дж. Коми в контексте расследований 2016 года, Д. Трамп переходит к открытой *стратегии дискредитации*, используя предельно резкие инфлективы:

And Comey had it, because when Comey got up, and he stupidly, because he's a stupid guy too... He's a stupid son of a bitch. Joe, he got up, and instead of saying she's innocent of all charges, he went over each charge, and each charge was a killer. And he'd go, "And as far as her doing this, she's innocent. And this..." And then he said, "Only an unfair prosecutor would go..." But every time you heard these charges, they sounded so bad. They were bad. And all it was is he wanted more airtime. If you would've gone up and said, "I've thoroughly investigated Hillary Clinton, and she's done nothing that we feel is wrong," it would've ended. Instead, he wanted to be up there because he's a PR hound. He's a hog. (The John Campbell Show, от 5.08.2021).

В примере президент демонстрирует позицию, соотносимую с моделью «Строгий отец», требуя ответственного поведения от представителя собственного института власти. Политический лидер вместо профессиональной критики выстраивает акт порицания, схожий с публичной экзекуцией подчиненного, не оправдавшего доверия. Лингвистический инструментарий Д. Трампа строится на сочетании прямых инфлективов с инвективами *stupid guy, stupid son of a bitch, PR hound*, которые направлены на делегитимацию Дж. Коми. Зооморфная метафора *hog* лишает объект порицания не только профессионального, но и человеческого статуса, становясь в глазах аудитории воплощением жадности и нечистоплотности. Категоричность оценочной лексики *it was a killer, they were bad* в сочетании с повтором прилагательного *stupid* создает интонационного нагнетания. Лексический повтор выступает текстовым коррелятом просодического усиления, создавая ритмико-интонационную структуру, подчеркивающую категоричность оценки. Примечательно, что обвинение Джеймса Коми в стремлении к саморекламе *PR hound* выступает зеркальной проекцией: Д. Трамп приписывает оппоненту собственные методы – избыточную приверженность самопрезентации, – наделяя их негативными импликациями.

Таким образом, речевая импульсивность и использование сниженной лексики реализуют модель «Строгого отца», карающего за недисциплинированность, формируя также эффект искренности. Подобные речевые приемы воспринимаются сторонниками как свидетельство *прямолинейности и силы лидера*, способного называть вещи своими именами в обход институциональных условностей.

Что касается Дж. Байдена, то его имидж соответствует качественным характеристикам модели «Заботливого родителя», главными ценностями которой являются счастливое детство и безопасность граждан-«детей», ощущение себя частью целого, забота друг о друге. Рассмотрим фрагмент интервью Дж. Байдена корреспондентам журнала *People*, в котором приняла участие миссис Джилл Байден; брак супругов к тому времени длился 43 года. Эффективность данного формата состояла в том, что зрителю представляли семейную пару, которая состарилась вместе, сохранив уважение друг к другу. Высказывания Дж. Байдена апеллируют к эмоциям аудитории, иллюстрируя приверженность политика семейным ценностям:

Everybody says marriage is 50/50. Well, sometimes you have to be 70/30, Thank God that when I'm really down, she steps in, and when she's really down, I'm able to step in. We've been really supportive of one another. (People, от 03.02.2021).

Аналогичную риторику поддерживает Дж. Байден, когда утверждает:

All that we've been through together – the highs, the lows and certainly tragedy and loss –there's that quote that says sometimes you become stronger in the fractured places. That's what we try to achieve.

Синтаксический параллелизм *the highs, the lows...* и ритмическое противопоставление создают текстовую проекцию интонационного баланса, характерного для эмпатической риторики Дж. Байдена. Подобные конструкции выступают графическими коррелятами просодической мягкости и поддерживающего тона. Откровенный разговор о трагедии и уязвимости позволяет Дж. Байдену создать образ человека, способного к сопереживанию, который понимает боль и трудности обычных американцев. Акцентирование темы супружеской поддержки (43-летний брак) является в идиостиле Дж. Байдена инструментами *моральной самолегитимации*. Данная риторика объективирует модель «Заботливого родителя». Сфера знаний о гармоничных семейных отношениях проецируется на сферу институциональных действий: правительство и лично президент будут относиться к гражданам с той же заботой, поддержкой и вниманием к их благополучию, с какой супруги относятся друг к другу. В рамках данной модели порицание оппонентов осуществляется приемом аксиологического контраста. Вместо «Строгого отца», опирающегося на силу и наказание, Дж. Байден конструирует образ лидера, предлагающего «утешение и совместное преодоление». С лингвистической точки зрения, использование подобных инфлективов, направленных на солидаризацию, и тактики привлечения симпатии навязывает аудитории представление о государстве как поддерживающем и сострадающем институте.

Стратегия самопрезентации Дж. Байдена, активирующая знания о *семейных ценностях*, контрастирует с *агональным и импульсивным стилем* Д. Трампа, что обеспечивает Дж. Байдену роль «объединяющего лидера» и наделяет последнего правом на этическое порицание любого речевого поведения, выходящего за рамки норм эмпатии и порядочности.

Применение разработанной нами интегративной модели позволяет сопоставить механизмы объективации социокультурных факторов в идиостиле политических лидеров. В Таблице 9 обобщены ключевые параметры оппозиции консервативной «Строгий отец» и либеральной «Заботливый родитель» матриц. Данное сопоставление эксплицирует взаимосвязь между ценностным фундаментом политика, его коммуникативным имиджем и спецификой реализации стратегий порицания.

Таблица 9 – Сравнительный анализ моделей «Строгий отец» (Д. Трамп) vs. «Заботливый родитель» (Дж. Байден)

Критерий анализа	Модель «Строгий отец» (Д. Трамп)	Модель «Заботливый родитель» (Дж. Байден)
Идеологическая основа	Консервативный дискурс	Либеральный дискурс
Ключевые ценности	Ответственность, достижение успеха, жесткость, личная сила, авторитарность.	Сопереживание (эмпатия), безопасность, забота о ближнем, солидарность, единство.
Коммуникативная роль / Имидж	Импульсивный лидер, «человек, создавший себя сам», аутсайдер, Строгий, требующий отец.	Уравновешенный лидер, человек, переживший трагедии, Заботливый, поддерживающий родитель.
Реализация порицания	Прямое и резкое порицание/оскорбление. Направлено на унижение и дискредитацию оппонента.	Косвенное порицание через демонстрацию поддержки и морального превосходства (например, призыв к патриотизму и заботе о других).
Прагматическая цель	Создание иллюзии прямолинейности, доминирование, укрепление лояльности ядерного электората через конфронтацию.	Создание образа объединяющего лидера, способного к сопереживанию, апелляция к моральным ценностям и утешению.

Модель «Строгий отец» в идиостиле Д. Трампа коррелирует с консервативным дискурсом, подчеркивая ценности *индивидуальной ответственности, жесткости и достижения успеха*, что соответствует паттерну, где сильный лидер требует строгого соблюдения норм. Напротив, модель «Заботливый родитель», свойственная идиостилю Дж. Байдена и либеральному дискурсу, акцентирует *солидарность, эмпатию и заботу о ближнем*, что позиционирует государство как поддерживающий и объединяющий институт. Различия в моделях закрепляются в *долговременном имидже политиков*. Д. Трамп культивирует образ *импульсивного аутсайдера и требующего отца*, чья прямолинейность воспринимается как сила. Дж. Байден, через демонстрацию пережитых трагедий и семейных ценностей, формирует имидж *уравновешенного, поддерживающего родителя*, способного к сопереживанию. Обобщенные данные в таблице 9 подтверждают статус моделей «Строгого отца» и «Заботливого родителя» как базовых интерпретационных матриц, детерминирующих весь спектр речевого поведения политического лидера в американской лингвокультуре. Сопоставительный анализ верифицирует гипотезу о том, что данные модели структурируют политическую коммуникацию на всех уровнях: от *глубинных идеологических установок* до выбора *конкретного тактического инвентаря* и речевых средств. Если в дискурсе Д. Трампа модель «отца» диктует использование инфлективов *силы и санкций*, то в речи Дж. Байдена модель «родитель» предопределяет выбор инфлективов *солидарности и этического наставления*. Таким образом, выявленная оппозиция моделей выступает

объективным аналитическим инструментом, позволяющим прогнозировать характер речевого воздействия субъектов в условиях агонального интервью.

Важно отметить, что в исследованном материале встречались случаи, когда речевое поведение политиков выходило за рамки доминирующей когнитивной модели. Подобные явления интерпретируются нами с опорой на , положение Джорджа Лакоффа о *двуконцептуальности (biconceptualism)* [117, с. 330]. Согласно указанной концепции, политический лидер представляет собой *сложную коммуникативную личность, способную в зависимости от коммуникативной ситуации переключаться между различными ценностными моделями*. Так, в вопросах национальной безопасности Дж. Байден, чья риторика преимущественно соотносится с моделью «Заботливого родителя», может использовать тактики силы и прямого обвинения, характерные для модели «Строгого отца», поскольку институциональная роль президента предполагает выполнение функции «защитника». В свою очередь, Д. Трамп может апеллировать к риторике заботы о рабочих местах, временно переходя к регистру «Заботливого родителя». Подобные отклонения от доминирующей модели обусловлены прагматическими требованиями конкретной коммуникативной ситуации.

Выявленные семантические особенности находят свое статистическое подтверждение при переходе от отдельных слов к уровню коммуникативных тактик

Лингвопрагматический анализ интервью Дж. Байдена и Д. Трампа направлен на выявление специфических речевых средств и экстралингвистических условий, обеспечивающих эффективность инфлюктивов порицания.

Комплекс *лингвопрагматических факторов* охватывает следующие элементы, релевантные для политического интервью:

– *акцентированная эмоциональность*: за счет использования эмотивной лексики уровень конфликтности беседы повышается;

– *семантическая амбивалентность*: использование слов, интерпретация которых зависит от идеологических установок сторон, что провоцирует полемику и несогласие оппонентов;

– *обусловленность экстралингвистическими факторами* (место и время речевого взаимодействия, цели, ожидания коммуникантов, их социальное положение) выбора стратегий и тактик порицания.

Лингвистический инструментарий реализации стратегий порицания в дискурсе политического интервью систематизирован по трем уровням – *лексическому, грамматическому и стилистическому* – и представлен в таблице 10.

Таблица 10 – Лингвистические средства реализации порицания в рамках высказывания

Грамматические	Стилистические	Лексические
1)Высказывания с функцией порицания, представленные вопросительными, восклицательными, повествовательными предложениями, модальными конструкциями, условным и повелительным наклонениями.	1)Сравнение, метафора, обобщение, гипербола, повтор; 2)эксплицитные и имплицитные эмоционально-оценочные, условные высказывания.	Выражены инвективами, модальной оценочной лексикой, интенсификаторами, лексикой с инверсией оценочного значения (ирония, сарказм), импликатурами, эмотивами

Примечание: Авторская разработка по: И. Ю. Русановой (2010).

Частотный анализ нашего корпуса эмпирического материала с использованием инструментария Voyant Tools позволил определить ключевые лексемы, маркирующие идиостили обоих президентов. Результаты автоматизированной обработки данных и выделенные на их основе приоритетные группы слов представлены в таблице 11.

Таблица 11 – Ключевые лексемы в речевом поведении Дж. Байдена, Д. Трампа (на основе материала политических интервью)

Дж. Байден			Д. Трамп		
Nouns	Verbs	Adjectives	Nouns	Verbs	Adjectives
<i>Home</i>	<i>Work</i>	<i>More</i>	<i>Thing</i>	<i>Get</i>	<i>Senior</i>
<i>America</i>	<i>Give</i>	<i>Other</i>	<i>Year</i>	<i>Tell</i>	<i>Different</i>
<i>Community</i>	<i>Thank</i>	<i>Last</i>	<i>Adviser</i>	<i>Give</i>	<i>Right</i>
<i>Idea</i>	<i>Try</i>	<i>Next</i>	<i>Guy</i>	<i>Let</i>	<i>Tough</i>
<i>Organization</i>	<i>Pay</i>	<i>Long</i>	<i>Election</i>	<i>Like</i>	<i>Incredible</i>
<i>Internet</i>	<i>Need</i>	<i>New</i>	<i>Money</i>	<i>Call</i>	<i>Good</i>
<i>Term</i>	<i>Keep</i>	<i>Whole</i>	<i>Case</i>	<i>Want</i>	<i>Great</i>
<i>Fact</i>	<i>Leave</i>	<i>Single</i>	<i>Deal</i>	<i>Come</i>	<i>Big</i>
<i>Community</i>	<i>Call</i>	<i>Major</i>	<i>Dollar</i>	<i>Mean</i>	<i>Other</i>
<i>World</i>	<i>Start</i>	<i>Important</i>	<i>History</i>	<i>See</i>	<i>Many</i>

Для систематизации данных выборка из 20 ключевых единиц была подвергнута ранжированию по критерию частотности и распределена по морфологическим категориям (существительные, глаголы, прилагательные). В данном случае использовалась формула определения средних рангов на основе средней арифметической порядковых номеров совпадающих значений (см. форм. 1) [183]:

$$\bar{X} = \frac{X_1 + X_2 + \dots + X_n}{n} = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n X_i \quad (1);$$

В результате выделены наиболее частотные слова, используемые как Дж. Байденом, так и Д. Трампом в своих интервью (см. табл. 12).

Таблица 12 – Ранги общих ключевых слов в корпусе транскриптов интервью Дж. Байдена и Д. Трампа

Ранг	Nouns	Verbs	Adjectives
1	<i>President</i>	<i>Know</i>	<i>Good</i>
2	<i>People</i>	<i>Think</i>	<i>Great</i>
3	<i>Time</i>	<i>Want</i>	<i>Big</i>
4	<i>Country</i>	<i>Look</i>	<i>Little</i>
5	<i>Question</i>	<i>Make</i>	<i>First</i>
6	<i>World</i>	<i>Come</i>	<i>Able</i>
7	<i>Job</i>	<i>See</i>	<i>Last</i>
8	<i>State</i>	<i>Take</i>	<i>Same</i>
9	<i>Problem</i>	<i>Mean</i>	<i>American</i>
10	<i>American</i>	<i>Happen</i>	<i>High</i>

Значительное совпадение частотных лексем свидетельствует о высокой степени *клишированности* политического дискурса и использовании политиками типовых лексических и синтаксических конструкций, а также стандартных речевых моделей [184, с. 186]. Выявленное сходство лексического репертуара позволяет связать *речевое поведение политиков* с жанровыми характеристиками политического интервью. В данном разделе нашей задачей является выделение *единого коммуникативного инвентаря*, который используется обоими лидерами для последующего анализа специфических тактик порицания, наслаивающихся на стандартную жанровую основу.

Рассмотрим интервью Д. Трампа журналисту Дж. Суону (Axios on HBO, от 03.08.2020), посвященное ситуации с пандемией COVID-19. В условиях критического давления со стороны СМИ *инфлуктивы порицания* используются политиком как средство переопределения ответственности и смещения фокуса обсуждения:

Donald Trump: You can't do that... They are dying, that's true. And you have — it is what it is.

В данном фрагменте *инфлуктивы* реализуются в имплицитной форме и направлены не столько на прямую дискредитацию конкретного оппонента, сколько на нивелирование значимости предъявляемых претензий. Конструкция *you can't do that* выполняет функцию косвенного упрека в адрес журналиста, ограничивая рамки допустимой интерпретации ситуации. Ключевая формула *it is what it is* представляет собой клишированное выражение, позволяющее осуществить дискурсивную редукцию: сложная и социально значимая проблема, а именно высокая смертность, сводится к неизбежному и не подлежащему обсуждению факту. Политику избегает прямой ответственности, трансформируя высказывание из оценочного в констатирующее. Синтаксическая структура характеризуется фрагментарностью и парцелляцией (*They are dying, that's true. And you have — it is what it is*), что создает эффект спонтанности и снижает степень рациональности аргументов. Одновременно подобная организация речи усиливает персуазивный эффект, так как каждая реплика функционирует как самостоятельный коммуникативный ход. Инфлуктивы в данном фрагменте реализуют *стратегию уклонения от ответственности*, совмещенную с элементами *порицания*: адресат

имплицитно представлен как нарушающий границы допустимого, в то время как говорящий позиционирует себя носителей «реалистичного» взгляда на ситуацию.

Таким образом, инфлуктивы порицания в данном интервью функционируют как инструмент перераспределения коммуникативной ответственности при сохранении конфронтационного потенциала, позволяя политику контролировать интерпретацию кризисной ситуации. В отличие от рассмотренного фрагмента, где порицание реализуется имплицитно, в следующем примере наблюдается эксплицитная форма реализации стратегии, характеризующаяся прямым обвинением и агрессивной оценочностью:

DONALD TRUMP: But this conflict shouldn't have broken out, but many wars shouldn't have started, idiotic things were happening, the wrong people were negotiating. Biden was a terrible president in many ways, he shouldn't have let that happen (Fox News, от 16.08.2025).

В приведенном фрагменте интенция порицания объективируется через ряд эксплицитных инфлуктивов-обвинений, встроенных в структуру высказываний с модальностью долженствования. *Wouldn't have broken out, shouldn't have started, shouldn't have let happen*. Политик трансформирует обсуждение из описания того, что *есть* в заявление о том, как *все должно было быть*.

В реплике президента устанавливается оппозиция: *Байден показал себя как плохой президент, Трамп – отличный президент*. Безапелляционная дискредитация лишает оппонента права на профессиональную легитимность. Показательно, что интервьюер поддерживает агональность беседы:

— *If rated on a scale from 1 to 10...*

— *I think the meeting can be rated 10 in the sense that we found a great common language, and it's great when two major powers get along well, especially when it comes to nuclear powers* (Fox News, от 16.08.2025).

Вопрос реализует стратегию самопрезентации. Ответ Д. Трампа строится на максимальном контрасте: оценка в десять баллов завершает конструирование бинарной оппозиции «абсолютный провал Байдена» – «абсолютный успех Трампа». Положительная коннотация значений лексем *great common language, get along well* в сочетании с апелляцией к глобальным угрозам *nuclear powers* осуществляет самолегитимацию. Политик утверждает собственный статус «сильного лидера», способного контролировать ситуацию на высшем уровне, что коррелирует с моделью «Строгого отца».

Анализ второго фрагмента позволяет дополнительно выделить ряд *экстралингвистических факторов*, определяющих эффективность реализации стратегий порицания:

– *статусно-ролевое соответствие участников общения*: выбор Ш. Хэннити в качестве интервьюера не случаен. Идеологическая принадлежность, поддержка республиканцев и личная лояльность интервьюера к президенту формируют кооперативный модус общения. В условиях доброжелательно настроенной коммуникативной среды Д. Трамп получает возможность использовать наиболее агрессивные инфлуктивы порицания в адрес третьих

лиц, не опасаясь встречной критики или провокационных вопросов со стороны журналиста;

– *фоновые знания аудитории*: спецификой данного речевого акта является расчет на активную интерпретацию со стороны массового зрителя. Политический лидер намеренно оставляет часть смыслов невербализованными, опираясь на общие знания со своим электоратом, что активизирует механизм инференции. Аудитория самостоятельно «считывает» имплицитные порицания.

Таким образом, *лингвопрагматический анализ* данного фрагмента демонстрирует взаимообусловленность лингвистических и экстралингвистических факторов. Объективация порицания у Д. Трампа обеспечивается комплексом *агрессивных тактик* обличения, прямого обвинения, инвектива, где ведущим приемом выступает противопоставление «своих» достижений и «чужих» провалов, а также *высокая концентрация эмотивной лексики*. *Инфлуктивы* в репликах политика позволяют интерпретировать события в выгодном ракурсе. Порицание становится инструментом эмоциональной мобилизации электората.

Далее мы рассмотрим функционирование в составе инфлуктивов лексем, входящих в ядро частотного словника обоих президентов (см. табл. 11), чтобы проследить, как общежанровый потенциал лексикона адаптируется под индивидуальные коммуникативные задачи.

Например, использование ЛЕ *country* в значении *страна*, актуализирующего концепт *America / Америка*, эмотивная окраска которого в американской публицистике носит преимущественно положительный характер, который не подлежит оспариванию [185]. Во фрагменте из интервью Джей Шетти, подкаста *On Purpose*, Дж. Байден затрагивает вопросы американского патриотизма. Собеседники рассуждают о том, что в Америке необходимо восстановить приоритет национальных ценностей, единство страны.

Joe Biden: One, to restore the soul of America's sense of decency, just the way we talk to one another. Secondly, to build this country from the middle out and the bottom up. The wealthy still do very well, but everybody has a shot. And thirdly, to unite the country (*On Purpose*, от 31.07.2023).

Многократный лексический повтор (*to build this country, to unite the country*) функционирует инструментом фиксации негативной оценки прошлого. Происходит синергия двух стратегий:

– *стратегии дискредитации*, реализуемой через использование инфинитивных конструкций в составе инфлуктивов (*to restore the soul, to unite*). Призыв «восстановить» или «объединить» имплицитно порицает текущее или прошлое положение дел как аморальное и неприемлемое. Перечисление действий формирует образ «неправильных решений» в прошлом, за которое несет ответственность оппонент;

– *стратегии самопрезентации*, построенной на тактике апелляции к культурной доминанте *Америка - страна равных возможностей*. Фраза *The wealthy still do very well, but everybody has a shot* функционирует как инфлуктив, направленный на формирование доверия аудитории. Политик создает образ «гаранта равных возможностей».

Подобные повторяющиеся инфинитивные конструкции формируют плавный ритм перечисления. В звучащей речи они обычно сопровождаются постепенным усилением логического ударения на ключевых существительных (*country*), что способствует закреплению центрального концепта высказывания. Указанными приемами Дж. Байден решает двойную задачу: проводит *этическую делегитимацию* противника через порицание «утраты порядочности» нации и одновременно *закрепляет собственный имидж* лидера, способного реализовать предлагаемые программы укрепления социально-политических основ страны.

Высокая частотность глагола *know*, занимающего первое место в ранговом словнике обоих президентов, является следствием функционирования в составе устойчивого выражения *you know*. К примеру, в транскрипте интервью Дональда Трампа журналу TIME рассматриваемый глагол встречается 133 раза (TIME, от 30.04.2024). В политическом интервью упомянутый маркер встроен в инфлуктив, направленный на управление интерпретациями аудитории, однако способы реализации данного маркера в репликах политиков существенно различаются.

Donald Trump: A lot of the things that you do and a lot of the equipment that you buy is obsolete when you get hit with something. And as far as medicines, you know, these medicines are very different depending on what strains, depending on what type of flu or virus it may be. (TIME, от 30.04.2024).

В репликах Д. Трампа *you know* используется как *инструмент давления*. Политический лидер выдает спорные утверждения или негативные оценки как нечто «очевидное»: *you know, these medicines are very different*. В примере инфлуктив представляет позицию говорящего как общеизвестную истину, что лишает аудиторию возможности критического осмысления фактов. С точки зрения просодии маркер *you know* сопровождается краткой паузой и понижением ударения и выполняет функцию *интонационного мостика*, что позволяет говорящему выиграть время для формулирования следующего аргумента. Однако в речи Д. Трампа подобная пауза часто служит не хезитацией, а средством удержания внимания аудитории, усиливая персуазивный эффект высказывания.

В репликах Дж. Байдена *you know* выполняет *функцию смягчения* в рамках стратегии уклонения при обсуждении болезненных социальных тем:

You know, when you had a year, two years of the pandemic, kids out of school, the mental health problems in the country are seriously increased, especially among young people (ABC News, от 24.02.2023).

При упоминании о пандемии и психическом здоровье молодежи инфлуктив направлен на установление эмоционального контакта с аудиторией, снижая категоричность высказывания и создавая образ сопереживающего лидера. В интонационном отношении использование *you know* в речи Дж. Байдена маркирует паузы обдумывания. Подобные *маркеры хезитационные* сопровождаются снижением темпа и ослаблением логического ударения, что формирует эффект доверительного размышления и снижает категоричность порицания.

Примером влияния контекста на развитие семантики слова в составе реплики является следующий фрагмент из интервью Дж. Байдена:

Joe Biden: Well, I think what's fair is that the present tax code, the highest tax rate is 35 percent, number one, OK?

Number two, you're in a circumstance where corporate America is not paying their fair share. And I come from the corporate state of the world, Delaware - more corporations in Delaware than every other state in the union combined, OK?

Now, here's the deal, though. You have 55 corporations, for example, in the United States of America, making over \$40 billion, don't pay a cent -- not a single little red cent (CNN, от 21.10. 2021).

Лексема *state*, входящая в ядро частотного словника обоих президентов (см. табл. 11), характеризуется семантической амбивалентностью. В зависимости от контекста ее значение трансформируется из нейтрально-административного в оценочно-политическое. В составе официального наименования страны *the United States of America* данная единица обозначает субъект федерации, единицу административного деления с определенным суверенитетом и внутренним самоуправлением [186, 187]. В словосочетании *the corporate state* в составе реплики политического интервью значение лексемы *state* активизирует сферу знаний о «корпоративном доминировании». Инфлуктив направлен на дискредитацию экономической модели оппонентов. Использование данного оборота в речи Дж. Байдена служит инструментом реализации *стратегии понижения статуса*. Через *тактику обличения* политик порицает представителей крупного бизнеса, опираясь на фоновые знания аудитории о связи республиканской партии с интересами корпоративных элит. Таким образом, Дж. Байден представляет группу электората оппонента как тех, кто уклоняется от социальной ответственности: традиционный электорат республиканцев – обеспеченные американцы, сотрудники крупных корпораций, бизнесмены, противники иммиграции [188]. В результате наблюдается успешная реализация порицания в отношении безличного объекта – сторонников республиканской партии, то есть противников демократической партии Дж. Байдена.

Доминирующая позиция лексемы *president* в частотном словнике отражает как жанровые конвенции интервью и особенности обязательного обращения журналиста к интервьюируемому, так и специфику речевых стратегий участников. В высказываниях Д. Трампа данная единица встраивается в инфлуктивы, позволяющие делегитимизировать оппонента под видом рассуждений об эталонных качествах главы государства. Примеры такого рода частотны для реплик Д. Трампа:

Donald Trump: Because if you have the proper president, you'll be able to handle them very smartly, and everybody will be very satisfied. But if you don't have the proper president, I agree they would be strong enemies. But the enemy from within is a bigger danger to this country than the outside enemy, on the basis of having a president that knows what he's doing. Because if a President is good, solid, the proper person, and you're not gonna have a big problem with China, Russia or

others, but you still have a problem from the sick people inside our country (ABC News, от 30.04.2024).

В репликах Д. Трампа порицание часто облекается в условные конструкции. Параллельные структуры *if you have...* и *if you don't...* способствуют формированию двойственной модели реальности, в которой лексема *president* утрачивает статус нейтрального титула и превращается в ценностный ориентир. Подобный синтаксический параллелизм порождает ритмически симметричную структуру высказывания. В устной речи каждая из условных частей сопровождается сходным интонационным контуром, что усиливает контраст между позитивным и негативным сценарием и делает причинно-следственную модель более убедительной для аудитории. Данные высказывания являются инфлюктивами, с помощью которых аудитории «навязывается» причинно-следственная связь между качествами лидера и безопасностью страны. Значение словосочетания *proper president* вводит контекст идеализированный образ лидера. Используется прием аллюзии через ряд прилагательных с позитивной семантикой: *good, solid, proper*. Д. Трамп проецирует данный эталонный образ на собственную коммуникативную личность. Одновременно, негативный вариант условия *if you don't have...* выступает инструментом порицания и делегитимации оппонента. Некомпетентность действующей власти Дж. Байдена представляется как причина национальных угроз. Многократный лексико-синтаксический повтор в сочетании с противопоставлением служит средством установления данных причинно-следственных связей как единственно логичных, вне зависимости от наличия фактических доказательств.

Сопоставление данного примера с использованием прямого порицания *Biden was a terrible president in many ways, he shouldn't have let that happen* (Fox News, от 16.08.2025) позволяет сделать вывод о функциональной эквивалентности различных форм делегитимации. Несмотря на то, что использование условных конструкций придает порицанию имплицитный характер, подобный способ реализации негативной оценки обладает соразмерным прагматическим потенциалом. В обоих случаях политик достигает сходного персуазивного эффекта – подрыва авторитета оппонента. Однако использование грамматических импликатур делает акт порицания менее уязвимым для встречной критики. Рассмотрим пример из интервью Дж. Байдена:

Four members of my cabinet are Latinos, more than any president before me. I made a commitment that I was - when I became president, my government was going to look like America, and that's the case (Radio La Campesina, от 21.11.2023).

В данной реплике существительное *president* функционирует в рамках сравнительной конструкции и придаточного времени. Подобная синтаксическая организация служит базой для реализации стратегии самопрезентации, которая в контексте порицания приобретает характер косвенной дискредитации предшественников. В частности, оборот *more than any president before me* выстраивает порицание через механизм противопоставления. Внимание акцентируется на собственной инклюзивности. Политик имплицитно указывает

на игнорирование интересов латиноамериканского сообщества прошлыми администрациями. Тактика закрепления позитивного образа выступает инструментом делегитимации оппонентов. Особый интерес представляет выбор союза *when* вместо гипотетического *if*. Используя форму повествовательного предложения с придаточным времени *when I became president*, политик придает своим прошлым обязательствам статус непреложного факта. Если Д. Трамп через *Conditionals* моделирует возможное будущее, то Дж. Байден через конструкции времени заявляет аудитории образ «состоявшегося лидера». Грамматика времени служит самолегитимации: событие преподносится как исторически неизбежное, что возвышает говорящего над «менее успешными» оппонентами.

Синтаксис условного предложения является продуктивным средством формирования имплицитного содержания. В качестве примера рассмотрим фрагмент из интервью Д. Трампа журналу Time о выборах 2024 г.:

You would use the military inland as well as at the border?

Donald Trump: I don't think I'd have to do that. I think the National Guard would be able to do that. If they weren't able to, then I'd use the military. You know, we have a different situation. We have millions of people now that we didn't have two years ago (TIME, от 01.05. 2024).

Реплика Д. Трампа объективирует *стратегию уклонения*, сочетая ее с косвенным порицанием действующей власти. Использование условной конструкции *If they weren't able to, then I'd use...* позволяет политику избежать прямой ответственности за непопулярное решение о применении армии внутри страны. Интенция порицания развертывается через сопоставление временных периодов. Фраза *that we didn't have two years ago* выступает как инфлуктив: Д. Трамп указывает на резкое ухудшение ситуации, возлагая ответственность за мигрантов на администрацию Дж. Байдена. С помощью данного квантификатора статистический факт представлен как угроза национальной безопасности. В результате, через описание «другой» ситуации политик осуществляет делегитимацию текущего политического курса, обосновывая необходимость жестких мер. Далее имплицитная агрессия политика переходит в эксплицитное порицание:

Sir, the Posse Comitatus Act says that you can't deploy the U.S. military against civilians. Would you override that?

Donald Trump: Well, these aren't civilians. These are people that aren't legally in our country. This is an invasion of our country. An invasion like probably no country has ever seen before. They're coming in by the millions. I believe we have 15 million now. And I think you'll have 20 million by the time this ends. And that's bigger than almost every state. (TIME, от 01.05. 2024).

Обсуждение темы нелегальной иммиграции в данном фрагменте опирается на общие для оратора и электората фоновые знания, что позволяет Д. Трампу максимально интенсифицировать порицание оппонента. Для усиления иллюкативной силы в высказывании задействован комплекс средств. Квантификаторы (*millions, 15 million, 20 million*) в сочетании с возрастающей градацией (*by the millions – 15 million – 20 million*) конструируют представление

о неконтролируемом хаосе. Числа утрачивают математическую точность и превращаются в инфлуктив, цель которого вызвать у слушателя чувство опасности и тревоги. Просодически данная градация реализуется через нарастающую интонацию перечисления. Каждое последующее числительное получает усиленное логическое ударение, что в звучащей речи сопровождается повышением громкости и замедлением темпа. Такой интонационный рисунок усиливает эффект драматизации и формирует у аудитории ощущение нарастающей угрозы. Метафора войны описывает миграцию как *invasion* и объективирует *стратегию понижения статуса*. Интерпретируя гражданскую проблему на фоне сферы знаний о военных конфликтах, Д. Трамп осуществляет радикальную делегитимацию действий администрации Дж. Байдена. Подобная метафорическая проекция автоматически активирует модель «Строгого отца», который защищает свой дом от врага. Значение местоимения *they* в сочетании с описанием масштаба *coming in by the millions* лишает объект порицания индивидуальных характеристик, превращая людей в угрожающую безликую массу. Политику реализует *тактику безличного обвинения*: виновником «вторжения» имплицитно выступает действующая власть, не обеспечившая безопасность границ. Таким образом, через взаимодействие метафоры войны и количественной гиперболы Трамп радикально порицает политический курс оппонента, легитимизируя при этом необходимость экстраординарных силовых мер.

Предпринятый *лингвопрагматический* анализ подтверждает тезис о том, что идиостиль политика в рамках политического интервью представляет собой сочетание элементов сообщения и воздействия. В большинстве случаев передача информации сопровождается прямым или косвенным выражением оценки, использованием средств и речевых приемов, побуждающих аудиторию к определенной реакции на содержание сообщения [189, с. 7; 190, с. 14]. Проведенный *анализ* позволил сформулировать следующие обобщения.

Значительное совпадение частотных лексем в речи обоих политиков (см. табл. 11) подтверждает высокую степень клишированности политического интервью. Установлено, что общие слова жанрового инвентаря (например, *president, country, know*) претерпевают функциональную транспозицию. В зависимости от коммуникативной задачи они превращаются из нейтральных единиц в речевые средства инфлуктивов, обеспечивающие либо делегитимацию автора, либо делегитимацию оппонента. Выявлено, что доминирующими в речевом поведении обоих президентов выступают *тактики обвинения, обличения, дискредитации и самопрезентации*. При этом объективация данных тактик опирается на полярные модели: если у Д. Трампа порицание строится в контексте силы и угрозы, то у Дж. Байдена – на этике порядочности и эмпатии.

Результаты сравнительного анализа позволяют систематизировать комплекс лингвопрагматических средств реализации порицания:

– на *лексическом уровне* используются эмотивная лексика, инвективы, квантификаторы и интенсификаторы для создания эффекта драматизации и давления на аудиторию;

– на грамматическом уровне наблюдается активное применение параллелизма, условных конструкций и временных придаточных для конструирования «альтернативной реальности» и навязывания аудитории выгодных для политика причинно-следственных связей;

– на стилистическом уровне установлено использование метафор войны, гипербол, повторов, оценочных эпитетов, обеспечивающих эмоциональную мобилизацию электората.

Таким образом, порицание в политическом интервью представляет собой сложный прагматический комплекс, в котором грамматические и стилистические средства направлены на изменение публичного статуса оппонента и управление мнением массового адресата. Выявленные лексические особенности находят свое статистическое подтверждение при анализе доминирующих тактик.

Анализ эмпирического материала позволяет констатировать, что общим в речевом поведении обоих президентов является предпочтение *стратегии самопрезентации*. Однако способы реализации и сопутствующий тактический инвентарь различны. В репликах Дж. Байдена данная стратегия опирается на взаимодействие *тактик прогнозирования и эмоционализации*, а выбор конкретных речевых ходов носит системный характер: тактика солидаризации с народом сочетается с акцентированием собственной ответственности как главы государства. Высказывания о развитии страны поддерживаются инфлюктивами с повышенным эмоциональным фоном, а также с апелляциями к личному опыту политика. Идиостиль Дж. Байдена направлен на конструирование имиджа «эмпатичного лидера», контрастирующего с агональным имиджем Д. Трампа. Выявленные различия в способах самопозиционирования определяют и асимметрию используемых политиками тактик порицания.

Как упоминалось выше, одним из основных принципов имиджа Дж. Байдена является уважение к семейным ценностям. Показательным примером является фрагмент из интервью Скотту Пелли из программы CBS News «60 minutes». Данная беседа проходила на фоне дискуссий вокруг конфликта на Ближнем Востоке и участия американских войск в нем. Как показывает анализ интервью, Дж. Байден использует преимущественно *стратегию самопрезентации*, т.к. основной коммуникативной целью диалога становится защита собственных решений по острым вопросам. Специфика тактик порицания, используемых в рамках самопрезентации, состоит в создании аксиологической дистанции. Политику реализует двойную цель: производит *этическую делегитимацию* участников конфликта и одновременно *упрочивает собственный статус* морального арбитра, закрепляя в сознании аудитории свой положительный образ:

Scott Pelley: Is getting the American hostages back safely among your highest priorities now?

Joe Biden: Of course, it is. But it's hard to-- hard to make distinctions. It's-- most important thing is ending this brutality and to hold those who committed it accountable.

Scott Pelley: Can you foresee U.S. troops in combat in this new Middle East war?

Joe Biden: I-- I don't think that's necessary. Israel has one of the finest fighting forces in the country. I guarantee we're gonna provide them everything they need.

Scott Pelley: Because of what we're seeing in the Middle East, is the threat of terrorism in the United States increased?

Joe Biden: Yes. I had a meeting this morning with the Homeland Security people, with the FBI, with-- for the Situation Room, for the better part of an hour to discuss how we make sure that we prevent a lone wolf and/or any cohi-- coordinated effort to try to do what was done in synagogues before, do what was done to Jews in the street. we're making a major effort to make sure that doesn't happen. (CBS News, от 5.10.2023).

В данном фрагменте порицание реализуется через взаимодействие тактик критики и дискредитации. Анализ реплик Дж. Байдена позволяет выделить следующие лингвопрагматические механизмы. Высказывание *It's most important thing is ending this brutality and to hold those who committed it accountable* формально является нейтральным сообщением о необходимости правосудия. Однако использование лексемы *brutality* наделяет высказывание иллокутивной функцией инфлуктива порицания, вводя в контекст содержание о бесчеловечности действий, что превращает фразу в инструмент давления, формируя этическую дихотомию «преступник – судья». Семантика лексемы в сочетании с синтаксической паузой (*ending this brutality and to hold those who committed it accountable*) формирует текстовую проекцию интонационного акцента, усиливающего моральную оценку.

Политический лидер намеренно избегает прямой номинации конкретных лиц или организаций, замещая их обобщенными субъектами: *those who committed it, a lone wolf*. За счет неопределенно-личных конструкций и местоимений порицанию приобретает статус объективного морального суждения без прямой межличностной конфронтации. Интервьюируемый предпочитает не называть прямо действия, которые порицаются им: *...to try to do what was done in synagogues before...* Значение глагольных форм в пассивном залоге *was done* в сочетании с референциальным сдвигом к прецедентным событиям прошлого смещает негативные оценки на текущих оппонентов без прямого названия имен. Использование ключевых слов *American, country* в данном контексте служит инструментом самопрезентации, создавая аксиологический контраст между «хаосом жестокости» и образом США как гаранта безопасности. Следовательно, порицание имеет этически ориентированный характер, что полностью подтверждает приверженность политика когнитивной модели «Заботливого родителя». Самокоррекция *I-- I don't think* выступает текстовым коррелятом паузы и отражает просодическую стратегию смягчения высказывания. Подобная интонационная задержка сигнализирует о взвешенности позиции и усиливает эффект рациональности и осторожности, характерный для модели «Заботливого родителя».

Выбор коммуникативной стратегии в рассматриваемом фрагменте продиктован необходимостью легитимации решений администрации Дж.

Байдена. В основе высказывания – контраст ценностных установок: рациональность и взвешенность действий США противопоставляются деструктивному поведению лидеров конфликтующих стран. Подобный ситуационный контекст обуславливает взаимодействие *стратегий самопрезентации и косвенного порицания*. Поскольку речь идет о международной арене, Дж.Байден избегает излишне резкой, обличительной риторики, заменяя ее трансляцией американских ценностей о безопасности граждан, гуманизме. Тем самым обеспечивается решение нескольких задач: закрепить собственный положительный имидж «мирового судьи» и осуществить этическую делегитимацию оппонентов, чьи действия не соответствуют провозглашенному эталону.

Реализация стратегий порицания в идиостиле Д. Трампа прослеживается в интервью Дж. Рогану при обсуждении экологических решений Китая. Политик прибегает к комплексному порицанию, которое базируется на тактиках прямой дискредитации оппонентов и одновременной легитимации собственного имиджа как сильного и прагматичного лидера:

Joe Rogan: There's a lot of things that do happen that are environmentally devastating.

Donald Trump: Sure, yeah.

Joe Rogan: And you want to mitigate that as much as possible.

Donald Trump: You do. You do. Look, I had... during our four years, we had the cleanest air and the cleanest water. I view it differently. I say air and water. Remember this. It costs much more to do things environmentally clean. China doesn't do anything. When Kerry goes to see President Xi at China, which he probably doesn't even get to see him, but they look at him, "Oh, yes, yes, we will do, oh, yes, yes, we're going to do that. No more coal, no more coal." And then they approve 58 coal plants for the next, you know, every, they build a coal plant a week, okay.

Joe Rogan: They built a lot of coal plants. We've covered that.

Donald Trump: But let me just tell you, though, so here we are cleaning and scrubbing everything and everything's got to... and the air's got to be pure. But in 3.8 days, that stuff floating over China is right over the top of us.

Joe Rogan: Right.

Donald Trump: Same thing with the oceans. They dump their garbage into the Pacific Ocean. If you take a little cork and put it there, in about a week and a half, it'll be in front of Los Angeles. We're picking up their garbage. So nobody ever talks about that. But in a way, the bigger one is even... the air. It's the currents. It's an amazing thing. It's been flowing that way for a million years, long before we were there. (Joe Rogan Experience, от 25.10.2024).

Порицание реализуется в данном случае посредством *тактик обвинения с указанием субъекта* — Китай, что контрастирует с *тактикой закрепления позитивного образа*: речь идет о действиях американских властей и общественных организаций (волонтерское движение широко распространено в стране). В отношении действий Джона Керри используется *тактика «анализ-минус»*. В одном высказывании Д. Трампу удалось реализовать тактики:

– *оскорбления*, основанного на убеждении об отсутствии у Керри авторитета в международном сообществе с помощью референциального сдвига к гипотетическому сценарию: *Kerry goes to see President Xi at China, which he probably doesn't even get to see him*;

– *обличения*, основанная на механизме функциональной транспозиции. Констативы, описывающие темпы строительства угольных станций (*they build a coal plant a week*), в высказывании Д. Трампа приобретают статус инфлуктивов. Нанизывание количественных данных в сочетании с противопоставлением слов и дело превращает статистическую информацию в инструмент давления. Порицание здесь выступает как логический вывод из представленных фактов, что провоцирует у аудитории чувство возмущения «несправедливостью» и лицемерием оппонента;

– *иронии*, реализуемой через прием подражания. Д. Трамп использует прямые инфлуктивы, пародируя манеру речи китайских лидеров (*Oh, yes, yes, we will do...*), что позволяет политику лишить оппонентов институциональной серьезности. Имитация согласия в сочетании с последующим разоблачением выстраивает образ «нечестного партнера», чьи обещания лишены ценности. Использование иронического подтекста позволяет Д. Трампу утвердить собственное интеллектуальное доминирование. Политик позиционирует себя как лидера, способного распознать «увертки» конкурентов и защитить национальные интересы в рамках модели «Строгого отца».

Повтор реплики *You do. You do.* выполняет функцию текстового коррелята *интонационного усиления*. Лексический повтор создает ритмическую структуру высказывания, подчеркивая категоричность позиции говорящего и усиливая эффект убеждения. Многократный повтор частицы *yes* имитирует интонационную модель согласия и выступает текстовым коррелятом пародийной просодии. За счет гиперболизированного повторения формируется *иронический эффект*, позволяющий дискредитировать позицию оппонента.

Сопоставление данного высказывания с утверждением о том, какие меры были приняты в Китае перед его визитом в Китай усиливает воздействие стратегии самопрезентации:

You know, when I went there, I had a great relationship with President Xi. We got along very well. And they treated me better than anybody's ever been treated. Same thing with Saudi Arabia, a number of them. But they laid it out. And I said, "This air is good." Do you know, they closed every factory one week before I got there, from within 200 miles (Joe Rogan Experience, от 25.10.2024).

Констатация факта закрытия заводов в прагматическом плане работает как эксплицитный инфлуктив, подтверждающий личный авторитет оратора. Значение глагола *closed* в данном контексте отсылает к сфере знаний о доминировании и силе, создавая контраст с «бессилием» Керри. *Тактика закрепления позитивного образа* достаточно эффективна в сопоставлении с тактиками, реализованными в отношении третьего лица. Контраст между «чистым» американским подходом, который Д. Трамп ассоциирует со своим правлением *the cleanest air and the cleanest water*, и «грязными», лицемерными действиями Китая, усугубленными неэффективностью Джона Керри,

американского дипломата, позволяет Д. Трампу достичь сразу нескольких коммуникативных целей:

– *закрепление собственного положительного образа*: Д. Трамп позиционирует себя как сильного, авторитетного лидера, с которым считаются, и который является защитником американских интересов и ценностей. Действия политика выглядят эффективными и решительными, в отличие от слабости оппонентов и предшественников. Использование параллельных конструкций для интенсификации порицания нынешней политики подчеркивает собственную эффективность;

– *дискредитации*: выставление Китая лицемерной и безответственной стороной, которая *dumps their garbage* и наращивает угольные электростанции, в то время как США несут все расходы на *cleaning and scrubbing everything*. Значение лексемы *garbage* и глагола *dump* в сочетании со сдвигом фокуса на *currents* перекладывает вину на внешнего врага.

В результате, использование третьего лица как «фонового контраста», будь то Китай или Дж. Керри, выступает способом заявить о своих положительных качествах, сравнивая свою эффективность с «очевидной» неэффективностью других. Позитивный образ Д. Трампа формируется за счет контрастного превосходства над дискредитируемыми оппонентами или бездействующими державами. В итоге, он одновременно порицает чужие действия и утверждает превосходство американского похода.

Обращаясь к эмпирическому материалу, необходимо отметить, что распределение коммуникативных тактик в речи американских политиков подтверждает разработанную нами иерархическую таксономию порицания (см. Раздел 1.4, Таблицы 4 и 5).

Как было установлено, американская лингвокультура характеризуется лакунарностью в области «мягкого», дидактического порицания, типичного для русского языка на базовом уровне. Количественный и качественный анализ транскриптов Дж. Байдена и Д. Трампа демонстрирует практическое следствие этой лакуны: политический диалог в США мгновенно смещается либо в зону институционального осуждения (CENSURE), либо в зону прагматической атрибуции вины (BLAME).

В идиостиле Д. Трампа мы фиксируем доминирование тактик, которые соотносятся с субординатным уровнем англоязычной таксономии. Речевое поведение политика строится на стратегиях обличения и личностной дискредитации (концепты ACCUSATION и SMEARING) что выражается в частотности прямых инвектив и фактологических инфлуктивов. Порицание здесь лишается каких-либо элементов этической коррекции и функционирует исключительно как инструмент агонального уничтожения оппонента.

В идиостиле Дж. Байдена, опирающегося на модель «Заботливого родителя», порицание остается преимущественно на базовом уровне, концепт CENSURE (осуждение). Однако в силу отсутствия в английском политическом лексиконе инструментов «воспитательного» упрека, политик вынужден компенсировать эту лакуну через косвенные тактики субординатного уровня, а

именно MOCKERY / SARCASM (иронию) и апелляцию к этическим пресуппозициям.

В результате, анализ эмпирического корпуса доказывает, что выбор агрессивных и бескомпромиссных тактик порицания американскими лидерами детерминирован политическими задачами и, одновременно, рамками англоязычной лексико-семантической системы, не предполагающей компромиссных (дидактических) форм публичного неодобрения.

Анализ реплик в транскриптах интервью Дж. Байдена и Д. Трампа, позволяет перейти к обобщению тактического инструментария порицания в речевом поведении обоих президентов. Если стратегии Дж. Байдена сфокусированы на *этическом осуждении* оппонентов и внешних вызовов, то его репертуар порицания приобретает выраженный *морально-оценочный характер*. Количественное распределение доминантных тактик, реализующих интенцию порицания в идиостиле Дж. Байдена, представлено на рисунке 4.

Рисунок 4 – Тактический инструментарий реализации интенции порицания в идиостиле Дж. Байдена

Дж. Байден выстраивает систему порицания, опираясь преимущественно на косвенные стратегии, которые в сумме составляют около 45% его высказываний: *критику* (12.89%), *осуждение* (11.08%), *упрек* (9.02%), *создание негативного образа* (6.44%), *постулирование авторитетного мнения* (2.58%) и *иронию* (2.58%). В отличие от жесткой фиксации вины, данные тактики направлены на создание долгосрочного морально-оценочного давления. Главной целью политика является формирование масштабного негативного

контекста вокруг оппонента, представляя его действия как несоответствующие этическим или политическим нормам.

При этом косвенное порицание усиливается прямыми стратегиями: *обвинением (9.54%)* и *обличением (6.44%)*. Данный тактический инструментарий направлен на дискредитацию частных решений оппонента, которые Дж. Байден интерпретирует как свидетельства системного нарушения этических норм. Подобный подход подтверждает доминирование *стратегии осуждения*: политик использует конкретные проступки противника как доказательную базу для моральной делегитимации оппонента перед массовой аудиторией.

Активное порицание сопровождается блоком защитных тактик и самопрезентации. *Тактика закрепления позитивного образа (8.25%)* тесно связана с *созданием негативного образа оппонента (6.44%)*. Этот контраст позволяет Дж. Байдену позиционировать себя как носителя «правильных» ценностей на фоне «неправедного» противника. Кроме того, в рамках стратегии уклонения Дж. Байден эффективно применяет *тактики снижения значимости отрицательных сторон (6.44%)* и *эмоционального призыва (6.44%)* для защиты своего политического курса от текущих проблем и переадресации порицания, перекладывая ответственность на внешние вызовы или оппонентов.

Стратегии порицания Д. Трампа фокусируются на *прагматическом и личностном ослаблении оппонентов*, представляя их действия как неэффективные, некомпетентные или лицемерные. Востребованы экспрессивно-оценочные номинации, аргументация строится на противопоставлении личного успеха, силы и неспособности, слабости оппонентов. Рассмотрим подробнее тактики реализации порицания в репликах Дональда Трампа (см.рис. 5).

Рисунок 5 – Тактический инструментарий реализации интенции порицания в идиостиле Д. Трампа

Тактики порицания носят эксплицитный, конфронтационный и агональный характер, что подтверждается выраженным преобладанием *прямых стратегий* (43.61%). Политик аргументирует свою позицию с помощью *тактики обвинения* (28.20%), которое является самой частотной тактикой. Такое высокое значение прямо указывает на приоритет стратегии обвинения и возложения вины. Частотность *тактики оскорбления* (8.72%) манифестирует установку на личностную дискредитацию оппонента. Данная тактика, ключевой элемент стратегий понижения статуса и дискредитации, смещает акцент с обсуждения политических действий на унижение оппонента. За счет применения *стратегий уклонения и самопрезентации* (20.93%), включающих *тактики закрепления позитивного образа* (6.54%) и *контратаку* (3.78%) достигается акцент на превосходстве над оппонентами. Утверждая свою силу и эффективность, политик неявно усиливает эффект прямого обвинения и оскорбления, превращая порицание в демонстрацию своего доминирования.

Тактики, требующие нюансов и отхода от темы и большинство косвенных приемов, таких как ирония, частичный ответ, анализ-минус, используются минимально. В идиостиле Д. Трампа прямая атака и эксплицитность имеет большую значимость, чем имплицитная манипуляция. Совокупность применения тактик обвинения, оскорбления и самопрезентации для утверждения силы подтверждает доминирование стратегий обвинения и понижения статуса, нацеленных на личностное ослабление оппонента.

Так, главной целью Д. Трампа является создание доминирующего образа эффективного и бескомпромиссного лидера с помощью контрастного превосходства над оппонентом и апелляции к индивидуальной ответственности, прагматизму своей консервативной аудитории. Тактики политика наиболее прямо и мощно реализуют цели дискредитации и создания имиджевого контраста.

Реализация порицания Джо Байдена носит выраженный *морально-оценочный характер* и опирается преимущественно на *косвенные стратегии*, которые суммарно составляют около 45% дискурса политика. Ведущая роль принадлежит *тактикам критики* (12.89%), *осуждения* (11.08%) и *обвинения* (9.54%). Такая структура указывает на то, что главной целью политика является не столько мгновенная атака, сколько создание негативного контекста вокруг оппонентов, апеллирующего к этическим нормам и политическим стандартам. В тактиках Д. Трампа доминирует *обвинением* (28.20%), что почти вдвое превышает аналогичную тактику Дж. Байдена. Важным элементом стиля Д. Трампа является использование *тактики оскорбления* (8.72%), что смещает фокус с обсуждения политических действий на личностную дискредитацию, утверждая свое превосходство через унижение оппонента.

Оба политика используют стратегии самопрезентации и уклонения для создания контраста, но с разными целями. Дж. Байден с помощью *тактики закрепления позитивного образа* (8.25%) позиционирует себя как защитника ценностей и демократии, создавая моральный контраст (*мы – защитники, они – угроза*). Д. Трамп за счет подобного речевого хода (*тактики закрепления*

позитивного образа – 6.54%), утверждает себя как бескомпромиссного лидера (моя сила – их слабость).

Представленные примеры и результаты демонстрируют также разнообразие и целенаправленность тактик, используемых журналистами в политическом интервью с Дж. Байденом и Д. Трампом. Их общая цель – максимизировать информативность и критическую оценку путем выявления уязвимостей политика и отражения ключевых сомнений общественности.

В рамках трехсубъектной модели коммуникации журналист утрачивает функцию нейтрального модератора, принимая на себя роль активного участника борьбы за легитимность, поэтому дальнейшее описание лингвопрагматических механизмов порицания предполагает изучение речевого поведения журналистов. Сопоставительный анализ тактик интервьюеров позволяет выявить функциональную асимметрию в подходах к критике Д. Трампа и Дж. Байдена. Анализ тактического инструментария журналистов в диалогах с Дж. Байденом выявляет приоритетность прямых тактик порицания, нацеленных на получение определенных признаний или оправданий (см. рис. 6).

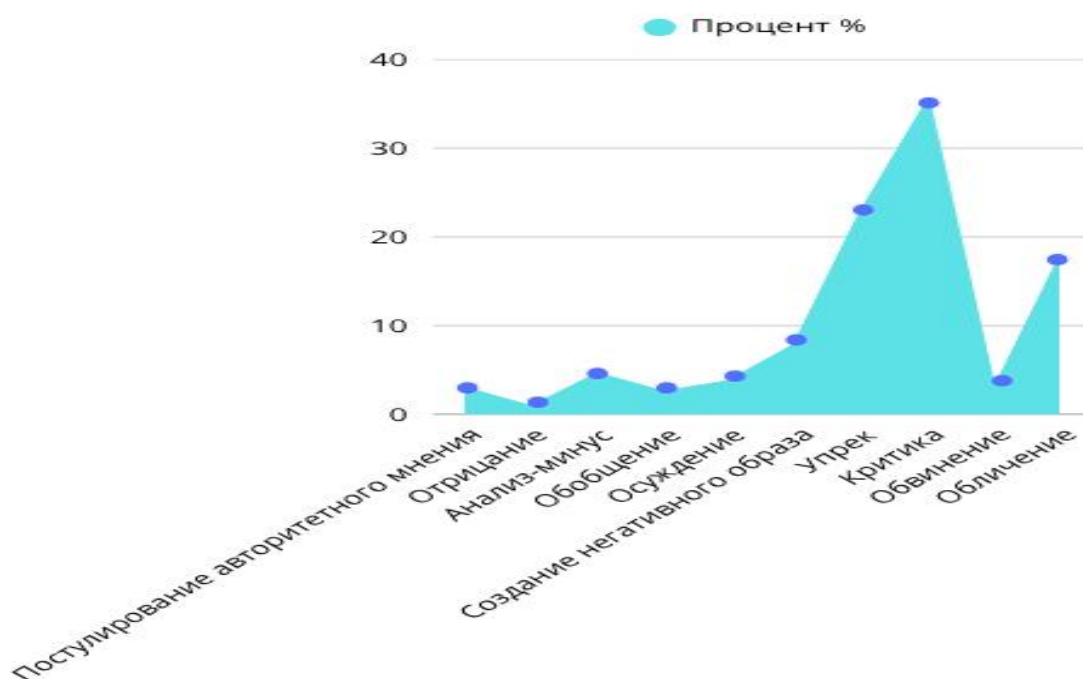

Рисунок 6 – Количественное распределение тактик порицания в речевом поведении журналистов в интервью с Дж. Байденом

Представленные данные верифицируют установку журналистов на нормативно-оценочное порицание действий администрации. Доминирование тактик критики (35,1%) и упрёка (22,7%) свидетельствует о том, что медиасреда формирует в отношении Дж. Байдена контекст морально-этического осуждения. Стратегия дискредитации выражается в тактике обличения (17,36%) для указания на конкретные ошибки и публичное разоблачение, усиливая негативную оценку. Тактика прямого обвинения

применяется реже (2.48%), что свидетельствует о предпочтении журналистами более безопасных форм порицания без таких высоких юридических рисков, как прямое обвинение, но обеспечивающих достаточный негативный эффект. Тактики, направленные на уклонение (*отрицание* – 0.83%) и усложнение коммуникации (*обобщение* – 2.48%, *анализ-минус* – 4.55%), фиксируются в анализируемом материале лишь в единичных случаях. Следовательно, в роли критика журналисты ставят целью максимальную ясность и прямоту сообщения, избегая завуалированных приемов, которые могли бы снизить силу прямого обвинительного воздействия.

В целом, стратегии журналистов в отношении Дж. Байдена характеризуются доминированием стратегий морально-этического вектора.

В интервью с Дональдом Трампом стратегии порицания, объективируемые журналистами, характеризуются максимальной интенсивностью и имеют обличительную направленность (см.рис. 7).

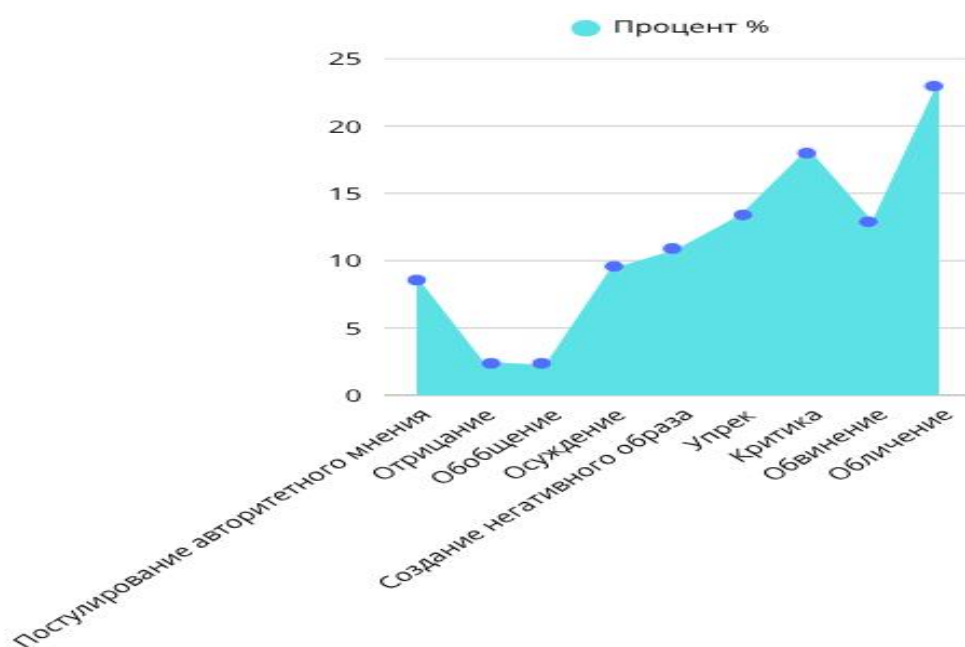

Рисунок 7 – Количественное распределение коммуникативных тактик порицания в речевом поведении журналистов в интервью с Дональдом Трампом

В интервью журналистов с Дональдом Трампом наблюдается комплекс разных форм атаки. Стратегии журналистов в отношении политика являются максимально конфронтационными и нацелены на разоблачение и формирование негативного имиджа. Приоритетными стратегиями являются стратегии понижения статуса и дискредитации.

Доминирование *тактики обличения* (22,86%) свидетельствует о приоритетной установке интервьюеров на публичное разоблачение действий Д. Трампа. Представители медиасреды стремятся раскрыть негативные аспекты политики лидера и заявить об «угрозах», требующих немедленного общественного вмешательства. Параллельно реализуется *тактика создания*

негативного образа (10,71%), направленная на системную дискредитацию личной репутации и подрыв профессионального статуса политика. Данное воздействие усиливается за счет осуждения (9,29%). В условиях предельно высокого градуса конфронтации журналисты активно применяют *тактику постулирования авторитетного мнения* (8,57%). Подобный прием придает обвинительное суждению объективность: ссылаясь на нормы или экспертные оценки, интервьюер формулирует порицание как неоспоримый факт. Следовательно, лингвистический репертуар журналистов в диалоге с Д. Трампом ориентирован на дискредитацию личности политика. Высокая доля *прямого обвинения* (12,62%) манифестирует готовность журналиста идти на высококонфликтные заявления, не ограничиваясь общими оценками, что является особенностью речевого поведения журналистов в интервью с Д. Трампом. Преобладание прямых тактик демонстрирует ориентирование интенции порицания юридическо-фактологический вектором. *Тактики критики* (18,10%) и *упрека* (13,33%) в рамках косвенной стратегии осуждения дополняют этот арсенал обеспечивая постоянный поток негативной оценки.

Таким образом, тактики порицания журналистов по отношению к Д. Трампу являются максимально конфронтационными, нацеленными на разоблачение и формирование негативного имиджа. В интервью с Дж. Байденом медиасреда реализует морально-этический вектор порицания. Интервьюер принимает роль этического морализатора: тактики критики и упрека обеспечивают верификацию соответствия политика ценностям модели «Заботливого родителя», стимулируя лидера к легитимации власти через оправдание. В диалогах с Д. Трампом актуализируется юридическо-фактологический вектор. Журналист трансформируется в публичного обвинителя: приоритетность тактик обличения и прямого обвинения направлена на денонсацию конкретных действий и делегитимацию личности лидера. Частотное распределение тактик (см. рис. 7 и 8) свидетельствует об идеологическом резонансе медиасреды с когнитивной моделью коммуникативной личности политика. Речевой инструментарий журналистов адаптируется под ценностный профиль собеседника, закрепляя поляризацию американской лингвокультуры.

3.2 Лексико-стилистический инструментарий реализации порицания

Систематизация полученных данных на завершающем этапе исследования предполагает описание механизмов *лингвистической объективации порицания*. В данном разделе лексико-стилистический инструментарий рассматривается как целостная система речевых средств, обеспечивающих коммуникативные цели участников интервью. Сопоставительный анализ количественных показателей призван эксплицировать идиостилевые предпочтения Дж. Байдена и Д. Трампа в выборе конкретных средств делегитимации оппонента.

Следующий пример манифестирует взаимодействие разноуровневых речевых средств, обеспечивающих реализацию имплицитного порицания в рамках стратегии самопрезентации:

Donald Trump: Well, I think it's fantastic. It's great for the country. Our country is doing well again. And we have spirit—all over the world, there's spirit again. (Fox Sports, от 16.02.2025).

В данном высказывании Д. Трамп использует метафору *spirit*, активирующую знания о «волевом состоянии и готовности к борьбе». Синтаксический параллелизм оценочных конструкций, например *it's fantastic; it's great*, усиливает высказывание, формируя у аудитории эффект эмоционального подъема. Идиостилевая специфика оратора проявляется в лексическом повторе слова *country*. Ключевое слово, соотносимое с когнитивной моделью, описанной Дж. Лакоффом, служит инструментом фиксации внимания на объекте самопрезентации. Однако ведущим механизмом порицания в данной реплике выступает семантика наречия *again*. Повтор лексем трансформирует высказывание в инфлуктив, формируя имплицитную негативную оценку предшествующего периода. Утверждая, что страна *снова* (*again*) стала успешной, Д. Трамп фактически обвиняет предшествующую администрацию в неэффективности. В результате, через позитивную характеристику настоящего момента политик осуществляет делегитимацию оппонентов. В краткой реплике интервьюируемый достигает максимального коммуникативного эффекта: информирует о том, что страна на подъеме благодаря нынешнему руководству, закреплённая через лексический повтор; достигает ситуативного преимущества, что свидетельствует о перехвате коммуникативной инициативы (*Ms. Little. You brought your granddaughter*).

Лингвистическая специфика проанализированного фрагмента заключается в том, что похвала в адрес собственных достижений тождественна косвенному порицанию оппонентов. Таким образом, в идиостиле Д. Трампа стратегии самопрезентации и дискредитации противника образуют единый коммуникативный комплекс, где порицание «другого» становится обязательным условием легитимации «своего».

В речевом поведении Д. Трампа стратегии порицания выступают активным инструментом атаки. Политик демонстрирует бескомпромиссное противодействие попыткам журналистов использовать аналогичные приемы в отношении него. Иллюстрацией агонального характера такого взаимодействия и реализации *тактики встречного порицания* является фрагмент интервью Д. Трампа с К. Уэлкер (NBC News):

Kristen Welker: Let me ask you this about January 6th —

Donald Trump: It's amazing. I wish you could be a -- you know, you have such potential. If you could be just—just non-biased. You hurt yourself so badly. I'm telling you, they deleted and destroyed all the evidence. Everyone knows it. And you slough it off like it doesn't mean anything.

Kristen Welker: No. I'm just saying they deny it. That's all I'm saying.

Donald Trump: Kristen, if I did it, you would be standing up on that chair shouting at me. And you know what I'd do? I'd say, "You got me. (NBC News, от 08.12.2024).

Темой диалога выступает дата 6 января 2021 года, имеющая в современном американском политическом дискурсе особый статус. Контекст

обсуждения составили факты о попытке штурма Капитолия и последующее заключение специального комитета Конгресса США с требованиями предъявить Д. Трампу обвинение в правонарушениях, связанных с данным инцидентом [191]. Рассматриваемый диалог представляет собой пример коммуникативного доминирования интервьюируемого. Д. Трамп трансформирует навязываемую ему роль «обвиняемого» в роль «наставника-судьи», осуществляя встречную делегитимацию журналиста. Реплика *you have such potential* формально является комплиментом, однако в сочетании с *BUT you hurt yourself so badly* трансформируется в порицание профессиональной некомпетентности К. Уэлкер. Д. Трамп дискредитирует объективность журналиста, поучая собеседника и, тем самым, лишая его статуса равноправного оппонента. Особый интерес представляет использование сослагательного наклонения в конструировании иронии. Фраза *if I did it... I'd say, You got me* функционирует как инфлуктив: моделируя свое гипотетическое признание политик подчеркивает абсурдность обвинений. Использование идиомы *You got me* превращает аргументы журналиста в «пустой шум». Повтор ограничительной частицы *just* маркирует просодическую заминку, которая в идиостиле Д. Трампа трансформируется из хезитации в интонационный нажим. Повтор служит сигналом логического удара, подчеркивающего ключевое условие – «непредвзятость». В звучащей речи данный речевой ход сопровождается паузацией и акцентированным выдохом, что усиливает прагматическое давление на собеседника и легитимизирует роль Д. Трампа как поучающего наставника.

Снижение коммуникативной эффективности К. Уэлкер обусловлена использованием простого отрицания *No... That's all I'm saying* без встречной аргументации. Таким образом, политику удается уйти от ответа на вопрос о 6 января, заставив одновременно оправдываться журналиста в ответ на его порицание. Несмотря на тактическое доминирование Д. Трампа, более детальный анализ позволяет квалифицировать рассматриваемый коммуникативный акт как непродуктивный в силу следующих лингвопрагматических факторов:

– *референциальная неопределенность* доминирует над информативностью. Активное использование апелляций к «неназванным лицам» блокирует объективность высказываний, проверить факты становится невозможным. Интервью из инструмента информирования общества становится пространством двусмысленности;

– *деформация жанровых норм*. Агрессивное применение инфлуктивов и тактики личностной дискредитации ведет к нарушению принципа кооперации Г. П. Грайса. Установка на конфронтацию исключает возможность конструктивного обмена мнениями, что свидетельствует о трансформации интервью в публичное скандальное шоу, где поддержание речевого контакта заменяется взаимной делегитимацией;

– *приоритет эгоцентризма*. Журналист и политик используют политическое интервью как ситуацию для самопрезентации. Порицание направлено не на прояснение истины или информирование аудитории, а на

демонстрацию собственного потенциала. Сопоставительный анализ реплик участников диалога выявляет асимметрию их речевого поведения. Лингвистический профиль К. Уэлкер характеризуется использованием вопросов, обладающих иллокутивной силой инфлюктива, направленного на поддержание общей агональности коммуникации. В свою очередь, поведение Д. Трампа демонстрирует систему экспрессивных речевых ходов, нейтрализующих эту атаку. Политический лидер выстраивает сложное высказывание, в котором ирония сочетается с механизмом функциональной транспозиции. Лексема с позитивной семантикой *potential* в составе фразы становится инструментом реализации инфлюктива, направленного на дискредитацию профессионализма собеседника. *You hurt yourself so badly*. Применение расчлененной условной конструкции в сочетании с лексическим повтором *just—just non-biased* позволяет Д. Трампу усилить давление и перехватить инициативу. Лингвистический инструментарий Трампа направлен на подавление собеседника. Политик использует иронию и имплицитное поучение как форму порицания, что является доминантой его коммуникативного стиля.

Рассмотрим некоторые примеры реализации порицания Дж. Байденом. В следующем примере, в интервью с Джорджем Стефанопулосом из ABC News 16 марта 2021 г. происходит обсуждение проблемы вакцинации:

George Stephanopoulos: How do you get the politics out of this vaccine talk?

Joe Biden: I honest to God thought we had it out. I honest to God thought that, once we -- we guaranteed we had enough vaccine for everybody, things would start to calm down. Well, they have calmed down a great deal. But I don't quite understand, you know, the sort -- I don't wanna -- I just don't understand this sort of macho thing about, "I'm not gonna get the vaccine. I have a right as an American, my freedom to not do it."(8) Well, why don't you be a patriot? Protect other people. (ABC News, от 16.03.2021).

Интервьюируемый использует прием цитирования чужой позиции, например *I'm not gonna get the vaccine....* Однако цитация не информирует, а направлена на дискредитацию. Формально воспроизводя логику оппонента, Дж. Байден вводит в контекст содержание об абсурдности, что превращает прямую речь в инструмент делегитимации позиции противников вакцинации. Многократные повторы глагольных и вводных конструкций *I honest to God thought, calmed down, understand* обеспечивают постепенное нарастание оценочной напряженности. Повтор служит интенсификатором инфлюктива, позволяя политику акцентировать внимание на своем «искреннем недоумении» и подготовить почву для финального морального вердикта. Лексема *macho* выступает основным стилистическим приемом. Дж. Байден смещает акценты: значение *сила, мужество* обретает в контексте семантические компоненты *грубость* и *невежество*. Семантика лексемы акцентирует содержание о социально неодобряемых моделях поведения, что дает возможность политику не прибегать к прямому персональному обвинению, а критиковать саму модель маскулинности, препятствующую общественной безопасности.

Повтор вводной конструкции *I honest to God thought... I honest to God thought...* репрезентирует ритмическое замедление, что, с точки зрения просодии, указывает на низкую интенсивность звука и использование придыхательного голоса (*breathy voice*), что в американской лингвокультуре считается как признак искренности и глубокого переживания. Политик с помощью интонации «приглашает к сопереживанию». Просодия здесь служит инструментом легитимации морального превосходства «Заботливого родителя». Нагромождение незавершённых синтаксических конструкций *I don't quite understand... you know... I don't wanna...* создает паузы обдумывания, которые в звучащей речи сопровождаются снижением темпа и ослаблением ударения. Подобный интонационный рисунок снижает категоричность порицания, трансформируясь из обвинительного регистра в форму размышления.

Резюмирующая часть высказывания *why don't you be a patriot?* также является инфлуктивом, с помощью которого политик апеллирует к высшим национальным ценностям. Через противопоставление ироничного *macho* и возвышенного *patriot* Дж. Байден выстраивает смысловую конструкцию, в которой отказ от вакцинации приравнивается к отсутствию патриотизма. Такой прием коррелирует с моделью «Заботливого родителя», порицающего эгоизм во имя защиты всей нации-«семьи».

Анализ корпуса интервью выявил основные лингвостилистические средства, применяемые политиками и журналистами для реализации порицания в рамках упомянутых тактик. Основной вывод, который следует из частотного анализа, заключается в том, что речь политиков ориентирована на сильное эмоциональное и оценочное воздействие (см. рис. 8).

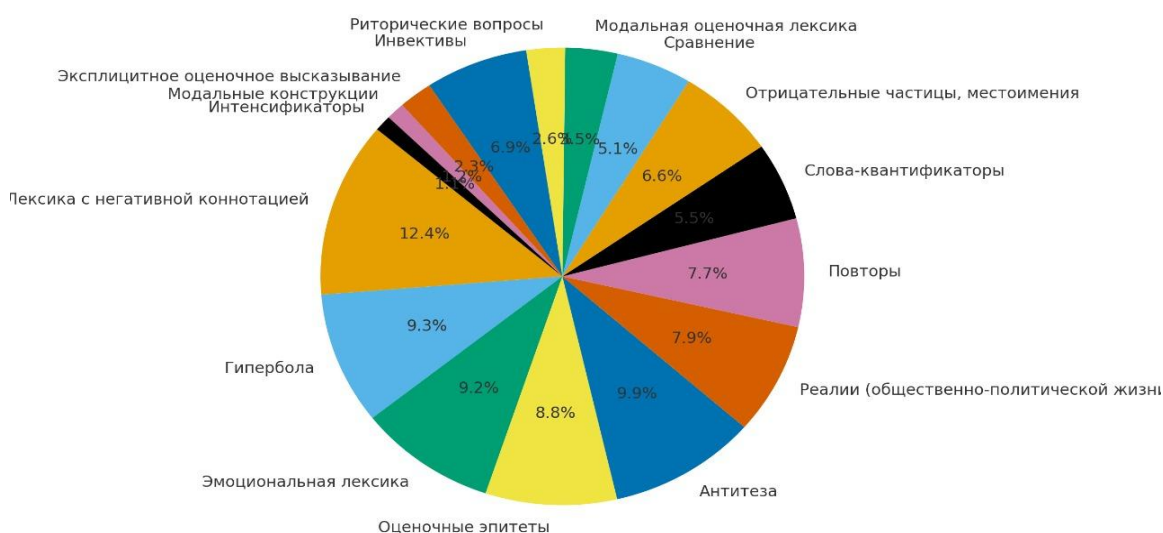

Рисунок 8 – Количественное соотношение лингвостилистических средств реализации интенции порицания в идиостиле политиков

Анализ количественных данных (см. рис. 8) эксплицирует лингвистический инструментарий функционирования порицания. Доминирующей группой речевых средств выступает *пейоративная лексика* (более 12%). Данный показатель подтверждает приоритетность тактик прямой дискредитации в идиостиле обоих политиков. Интенсификация порицания

обеспечивается за счет использования *гипербол* (9%) и *агрессивных инвектив*. Высокая концентрация *оценочных эпитетов* и *антитез*, составляющих суммарно около 20% инструментария, манифестирует установку на эмоциональность. Политический лидер стремится за счет *эмоционально-оценочного контекста* блокировать рациональные аргументы оппонента. Регулярное использование *антитезы* (10%) выступает инструментом упрощения политической реальности до четкой бинарной оппозиции *свой – чужой*. Лексические повторы и квантификаторы обеспечивают категоричность утверждений и «очевидность» идеологических установок. Лингвистический инструментарий интервью подтверждает безусловное преобладание *манипулятивных приемов* над средствами, предназначенными для передачи объективной информации.

Лингвистический инструментарий журналистов в нашем корпусе интервью отличается *направленностью на управление диалогом и инициирование конфликтной повестки*, что соответствует их коммуникативной роли «надзорного органа» (см. рис. 9).

Рисунок 9 – Количественное соотношение лингвистических средств реализации интенции порицания в речевом поведении журналистов

Ведущим лингвистическим инструментом журналистов становятся *прямые вопросы* (более 25%), что обеспечивает четкую структурную организацию интервью. Реплики журналиста трансформируются в инфлектив, который определяет тему, но одновременно лишает политика возможности уйти от обсуждения острых проблем. Данная функция контроля усиливается за счет частого использования отсылок к *реалиям общественно-политической жизни* (13,3%), что придает вопросам статус неоспоримых фактов и затрудняет применение тактик уклонения. Востребованность *лексики с негативной коннотацией* (15,2%) и *антитезы* (13,1%) создает вокруг собеседника

атмосферу критики. Журналист выстраивает вопросы через противопоставление слов и действий политика, реализуя механизм косвенного порицания, целью которого является принуждение политика к защитным стратегиям оправдания или отрицания вины.

Однако, в отличие от речевого поведения президентов, диаграмма демонстрирует некоторую функциональную сдержанность в репликах журналистов. *Эмоциональная лексика и оценочные эпитеты (по 7,3%)* востребованы реже. Умеренная эмоциональность направлена на легитимацию порицания. Негативная оценка подается как объективная проверка фактов. Таким образом, лингвистический инструментарий журналиста свидетельствует об закрепившейся за ним коммуникативной роли «публичного критика» и «стража демократии».

Резюмируя, мы констатируем наличие функциональной асимметрии в использовании речевых средств участниками интервью. Порицание в речевой практике политических лидеров характеризуется предельной интенсивностью. В свою очередь, лингвистический арсенал журналистов направлен на рационализацию порицания, за которым скрывается навязывание оценочной повестки.

3.3 Стратегии конфронтации и альянса в речевом поведении журналиста в условиях политического интервью

В американском политическом интервью журналисты все чаще отходят от традиционной роли *нейтрального модератора* [192]. Являясь высокоструктурированным речевым событием с четким распределением ролей, интервью накладывает на участников строгие ограничения. От журналиста ожидается контроль за ходом диалога и формулирование вопросов, интересующих аудиторию. Однако американские журналисты вступают в дискуссию, занимают *активную позицию и выражают свое мнение*. В фокусе исследовательского внимания данного раздела находятся *имплицитные способы реализации стратегии порицания*, которые позволяют журналистам выражать негативную оценку или несогласие с позицией интервьюируемого. Невербализованное содержание становится инструментом, дающим возможность завуалировать критическую интенцию, формально не выходя за рамки жанра интервью, избежать прямого нарушения профессиональной этики.

Выбор журналистом конкретной стратегии порицания во многом определяется *профессиональным статусом, политической идентичностью и индивидуальными особенностями*. Высокий медиапрофиль и признанный авторитет в профессиональной среде дают журналисту больше свободы для реализации конфронтационной стратегии, позволяя прибегать к прямой или завуалированной критике политического лидера без потери доверия аудитории.

Политическая принадлежность и идеологическая ориентация журналиста также обуславливают выбор стратегий. Представители консервативных или либеральных медиа чаще склонны использовать стратегию альянса с политическими акторами, разделяющими их ценностные позиции, или конфронтационную – в отношении оппонентов. Индивидуальные

особенности, включая профессиональный бэкграунд, опыт ведения политических интервью и уровень публичного признания, формируют способ подачи порицания. Одни журналисты опираются на прямые обвинения, другие – на имплицитные сигналы и кооперативное взаимодействие. Таким образом, статус и опыт журналиста становятся факторами выбора стратегии и степени ее агрессивности, влияя на эффективность коммуникативного воздействия на интервьюируемого.

Для выражения не прямой критики журналисты прибегают к политическим *импликатурам*, которые «считываются» аудиторией благодаря знанию политической ситуации. Основываясь на работах П. Грайса, мы определяем *импликации* как невыраженные вербально содержательные компоненты высказывания, которые восстанавливаются участниками коммуникации на основе контекста и принципов речевого взаимодействия [16, с. 43]. Концепция коммуникативных импликатур описывает механизм передачи смысла, который можно легко опровергнуть или «отменить» [193]. Традиционно использование импликатур в политическом дискурсе изучается на примерах выступлений политиков [194], однако в рамках данного исследования анализ производится на материале реплик журналистов в политическом интервью. Выделяются две основные функции использования импликатур. С одной стороны, импликации могут носить провокативный характер, позволяя обострить обсуждение и выразить порицание вопреки конвенциональным нормам интервью. С другой стороны, импликации служат средством скрытого воздействия на оппонента, успешная реализация которого напрямую зависит от коммуникативной согласованности действий участников диалога.

Анализ эмпирического материала позволяет выделить две ключевые стратегии, которые журналисты используют для имплицитного порицания и которые принципиально различаются по направленности критики и характеру взаимодействия с интервьюируемым.

Конфронтационная стратегия обусловлена целью выразить критику или несогласие с позицией или действиями собеседника-политика, реализуется посредством провокационных вопросов, оценочной лексики, а также через упоминания о прошлых неудачах. Журналист фактически вступает в завуалированную конфронтацию, принимая коммуникативную роль оппонента. Подобное речевое поведение часто оказывается контрпродуктивным, спровоцировав защитную реакцию политика, уход от ответа или даже приводит к коммуникативной неудаче, поскольку нарушает конвенциональные нормы жанра и может быть воспринято аудиторией как проявление предвзятости.

Стратегия альянса отличается тем, что интенция порицания направлена не на интервьюируемого, а на третью сторону, например, на политических соперников, конкурирующие СМИ или иные социальные группы. Журналист выстраивает коммуникацию как единомышленник, создавая коалицию *мы против них* с помощью наводящих вопросов, демонстрации согласия или совместной критики общего «противника». Порицание реализуется имплицитно, зачастую через похвалу или поддержку собеседника на фоне негативного изображения оппонентов. Данная стратегия создает комфортную

для политика атмосферу и позволяет эффективно донести до аудитории согласованную критическую позицию, убедительность которой усиливается за счет эффекта «единого мнения».

Фрагмент интервью, которое состоялось на американском телеканале CBS в рамках программы «60 Minutes», демонстрирует конфронтационную стратегию. Ведущая Лесли Шталь (Lesley Stahl) беседует с Дональдом Трампа, критикуя стиль общения Трампа в социальных сетях, в частности, в Twitter:

Lesley Stahl: Do you think that your tweets and your name-calling are turning people off? (CBS News, от 25.10.2020).

Журналистка использует речевые средства негативной оценки. Так, лексема *tweets* приобретает коннотацию несерьезности и скандальности, ассоциируясь с непредсказуемым стилем президента. Использование разговорной лексемы *name-calling* служит инструментом объективации тактики прямого обвинения с помощью уничижительных выражений. Вопрос Л. Шталь является инфлуктивом: *..your name-calling ... turning people off*. Статус данного высказывания как *инфлуктива порицания* обусловлен следующими механизмами. Происходит функциональная транспозиция, так как по форме реплика является вопросом, однако её иллокутивная функция – вынесение «вердикта». Журналист не запрашивает информацию или уточняет наличие оскорблений, а использует герундий *name-calling* как номинацию уже доказанного проступка. Выбор лексемы *name-calling* интерпретирует деятельность главы государства с привлечение сферы знаний о неэтичном, «детском» поведении. Тем самым статус политического лидера делегитимируется перед аудиторией. Фраза *turning people off* фиксирует нарушение президентом конвенциональных норм публичного поведения. Констатация деструктивного социального эффекта подается как свершившийся и общепризнанный факт. Эффективность выбранной тактики обусловлена профессиональным статусом Л. Шталь как опытного журналиста и ведущей с широкой аудиторией. Однако отсутствие явного согласия аудитории с критикой ограничивает результативность конфронтационной стратегии. Лесли Шталь реализует конфронтационную стратегию через *тактики создания негативного образа и обличения*. В анализируемой реплике журналист выступает как социальный арбитр, осуществляющий порицание президенту от имени общества.

Как отмечалось выше, тактика *создания негативного образа* относится к косвенной стратегии дискредитации, в то время как *обличение* к прямой стратегии обвинения. Цель речевых актов в следующем примере – поставить под сомнение морально-этическую сторону поведения политика и вызвать его на ответную реакцию или признание вины:

Donald Trump: No, I think I wouldn't be here if I didn't have social media.

Donald Trump: But the media is fake. And frankly, if I didn't have social media, I'd have no way of getting out my voice. (CBS News, от 25.10.2020).

В ответе Д. Трамп использует *стратегию уклонения*. Вместо признания негативных социальных последствий своего поведения осуществляется рефрейминг. То, что было представлено журналистом как недостаток (*social*

media) трансформируется в преимущество. Политик позиционирует себя как эффективного коммуникатора, использующего современные инструменты и, как следствие, имеющего прямой контакт с электоратом. Использование условной конструкции *I wouldn't be here if I didn't have social media* усиливает аргументацию. Подобный речевой ход смещает акцент с говорящего на инструмент воздействия (*social media*) и исключительную значимость политического успеха политика. Ответ структурирован ритмически таким образом, что становится легко запоминающимся. То есть в контексте конфронтации с журналистом Д. Трамп нейтрализует порицание, превратив потенциальную уязвимость в стратегическую эффективность. Высказывание *the media is fake* о недостоверности СМИ окончательно делает диалог агональным. Д. Трамп смещает атаку с темы своих твитов на надежность и объективность всех традиционных медиа. Поскольку Лесли Шталь является представителем СМИ, политик подрывает право интервьюера критиковать президента. Таким образом, порицание журналиста нейтрализуется за счет делегитимации профессиональности представителя «фейковых» массмедиа.

Следующий фрагмент из интервью Дональда Трампа с Кристен Уэлкер из NBC News посвящен расследованию о финансовых счетах политика в Китае:

Kristen Welker: Mr. President, you came into this debate talking about your opponent's financial ties. We learned last week that you, in fact, have a bank account in China, and have paid \$188,000 in taxes to China, while only paying \$750 in U.S. federal income taxes in 2016 and 2017. Why did you have a bank account in China, and why did you pay more in taxes there than you did here? (NBC News, от 14.10.2020).

К. Уэлкер реализует *конфронтационную стратегию* через *тактику обличения*. Основным инструментом является инфлуктив, в котором интервьюер сообщает актуальные, негативные для политика факты. Основной акцент сделан на контрасте квантификаторов *\$188,000 in taxes to China* против *only \$750 in U.S. taxes*. Семантика ограничения наречия *only* превращает утверждение в обвинение, подчеркивая, насколько мала такая сумма для президента страны. Синтаксический параллелизм из двух прямых вопросов, начинающихся с вопросительного слова *Why*, создает ситуацию коммуникативного давления, что блокирует возможность уклонения, требуя от политика оправдания. Ссылка на источник *We learned last week* и наречие *in fact* делает порицание более весомым. К. Уэлкер создает *имплицитное порицание* в нелояльности политика к родной стране и уклонение от уплаты налогов, в то время как иностранному государству платятся значительные суммы. Журналист конструирует негативный образ собеседника как непатриотичного и избегающего финансовой ответственности. Формально оставаясь в рамках вопроса, интервьюер выступает в роли оппонента, обвиняя президента в лицемерии. Политик, в свою очередь, прибегает к прямой контратаке и *тактике минимизации события*:

Donald Trump: I had an account, like other people have accounts. I closed it. I closed it years ago. And it was a very small account. And I was established, and all over the world, I'm a businessman... It was a small account, and I closed it. It was

opened in 2013 and it was closed in 2015, I believe. And then you say \$750, that's wrong. You know that. That is an incorrect number. (NBC News, от 14.10.2020).

Трампа не отрицает наличие счета, но минимизирует значимость данного факта *very small account*. Кроме того, подчеркивается, что счет закрыт *I closed it years ago*. Прилагательное с семантикой уменьшения *small* в сочетании с темпоральными указателями *years ago* становятся инструментом реализации тактики минимизации негативного события. Политик смещает фокус, оправдывая наличие счета своим статусом бизнесмена, и переводит тему из плоскости нелояльности в плоскость деловой активности. Опровержение факта происходит путем отрицания точности числа ... *that's wrong. That is an incorrect number*, что дискредитирует источник сведений об опубликованном факте и косвенно самого журналиста. Использование вводной формулы *you know* создает давление на адресата, апеллируя к предполагаемому общему знанию и тем самым навязывая журналисту статус соучастника заведомо ложного утверждения. Кроме того, конфронтация Л. Шталь отражает традиционный журналистский подход CBS, представляющего «центристскую» или критическую позицию по отношению к администрации Д. Трампа, что усиливает эффект прямой конфронтации, но одновременно ограничивает возможность построения кооперативного диалога.

Итак, в анализируемом фрагменте, журналист успешно реализовала *конфронтационную стратегию*, выразив порицание, что вынудило политика перейти к защитной реакции. Хотя Д. Трамп парировал атаку, политик был вынужден оспаривать факты вместо продвижения своей повестки. В отличие от первого примера, в данном контексте журналист добился задачи поставить политика в оборонительную позицию.

Проанализируем реплики Джо Байдена в ситуациях политического интервью, в котором журналист применяет *конфронтационную стратегию*. В ходе интервью, которое состоялось в августе 2021 года с Джорджем Стефанопулосом из ABC News обсуждалось решение о выводе войск США из Афганистана и его последствия:

George Stephanopoulos: But when you look at the images from the airport, all those people crowding onto the C-17, when you look at those images, was that not a failure of intelligence, a failure of planning, or a failure of execution? (ABC News, от 18.08.2021).

Дж. Стефанопулос реализует *конфронтационную стратегию* с помощью инфлюктива, завуалированного под альтернативный вопрос. Журналист использует прием синтаксического параллелизма и трехкратный повтор лексем-маркера порицания *failure: was that not a failure of intelligence, a failure of planning, or a failure of execution?* С помощью риторического вопроса утверждается, что случился провал. Инфлюктив нацелен на делегитимацию действий администрации президента. Журналист осуществляет конфронтацию через *тактики обличения и создания негативного образа*. Конструируется сильный эмоциональный образ. *When you look at the images from the airport, all those people crowding onto the C-17*. Создается негативный контекст, который политикам невозможно игнорировать. Дж. Стефанопулос принимает

коммуникативную роль активного критика, тем самым вынуждая президента к публичному оправданию. Реакция Дж. Байдена строится на стратегии деконструкции инфлюктива, применяя *тактики полного отрицания и смещения ответственности*:

Joe Biden: I don't think it was a failure. The ultimate choice as to whether or not to try to unify this country, with a corrupt government that wasn't prepared, was a decision I made. [...] And the idea that somehow there was a way to have gotten out without chaos ensuing, I just don't think that's true.

Для нейтрализации порицания Дж. Байден использует вводные конструкции субъективной оценки *I don't think, I just don't think*, что обеспечивает перевод обсуждения из плоскости объективных фактов в плоскость личного убеждения. Оценочная лексика, указывающая на третьих лиц *corrupt government, wasn't prepared* выступает инструментом самооправдания. Фраза *without chaos ensuing* устанавливает модальность неизбежности. Синтаксические средства усиливают эффект тактики отрицания. Используются сложноподчинённые конструкции *The idea that somehow there was a way to have gotten out without chaos ensuing*. Создается эффект аналитического рассуждения, что смягчает прямую критику. Речевые средства с семантикой неопределённости и вводные слова *somehow, without chaos ensuing* придают аргументу объективность. Кроме того, наблюдается синтаксическая инверсия: обстоятельства, указывающие на внешние причины, например *with a corrupt government that wasn't prepared*, выносятся в начало предложения, что усиливает акцент на ситуации, а не на личной ошибке политика. В совокупности, Дж. Байден объективирует *тактику отрицания*, удерживая контроль над дискуссией, смещая внимание аудитории с обвинений на стратегические и объективные трудности, а также формируя оборонительную, но рационально аргументированную позицию.

Противоположной моделью речевого поведения выступает *стратегия альянса*, основанная на кооперативном взаимодействии журналиста и политика. В данном случае интервьюер отказывается от роли критика и переходит к речевой солидаризации с гостем. Примером такой стратегии является интервью Д. Трампа Шону Хэннити (Fox News), где диалог направлен на совместное порицание общих политических оппонентов. Состав непосредственных участников данной беседы представлен тремя собеседниками: президент США Д. Трамп, старший советник Белого дома Илон Р. Маск, ведущий Шон Хэннити. Данное интервью, на наш взгляд, представляет собой пример успешной коммуникации, учитывая специфику коммуникативной личности Д. Трампа, который не склонен к идеализации журналистской профессии, может пойти на конфронтацию, вплоть до прекращения общения в эфире. Атмосфера данной беседы была комфортной, нацеленной на взаимную поддержку. Происходит общение единомышленников, компетентных специалистов, связанных давним знакомством (Ш. Хэннити и Д. Трамп) и общими интересами (Д. Трамп и И. Маск). Тематически интервью структурировано по принципу «от этикетных форм к сложным проблемам»:

- The President's Relationship With White House Senior Adviser Elon R. Musk («Отношения президента со старшим советником Белого дома Илоном Маском»);
- News Media (Новостные СМИ);
- Social programs/Education (Социальные программы/Образование);
- The President's Executive Actions/Border Security (Распоряжения президента / Охрана границ);
- White House Senior Adviser Elon R. Musk/Implementation of the President's Executive Actions (Старший советник Белого дома Илон Р. Маск / Реализация исполнительных действий президента) и т.д.

Результатом такого планирования стало успешное *коммуникативное взаимодействие*, в котором нашлось место для широкого спектра приемов властного дискурса в рамках полилога, грамотно оформленного, эмоционально позитивного, с необходимой долей здоровой критики, ненавязчивого юмора, но без перехода к фамильярности, чего весьма трудно избежать в условиях такого рода общения «на равных». Интервью демонстрирует, на наш взгляд, высокий уровень коммуникативной культуры ведущего, которому удалось организовать общение по важным и зачастую острым вопросам в наиболее комфортных для собеседников условиях. Реализация *стратегии альянса* в данном фрагменте опирается на конструирование группы «своих», включающей политика, его советника и лояльного журналиста. *Тактика самопрезентации* Д. Трампа поддерживается собеседниками с использованием инфлективов, которые направлены на делегитимацию традиционных медиа:

Senior Adviser Musk. Because, I mean, the President has been so—so unfairly attacked in the media. It's truly outrageous. And I've spent—at this point, spent a lot of time with the President, and not once have I seen him do something that was mean or cruel or wrong. Not once

Mr. Hannity. You know, I've known him for 30 years. (Fox News, от 14.02.2025).

В примере реализуется кооперативное взаимодействие, при котором И. Маск и Ш. Хэннити выступают как единый субъект порицания. Реплика И. Маска основана на *тактике обобщения личного опыта: spent a lot of time with the President*. Лексический повтор отрицательной конструкции в начале и конце высказывания *not once... Not once* выступает инструментом интенсификации. Отрицание в сочетании с оценочными прилагательными *mean, cruel, wrong* направлено на создание безупречного имиджа лидера. Похвала в адрес Д. Трампа фактически трансформируется в инфлектив, нацеленный на обвинение в адрес СМИ. Формируется имплицитное содержание о недостоверности медиа: если столь авторитетный свидетель ни разу не видел президента «злым», значит, критические публикации в прессе являются заведомой дезинформацией. Таким образом, через возвышение «своего» объекта осуществляется делегитимация оппонентов.

В реплике С. Хэннити реализуется *тактика постулирования авторитетного мнения*, акцентируется длительность личного знакомства: *known him for 30 years*. Речевая солидаризация журналиста усиливается за счет

повтора *know* и использования квантификатора *30 years*. В итоге два авторитетных субъекта формируют инфлуктив, который подрывает объективность критики в адрес политика, переводя суждение в разряд «несправедливых нападок». Участники диалога формируют у аудитории недоверие к альтернативным источникам информации. В реплике Д. Трампа присутствует лексический повтор в качестве просодической акцентуации. Повтор отрицания в начале и конце фразы *not once... NOT ONCE* сопровождается повышением тона и замедлением темпа, что превращает констатацию факта в инфлуктив-вердикт, не допускающий возражений.

Как замечает Н. Фэйрклоу, на данном уровне дискурс связывается с идеологиями, воспринимаемыми как «предложения, которые встроены в практику, поддерживающую отношения господства, обычно скрытым образом» [76, с. 20]. Рассмотренный выше пример демонстрирует эффективность стратегии альянса, достигаемую за счет актуализации культурных знаний. Упоминание тридцатилетнего знакомства журналиста с президентом выступает инструментом легитимации в силу того, что личное свидетельство обладает в американской лингвокультуре значимостью, порой превалирующей над рациональной аргументацией. Специфика речевого поведения журналиста опирается на образ *self-made man*. Биография С. Хэннити также представляет путь от рядового сотрудника до влиятельного медиа-лидера и миллионера [195], что делает данную фигуру воплощением «американской мечты» [196]. В результате, стратегия альянса реализуется через соединение личного авторитета журналиста и ценностных установок аудитории при минимальном использовании агрессивной лексики.

Для Джо Байдена, чья публичная коммуникация более сдержанна и часто опирается на институциональные и культурные ценности, стратегия альянса реализуется через идеологическую составляющую вопросов. Например, интервью со Скоттом Пелли в программе «60 Minutes»:

Scott Pelley: Hard-right Republicans are obstructing the election of a speaker of the house. Does the dysfunction that we've seen in Congress increase the danger in the world?

Joe Biden: Yes. Look, this is not your father's Republican Party. Thirty percent of it's made up of these MAGA Republicans who are maybe— democracy is something I don't— they don't look at the same way you and I look at democracy (CBS News, от 15.10.2023).

Стратегия альянса со стороны журналиста проявляется в том, что С. Пелли фокусируется на «дисфункции» в Конгрессе, указывая на *Hard-right Republicans*. Констатация факта трансформируется в порицание. Выбор лексемы *dysfunction* определяет инфлуктив в адрес республиканцев, квалифицируя их действия как системный сбой. *Does the dysfunction... increase the danger in the world?*. Данный вопрос имплицитно навязывает аудитории вывод о вредоносности действий оппозиции. С. Пелли выступает в роли обеспокоенного гражданина, который разделяет ценности президента о необходимости стабильности перед лицом мировых угроз.

Реакция Дж. Байдена строится на тактике апелляции к общим ценностям, реализуемой через использование личных местоимений. Фраза *you and I* в сочетании со сферой знаний о демократии позволяет президенту исключить оппонентов из легитимного политического поля: происходит противопоставление «нас» как защитников ценностей и «их», MAGA-республиканцев. Идиоматичное метафорическое выражение *not your father's Republican Party* подчеркивает «чуждость» и «ненормальность» нынешних противников Дж. Байдена по сравнению с традиционными стандартами. Оппоненты репрезентируются как экстремистская угроза основам американской системы, что дает возможность политику легитимизировать свою атаку через апелляцию к ценности «общего блага», разделяемой журналистом и аудиторией.

Еще одним эффективным приемом, используемым в рамках стратегии альянса, является *лексический повтор*. Если обратиться к выделенным Р. Дули и С. Левинсоном специфическим параметрам анализа дискурса в формате интервью в сопоставлении устной и письменной форм (см. прил. Б), то здесь возможно сделать следующие замечания [197]:

– использование транскриптов в качестве основного материала накладывает определенные ограничения на сопоставительный анализ модусов дискурса: мы можем говорить лишь об особенностях восприятия, понимании коммуникантами передаваемых интенций, а также в некоторой степени о стилистике;

– ряд характерных приемов устного дискурса выигрышно воспринимается в структуре интервью в медиаформате в процессе живого общения, но в виде транскрипта воспринимается не всегда корректно.

Так, *лексический повтор*, характерный для устной речи, в транскрипте приобретает особую весомость. Если в живом общении подобный прием часто служит для эмоционального усиления, то на письме считывается как целенаправленное закрепление ключевого посыла. Например, диалог между президентом Д. Трампом и советником И. Маском:

Donald Trump: I could do the greatest things; I get 98-percent bad publicity... It's, like, the craziest thing.

Donald Trump: But you know what I have learned, Elon? The people are smart. They get it.

Senior Adviser Musk: Yes. They do, actually. Yes.

Donald Trump: They get it. They really see what's happening.

Senior Adviser Musk: Yes. (Fox News, от 14.02.2025).

Данный фрагмент представляет собой череду реплик, направленных на «коллективное» порицание, состоящее из четырех этапов. Первое высказывание задает деструктивный фон и представляет собой инфлуктив: *98-percent bad publicity*. Политический лидер не называет конкретных оппонентов, используя неопределенную референцию, что способствует созданию образа вездесущей «враждебной среды». Во втором – политик апеллирует к «здоровому смыслу» аудитории. Высказывание *The people are smart. They get it* содержит имплицитное порицание прессы: если народ видит правду, значит, СМИ её

намеренно скрывают. Третье высказывание: *тактика подтверждения* в реакции И. Маска *They do, actually. Yes* служит инструментом вторичной легитимации. Тройной повтор утвердительной частицы *yes* и наречия *actually* усиливает *стратегию альянса*. Четвертое: повтор фразы *They get it* окончательно фиксирует общую позицию участников, акцентируя превосходство над «лживыми СМИ».

В результате, с помощью чередования нанизывание реплик и лексических повторов участники диалога осуществляют делегитимацию всех противников политического курса Д. Трампа. Порицание здесь приобретает форму «борьбы за истину», где И. Маск и Д. Трамп создают для аудитории образ коллективного единства против «чужих» и «враждебных» элит. Эффект стратегии усиливается за счет «компетентной» аудитории, способной считывать имплицитные сигналы. Совместное порицание общего оппонента становится способом укрепления политических установок и трансформирует интервью в платформу для мобилизации лояльной базы.

Анализ стратегий имплицитного порицания в американском политическом интервью позволяет сделать следующие выводы. Выделенные конфронтационная модель и стратегия альянса представляют собой тактические альтернативы. Однако в контексте американского политического интервью данные стратегии становятся маркерами трансформации современной политической коммуникации, обусловленной медийной поляризацией.

В США наблюдается рост *медийной поляризации* [198-200]. Медиа-рынок разделился на идеологические ниши. Журналисты в данных нишах больше не стремятся к объективности в классическом понимании, а принимают на себя роль адвокатов или идеологических союзников своей аудитории и политических фигур. Следовательно, и альянс, и конфронтация позволяют политику и медийным союзникам эффективно мобилизовать свою аудиторию, дискредитируя оппозицию, минуя традиционную роль нейтрального медиатора.

Конфронтационная стратегия, примером которой служит интервью Лесли Шталь, отражает традиционный журналистский подход, нацеленный на вызов власти, однако ее неэффективность в поляризованной среде демонстрирует кризис универсально признанной медийной нейтральности. Напротив, успех *кооперативной стратегии* Шона Хэннити выявляет новую модель, в которой журналист выступает не как беспристрастный модератор, а как стратегический союзник. Интервью из инструмента информирования широкой аудитории трансформируется в платформу для мобилизации лояльной базы сторонников.

Необходимо отметить, что эффективность стратегии альянса основана на «компетентном» зрителе, способном декодировать имплицитные сигналы. Имплицитные сигналы служат для социальной маркировки выступая критерием доступа к смыслу, и способствуя идентификации *своего - чужого*, а совместное порицание общего оппонента становится способом укрепления уже существующих политических установок, превращает интервью в политическое шоу, разыгрываемое для своих.

3.4 Коммуникативные стратегии порицания в интернет-комментариях к политическому интервью

В современной медиалингвистике и теории дискурса утвердилось понимание того, что коммуникативное событие не ограничивается *первичным актом*. В полной мере данное утверждение относится и к политическому интервью, диалогическая структура которого не сводится исключительно к взаимодействию журналиста (SC 1) и спикера (SC 2). В условиях цифровой среды диалог трансформируется в комплексное трехстороннее коммуникативное событие, в котором *третьим субъектом (SC 3) выступает аудитория*, принимающая активную, а не пассивную роль. Коммуникативная ситуация политического интервью получает свое развитие на *посткоммуникативном* этапе, а именно в реакции пользователей, которая формирует *вторичный дискурс* и влияет на дальнейшую интерпретацию и оценку первичного события.

В настоящем разделе предметом анализа становятся коммуникативные стратегии порицания, используемые *третьим субъектом коммуникации*. Это позволит исследовать политическое интервью как целостное дискурсивное явление, включающее этап *ответной реакции (рецепции)*.

В нашем исследовании трехуровневая структура коммуникативных ролей была адаптирована на основе классической триады «адресант – адресат – участник – адресат-наблюдатель» и методологии И. А. Стернина [201]:

- SC 1 (Журналист): основной инициатор и говорящий в начале акта;
- SC 2 (Спикер): основной слушающий/отвечающий в диалоге;
- SC 3 (Аудитория): внешний, но ключевой реципиент всего акта.

В условиях цифрового медиaprостранства SC 3 рассматривается как *активная аудитория (интернет-комментаторы)*, поскольку только данная группа генерирует анализируемый вторичный дискурс на *посткоммуникативном* этапе, в отличие от пассивных телезрителей и студийной аудитории.

Параметрическая модель И. А. Стернина представляет особый интерес и составляет основу сопоставительного анализа американского и русского коммуникативного поведения [199, с. 39]. При этом категории аудитории и участников интервью рассматриваются с позиций целей коммуникации и специфики технических характеристик медиаформата. Следуя логике данного метода, мы предлагаем следующий алгоритм анализа, соответствующий специфике предмета нашего исследования, ориентируясь на категориально-параметрический подход (см. рис. 10).

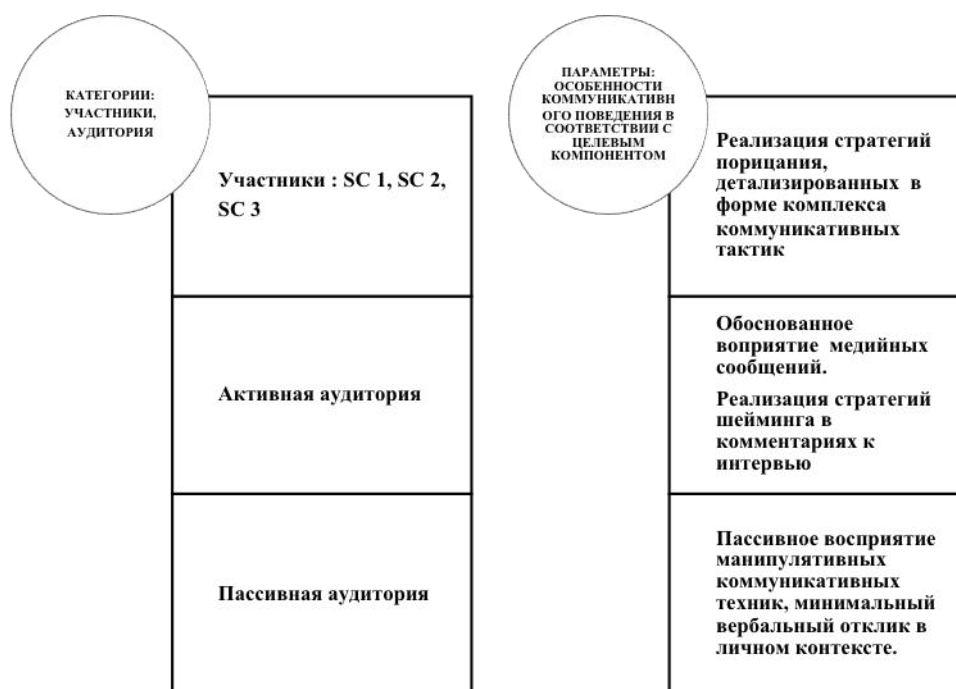

Рисунок 10 – Модель структурно-функционального взаимодействия субъектов политического интервью

Данная модель способствует дифференцированию стратегии порицания в зависимости от статуса субъекта: от институциональной критики интервьюера до аффективного шейминга массовой аудитории

Относя к категории SC 3 аудиторию, мы выделяем *активную часть*, которая вовлечена в обсуждение политического контента. Факторами, влияющими на интерпретацию медийного сообщения, могут являться: *происхождение, образование, убеждения, культурные ценности, моральные убеждения, жизненный опыт* [202]. Что касается остальной аудитории, она может либо пассивно воспринимать сообщения, либо проявлять минимальную активность в личном контексте.

Категория SC 3 неоднородна. Исследователи сетевого дискурса указывают на принципиальную неоднородность интернет-комментариев, выделяя, в частности, *аналитически ориентированные и эмоционально-экспрессивные типы* откликов, различающиеся по целям, характеру аргументации и степени аффективности [203]. В рамках настоящего исследования данные типы условно обозначаются как «*аналитики*» и «*шеймеры*».

В исследованиях дискурса неоднократно подчеркивается, что негативная оценка и вербальная агрессия выполняют санкционирующую и регулятивную функции в коммуникативном взаимодействии [204]. В интернет-дискурсе данные механизмы усиливаются за счет *анонимности и массовости коммуникации*, что приводит к активному использованию стратегий дискредитации, осуждения и социального давления в пользовательских комментариях, что соответствует проявлениям коммуникативного шейминга, описанного в современных исследованиях [205]. В политическом

медиадискурсе подобные формы негативной оценки соотносятся со стратегиями делегитимации публичных акторов, описанными в рамках критического дискурс-анализа [206].

Разграничение двух групп внутри категории (SC 3) было произведено на основе следующих вербальных маркеров:

1. Уровень аргументации и характер логических связей.
2. Лексический уровень и семантика ключевых слов.
3. Синтаксический уровень.
4. Характер речевого акта.

Лингвистическая специфика речевого поведения «аналитиков» и «шеймеров» прослеживается через призму их лексических, синтаксических и прагматических особенностей, обобщенных в таблице 13.

Таблица 13 – Рассмотрение двух групп внутри категории (SC 3) в разрезе языковых уровней

1. По уровню аргументации и характеру логических связей

Группа	Описание и маркеры	Примеры из текста
«Аналитики»	Демонстрируют имитацию рациональной аргументации. Высказывания строятся на попытке установить причинно-следственные связи, пусть и ложные (псевдоказуальные). Вербальные маркеры:	
	1. Апелляция к внешнему авторитету: Ссылки на документы, факты или общепринятые нормы.	Конституция: «tell us joe whats the constitution say about giving tens of billions of dollars of guns and military equipment to the taliban?»
	2. Использование конструкций со значением сопоставления и противопоставления: Сравнение действий (КС понижения статуса).	Сопоставление/Противопоставление : «And yet, him and his fellow Democrats are trying to do far worse than anything Trump did»
	3. Тактика «анализ-минус»: Негативная оценка является выводом из представленных (хоть и намеренно отобранных) фактов.	Вывод из фактов: «That interview was so cringe worthy even Kimmel had to suddenly take a commercial break when Brandon went rambling on about who knows what. It`s beyond sad it`s downright scary»
«Шеймеры»	Аргументация как таковая отсутствует. Логические связи заменяются эмоционально-ассоциативными.	
	1. Категоричные бездоказательные утверждения (ассертивы): Высказывание подается как аксиома, не требующая доказательств.	Ассертив (диагноз): «Typical dementia»
	2. Использование квантификаторов для усиления бездоказательности: Придает высказыванию псевдо научную достоверность.	Квантификатор: «100% It`s definitely dementia»
	3. Прямая апелляция к эмоциям: Акцент на эмоциональных, а не рациональных доводах (например, на чувстве стыда).	Эмоциональная апелляция: «Biden is our disgrace!», «There is only one shame.»

2. Лексический уровень и семантика ключевых слов

Группа	Описание и маркеры
«Аналитики»	Лексика с претензией на объективность и аналитичность, хотя и с явной негативной оценкой.
	1. Общественно-политическая лексика: <i>constitution, democrats, military equipment, enemy</i> .
	2. Оценочные прилагательные с обобщающим значением: <i>cringe worthy, sad scary</i> . <i>Оценка дается не столько личности, сколько ситуации в целом.</i>
	3. Глаголы ментальной деятельности: <i>tell us, analyze, interpret</i> .
«Шеймеры»	Преобладает экспрессивная, стилистически сниженная и прямая оценочная лексика.
	1. Прямые инвективы и стигматизирующая лексика: Слова, направленные на прямое оскорбление и приписывание негативного социального ярлыка (диагноз, порок) (<i>dementia, disgrace, shame, blind, deaf, and dumb</i>).
	2. Эмотивы: Лексика, прямо выражающая или вызывающая эмоции стыда, презрения, гнева (<i>shame, disgrace, jokes are over</i>).
	3. Бытовая лексика (в контексте стигматизации): Использование лексики для создания уничижительного образа (<i>nursing home, patient</i>).

3. Синтаксический уровень

Группа	Описание и маркеры
«Аналитики»	Тенденция к использованию более сложных и полных синтаксических конструкций, которые создают видимость логически выстроенного рассуждения.
«Шеймеры»	Характерны простые, эллиптические (неполные) и экспрессивные конструкции. Восклицательные предложения/Риторические вопросы: Прямое выражение эмоций и призыв к действию/ответу. (<i>Where is our real president?!</i>). Номинативные и неполные предложения: Краткость для усиления категоричности. (« <i>Typical dementia</i> », « <i>100% It's definitely dementia</i> »)

4. Прагматхарактер речевого акта

Группа	Описание
«Аналитики»	Косвенные речевые акты (РА): Интенция порицания реализуется через косвенные акты, замаскированные под запрос информации или аналитический вывод. Цель - дискредитировать и создать негативный образ политика через квази-анализ его действий. Порицание имплицитно («вытекает» из рассуждений).
«Шеймеры»	Прямые речевые акты (РА): Порицание выражено через эксплицитные речевые акты. Цель - оскорбить, унизить, осмеять (шейминг). Речевые акты оскорбления, упрека, прямого обвинения являются эксплицитными.

Таким образом, разграничение на две группы опирается на комплекс формальных вербальных признаков, которые отражают различия в коммуникативных стратегиях, целях и, как следствие, социокультурных характеристиках авторов комментариев. Выявленные речевые особенности служат инструментами для реализации двух различных макростратегий порицания. Первую, характерную для группы «аналитиков», мы определяем как *стратегию аргументативного порицания*, основанную на имитации критического анализа и дискредитации через квази-логические построения. Вторую, используемую группой «шеймеров», - как *стратегию прямого обвинения*, опирающуюся на прямое оскорбление, осмеяние и эмоциональное давление.

Анализ социокультурной обусловленности стратегий порицания в речевом поведении третьего субъекта (SC 3) сосредоточен на комментариях рядовых пользователей цифровых платформ. В категории SC 3 можно схематически выделить три основные группы: *специалисты* (политики, политологи), *люди, обладающие минимумом компетенций* в данной области, и *обыватели или непрофессиональный сегмент аудитории*.

Первая категория представлена *авторами комментариев, размещаемых в качестве отдельных аналитических материалов*; коммуникативные стратегии и тактики данной категории аналогичны тем, которые применяются политологами как теоретиками и политиками как практиками. Вследствие данного сходства рассмотрение их представляется излишним.

Вторая группа представлена *авторами, размещающими свои комментарии с неравномерной систематичностью*, пытающимися аргументировать собственную точку зрения, а также выразить в некоторой степени реакцию той части аудитории, которая может считаться целевой, так как поддается манипулированию на основе успешной коммуникации, реализованной в процессе реализации политического дискурса, в том числе интервью.

Аргументативное порицание реализуется пользователями, которые, несмотря на неравномерную систематичность комментирования, стремятся к аргументации и пытаются обосновать свою точку зрения. Субъекты обладают минимумом компетенций в политической области и выражают реакцию части целевой аудитории, потенциально поддающейся манипулированию. В отличие от малообразованной массы, для них характерен выбор относительно сложных тактик, имитирующих аналитический подход.

Из фокуса нашего исследования намеренно исключаются профессиональные обозреватели и политологи, чьи коммуникативные тактики в значительной степени дублируют инструментарий основных участников интервью (SC 1 и SC 2). В центре внимания находится специфический тип *«сетевой коммуникативной личности»*, сформированной в условиях современных медиатехнологий. Для данного типа субъектов характерна установка на публичную вербализацию личного мнения, зачастую отличающегося высокой степенью пристрастности и отсутствием профессиональной компетенции в обсуждаемой сфере. Специфические признаки подобного типа речевого поведения репрезентированы в ряде характерных примеров.

Рассмотрим некоторые примеры комментариев к интервью Дж. Байдена Джимми Киммелу в ночном шоу на канале ABC 8 июня 2022 г. [207]. В интервью речь шла о проблемах инцидентов со стрельбой в школах, были затронуты темы инфляции, цен на топливо. Общая атмосфера в студии не соответствовала институциональному формату интервью; беседа постоянно прерывается рекламой, в студии присутствуют супруга президента, его внука, приглашенный гость. Постоянные шутки и смех создавали впечатление шоу, а не интервью на политическую тему. Соответственно, содержание комментариев, хотя и не содержало выраженных элементов *шейминга*, было

обусловлено интенцией порицания. Анализ комментариев оформлен в виде таблицы 14.

Таблица 14 – Аспекты репрезентации стратегий и тактик порицания в комментариях к интервью Дж. Байдена Д. Киммелу [208]

Примеры	Корреляция коммуникативных стратегий (КС) порицания с социокультурными факторами (СКФ)
John 3y ago tell us joe whats the constitution say about giving tens of billions of dollars of guns and military equipment to the taliban? our actual enemy ¹ .	КС дискредитации оппонента опирается на постулирование авторитетного мнения – в данном случае авторитетного источника (Конституция) в рамках тактики подбора и интерпретации информации. Основой стратегии в структуре СКФ является политический фактор. Введение такой риторической фигуры как апострофа (обращение к отсутствующему лицу) служит целям усиления РА порицания.
Gregg 3y ago And yet, him and his fellow Democrats are trying to do far worse than anything Trump did.	КС «Игры на понижение» реализована на основе коммуникативной тактики (КТ) «анализ-минус». В структуре СКФ ведущую роль сыграл политический фактор: вероятно, автор является сторонником республиканцев; во всяком случае, не симпатизирует демократам.
charlie p 3y ago	КС «Стратегия игры на понижение» реализуется посредством КТ создания негативного образа, подбора информации и ее обработка в соответствующем ключе. Интенция порицания
That interview was so cringe worthy even Kimmel had to suddenly take a commercial break when Brandon went rambling on about who knows what. It's beyond sad it's downright scary.	выражена эксплицитно: «That interview was so cringe worthy...»; «Brandon went rambling on about who knows what...». Усиление эффекта достигается введением оценочных прилагательных (scary, sad) и использованием стилистически сниженной лексики интернет-сленга (cringe worthy) Brandon в американском политическом контексте является эвфемизмом для оскорбления Дж. Байдена, т. е. использование данной номинации само по себе является дискредитирующим. Из комплекса СКФ можно отметить культурный фактор, включающий оценку менеджмента медиавещания.

Данные таблицы 14 позволяют сформулировать некоторые обобщения:

- в структуре СКФ преобладает политический фактор;
- в числе стратегий порицания превалирует понижение статуса, которая реализуется посредством тактик «анализ-минус», подбора и обработки информации, путем введения риторических конструкций, оценочной лексики;
- речевые акты порицания, использованные авторами данных комментариев, представляют собой критический контент, в котором стратегии и тактики порицания выражены достаточно эффективно.

Итак, для данной группы характерно более структурированное порицание, которое опирается преимущественно на политические и культурные факторы.

Интенция порицания, лежащая в основе коммуникации, не всегда требует аналитической или квази-аналитической реализации. Порицание может быть

выражено через иные, менее сложные, стратегии, которые, однако, оказываются весьма эффективными в своей среде.

В составе категории SC 3 выделяется сегмент интернет-пользователей, ориентированных на реализацию *стратегий шейминга*. В рамках данного подхода доминирующей выступает стратегия солидаризации: трансляция негативных оценок осуществляется через насмешку, упрек или инвективы, что служит инструментом консолидации единомышленников. Основным форматом объективации подобных интенций выступает *интернет-комментарий* – текст реакции, адресованный политическому деятелю или событию. Анализируемые высказывания зачастую характеризуются выраженной лексико-синтаксической редукцией, нарушением логических связей и отсутствием стилистической выверенности. Подобная специфика служит эмпирическим подтверждением гипотезы о детерминирующем влиянии социокультурного профиля субъекта на выбор тактик порицания.

Приведем ряд примеров, комментирующих поведение Дж. Байдена, сгруппировав их в форме таблицы 15.

Таблица 15 – Корреляция стратегий шейминга и стратегий порицания в комментариях пользователей [208]

Примеры	Стратегии шейминга / корреляция со стратегиями порицания
1	2
«MK1985UK Someone needs to call the nursing home and find out if they've lost a patient there. I think I've found it».	Позиционирующая стратегия, реализуется посредством насмешек, упреков, назиданий. Косвенное порицание, выраженное в тактике иронии. Логическим основанием является соотношение создаваемых отрицательных коннотаций: дом престарелых – потерянный пациент – персона найдена.
Toto4 Typical dementia.	Дискредитирующая стратегия шейминга: реализуется посредством категоричного высказывания. Стратегия порицания отражена в тактике оскорбления, выраженного в безличной форме: бехабитив.
Peter44 I can't believe that so many voters voted for him. I just don't believe it! The election was clearly stolen!	Оценивающая стратегия шейминга: демонстрация адресату своего отношения к нему. Стратегия «игры на понижение» в форме тактики обличения; синтаксически выражена в восклицательных предложениях; использован троп в виде олицетворения «выборы... украли».
Cricket0033 Let all those who persuade him to run again be ashamed.	Оценивающая стратегия шейминга; реализована посредством побудительной конструкции (Let all those). стратегия «игры на понижение»; применение тактики безличного обвинения.
DMsucks24 Well, America? The jokes are over! Where is our real president?!	Оценивающая стратегия шейминга реализована посредством риторических вопросов и восклицаний. Стратегия порицания реализована посредством тактики упрека, на основе олицетворения (Well, America?).
david1960 100%. It's definitely dementia.	Оценивающая стратегия шейминга реализуется категорическим бездоказательным высказыванием. Усилительная тактика стратегии косвенного порицания основана на использовании квантификатора (100%).

Продолжение таблицы 15

1	2
LibsRPsychotic Biden is our disgrace!	Позиционирующая стратегия шейминга основана на кооперации; реализована посредством введения эмотива. Коммуникативная стратегия порицания реализуется в прямой форме посредством тактики оскорбления, выраженного посредством введения констатива (our disgrace).
Baz 54 This man is a disgrace to America!	В данном примере порицание носит косвенный характер.
Queen D There's nothing sad about it. There is only one shame. I should be ashamed of Biden himself, his family, and our	Объясняющая стратегия шейминга направлена на разъяснение своего порицания, это своего рода констатация; реализуется посредством эмотивной лексики.
country for allowing all this to happen over and over again! After all, it's all dangerous!	Коммуникативная стратегия «игры на понижение» реализуется посредством тактики обличения путем ключевого слова <i>shame / стыд</i> .
Dark Zer0 By definition, being a Democrat means being blind, deaf, and dumb!	Позиционная стратегия шейминга реализуется посредством насмешки, основанной на распространении качеств лидера на всю демократическую партию. Коммуникативная стратегия дискредитации реализуется путем создания негативного образа (в данном случае членов демократической партии).

Таким образом, для данной группы характерны *тактики прямого оскорбления, насмешки и бездоказательных категоричных обвинений*. Речевые акты порицания реализуются через эмотивную лексику, восклицания, риторические вопросы и безличные формы обвинения. Их прагматическая функция направлена не на убеждение оппонента или анализ фактов, а эмоциональное воздействие и консолидация «своих». Как показывает сопоставление, оба набора стратегий (*аргументативное порицание и шейминг*) реализуют схожую интенцию, но выбор конкретной стратегии напрямую детерминирован социокультурными характеристиками коммуникативной личности.

Основу данного влияния составляют качественные характеристики коммуникативной личности, которая становится одним из участников интервью в соответствии с отнесением к одной из трех категорий участников коммуникации (SC). Особенности формируются и развиваются в процессе приобретения субъектами коммуникации жизненного и профессионального опыта в соответствии с совокупностью социальных и культурных условий, определяющих менталитет, коммуникативное поведение, личностные характеристики, в частности: воспитание, образование, религия, история, культура, социальная организация, политические, технические условия и медиатехнологии.

В зависимости от уровня воздействия социокультурных факторов коммуникативной личности субъектов коммуникации можно условно разделить на категории:

- SC 1 (высокий уровень): в интервью это журналисты-политологи, ведущие новостных программ;

- SC 2 (высокий уровень) представлен приглашенными (интервьюируемыми): в интервью их именуют спикерами. Высокий уровень последних обусловлен институциональным статусом и профессионально-стратегическим характером коммуникации;

- SC 3 (уровень средний и ниже): авторы комментариев к опубликованным материалам.

Данная дифференциация выступает в качестве модели, основанной на выявленных лингвопрагматических различиях - уровне аргументации, выборе лексики и характере речевых актов - и является рабочим инструментом для решения задач настоящего исследования. Практическая реализация каждой модели демонстрируется ниже.

Завершающий этап функционирования стратегий порицания проявляется в посткоммуникативной фазе, когда установленные лидерами векторы порицания распространяются и модифицируются в комментариях массовой аудитории. На текущем этапе наблюдается тенденция упрощения и радикализации исходных стратегий: пользователи активно воспроизводят механизмы дискредитации и «игры на понижение», при этом особое внимание уделяется внешнему виду, мимике и действиям политиков. Отличительной чертой речевого инструментария аудитории (SC 3) становится высокая частотность негативно окрашенной лексики и максимальная эксплицитность выражения порицания.

Рассмотрим пример, демонстрирующий применение коммуникативной стратегии порицания в репликах блогера, регулярно и целенаправленно создающего контент, заинтересованного в том, чтобы он был интересен пользователям. К примеру, К. Лайла разместила следующий комментарий к интервью Дж. Байдена Скотту Пелли, ведущему программы «60 minutes», 15 октября 2023 г. [209]:

“As we spoke to the president, his secretary of state was in Israel, his secretary of defense was in a NATO meeting on Ukraine. America’s oldest president seemed tired from directing all of this,” Pelley said.

“Are you sure that you want to run again?” Pelley asked Biden.

Biden didn’t even mention the American people.

“Yes, because I’m sure — look, when I ran I said the world is at an inflection point. The world’s changing — Imagine if we were able to succeed in getting the Middle East put in place where we have normalization and relations. I think we can do that. Imagine what happens if we unite all of Europe and Putin is finally put down where he cannot cause the trouble he has been causing,” Biden said.

WATCH: Meanwhile, Americans are suffering because of Bidenomics.

Inflation is still high, and grocery prices are soaring.

Meanwhile, Joe Biden is prioritizing foreign countries.

Данный блог представляет собой пример изложения продуманного и логически обоснованного мнения. Сосредоточившись на одном аспекте темы обсуждения о том, что Дж. Байден игнорирует национальные интересы американцев, автор последовательно приводит аргументы и делает выводы, в которых наблюдается порицание. В примерее прослеживается, как порицание, заданное журналистом (SC 1), подхватывается и трансформируется представителем аудитории (SC 3). В интервью ведущий С. Пелли активизирует *морально-этический вектор порицания*, намекая на физическую немощность Дж. Байдена (*seemed tired*) и смещение приоритетов. Блогер К. Лайла воспроизводит этот вектор, но подвергает упрощению. Сложные геополитические рассуждения президента о «точке перегиба», нормализации отношений в мире блогер сводит к жесткой бинарной оппозиции: зарубежные страны и американский народ.

Также мы наблюдаем трансформацию *стратегии понижения статуса в прямую дискредитацию*. Если журналист лишь намекает на несоответствие действий президента ситуации, то блогер использует пейоратив *Bidenomics*, которая превращает высказывание в инфлуктив: данный ярлык символизирует экономический провал. Введение в высказывание эмотивной лексики с высокой степенью интенсивности *Americans are suffering, prices are soaring* радикализирует порицательный посыл. Порицание здесь строится на трансформации ценностей: Дж. Байден говорит о спасении мира, но аудитория обвиняет его в «предательстве семьи», используя ценность заботы о людях против него самого. Высказывание *Joe Biden is prioritizing foreign countries* представляет собой констатацию факта, но иллюкутивная сила данного речевого хода – обвинение в отсутствии патриотизма. В результате, на посткоммуникативном этапе происходит сжатие многопланового диалога институциональных участников (журналиста и президента) в однозначное и агрессивное утверждение, где инфлуктив приобретает характер безапелляционного заключения.

Если в примере с Дж. Байденом блогер-представитель аудитории реплицирует морально-этический вектор (обвиняя в «незаботе» и слабости), то в комментариях после интервью с Д. Трампом наблюдается чаще развитие юридическо-фактологического вектора порицания.

Результаты синтеза социокультурных и лингвистических характеристик порицания на посткоммуникативном этапе обобщены в таблице 16.

Таблица 16 – Объективация стратегий и тактик порицания на посткоммуникативном этапе (анализ комментария в социальных сетях)

Экстралингвистические факторы	Стратегии и тактики порицания	Лингвистические средства		
		Лексико-семантические	Грамматические	Стилистические
1	2	3	4	5

Продолжение таблицы 16

1	2	3	4	5
Члены администрации Дж. Байдена озабочены ситуацией в зарубежных странах.	Стратегия дискредитации реализуется посредством тактик: -логической аргументации, -подбора информации и ее интерпретации в необходимом свете, -создания негативного образа. Вывод, к которому приходит блогер: <i>Joe Biden is prioritizing foreign countries.</i>	Использование просторечной лексики: <i>Bidenomics</i> несет отрицательную коннотацию. Ключевое слово <i>Americans (American people)</i> создает контраст упоминаемым интервьюируемыми ЛЕ: <i>the world, Europe, Middle East.</i> Наряду с просторечием используются финансовые термины: <i>Inflation, grocery prices.</i>	<i>Inflation is still high, and grocery prices are soaring.</i> Конструкция сложносочиненного предложения с использованием сочинительного союза <i>and</i> , подчеркивает множественность внутренних проблем.	Повтор, антитеза: <i>Meanwhile, Americans are suffering because of Bidenomics. Meanwhile, Joe Biden is prioritizing foreign countries.</i>

Если в примере с Дж. Байденом блогер-представитель аудитории реплицирует морально-этический вектор обвинения, указывая на «отсутствие заботы» и слабость, то в комментариях после интервью с Д. Трампом чаще наблюдается развитие юридическо-фактологического вектора порицания. Например, реакция аудитории на интервью Д. Трампа (Fox News, от 18. 02. 2025 и CBS News, от 02.11.2025) демонстрирует воспроизводство и радикализацию юридическо-фактологического вектора. В отличие от морально-этического осуждения Дж. Байдена, критика в примере сфокусирована на категориях достоверности, правового статуса и фактического доминирования.

Так, в комментарии *Trump is flat-out lying... He tells lies that his followers WANT to believe* наблюдается радикализация фактчекинга [210]. Если в своей реплике интервьюер вежливо указывает на неточность, то пользователь (SC 3) использует прямой инфлуктив, обвиняя политика во лжи. Порицание опирается на критерий ложности фактов, что является развитием юридического вектора. Пользователь применяет тактику обличения.

Другая группа комментариев к интервью с И. Маском [211, 212, 213] осуществляется посредством *понижения статуса* через анализ фактического распределения власти. Фраза *Donny doesn't understand he is only the president in title* является инфлуктивом. Использование лексемы *steamroll* и метафоры *sidelined* превращает описание коммуникативной ситуации в доказательство профессиональной несостоятельности политика. Порицание рационализируется: интернет-комментатор оценивает не мораль, а «факт» поражения Трампа в споре с Маском. В комментарии *the way it was edited made him look bad*, порицание направлено на институт медиа, но через призму искажения фактов. Пользователь апеллирует к «неотредактированной версии» как к источнику

истины. Такой прием подтверждает, что в рамках юридическо-фактологического вектора аудитория признает значимым не эмпатию, а объективную реальность.

Резюмируя отметим, что стратегии порицания получают развитие в речевых практиках третьего участника коммуникации. Аудитория заимствует у политиков алгоритмы делегитимации, например, тактику «анализ-минус» или апелляцию к ценностям, но лишает их институциональной сдержанности. В результате этический вектор Дж. Байдена в высказываниях критиков превращается в вердикт о его некомпетентности, а агрессивный вектор Д. Трампа в речи сторонников – в открытый шейминг оппонентов.

Выводы по третьему разделу

Сравнительно-сопоставительный анализ функционирования стратегий порицания в репликах Дж. Байдена, Д. Трампа и сопутствующих субъектов коммуникации - журналистов, интернет-комментаторов позволил установить следующие закономерности.

Социокультурная оппозиция моделей «Строгий отец» и «Заботливый родитель» функционирует как прогностическая матрица, детерминирующая речевое поведение политиков в ситуации политического интервью, обуславливая вектор стратегии порицания, позволяя прогнозировать реакцию политика на конфликтные стимулы: от выбора тематики до конкретных тактических ходов.

В репликах Дж. Байдена реализуется вектор этической делегитимации, а именно, стратегия осуждения. Порицание строится на апелляции к нарушению моральных норм и ценностей, используются тактики упрека, сомнения, целью которых является идеологическая дискредитация оппонента как угрозы демократическим институтам. В высказываниях Д. Трампа доминирует вектор личностной дискредитации и стратегия понижения статуса. Порицание носит агрессивный, лично-ориентированный характер, частотны тактики прямого обвинения, инвективы, что направлено на утверждение собственной силы и некомпетентности соперника.

Реализация стратегии порицания синергетически взаимодействует со стратегией самопрезентации. Негативная оценка оппонента формируется через конструирование идеализированного образа «своего», компетентного лидера, защитника нации, и служит фоном для усиления недостатков «чужого». Порицание выступает инструментом легитимации собственной политической позиции.

Журналист, как второй субъект интервью, адаптирует свои стратегии под идеологический профиль респондента. С Дж. Байденом, представителем либералов, в речевом поведении журналиста преобладают тактики критики и упрека, наблюдается низкая частотность тактик обвинения, акцентируется несоответствие действий заявленным целям. В интервью с представителем консерваторов Д. Трампом реплики журналистов отличаются тактиками обвинения и обличения, нацелены на дискредитацию, акцентируется правовая ответственность. В целом лингвопрагматический инструментарий журналистов

направлен на инициирование конфликтной повестки, что выражается в частотности прямых вопросов, отсылок к негативным фактам и реалиям, использовании лексики с отрицательной коннотацией и антитез, что способствует созданию критического контекста коммуникации и давлению на собеседника.

Анализ интернет-комментариев к политическим интервью подтверждает существование механизма диффузии стратегий порицания. На посткоммуникативном этапе активная аудитория воспроизводит заданные политическими лидерами аксиологические векторы, подвергая их упрощению и радикализации. Выделяются две группы интернет-комментаторов:

– «аналитики», которые воспроизводят стратегию аргументативного порицания, апеллируя к фактам, документам, правовым нормам;

– «шеймеры», реализующие стратегию прямого обвинения, используя инвективы и эмоциональное давление без доказательной базы.

Сравнительно-сопоставительный анализ выявил индивидуально-стилистические различия в лингвистических средствах реализации порицания. Для идиостиля Д. Трампа, ориентированного на личностную дискредитацию, характерно использование прямых инвективов, гиперболизации, лексических повторов и условных конструкций, создающих альтернативную реальность. Для идиостиля Дж. Байдена, нацеленного на ценностную делегитимацию, типично использование оценочной и эмотивной лексики, отсылающей к ценностям эмпатии, коллективного и семейного опыта, а также темпоральных придаточных конструкций.

Эмпирически подтверждено, что универсальным механизмом реализации порицания для всех участников интервью выступает инфлуктив, образующийся посредством функциональной транспозиции. Формально нейтральные констативы наделяются иллюкутивной силой обвинения. Реализация инфлуктивов порицания обеспечивается синергией вербальных и невербальных средств. В идиостиле Д. Трампа порицание опирается на условные конструкции, формирующие «альтернативную реальность», и лексические повторы. На просодическом уровне это выражается в стаккатном ритме, повышении громкости за счет повторов и акцентированных паузах, что усиливает коммуникативное давление. В идиостиле Дж. Байдена порицание реализуется через ритмическую сбалансированность и хезитацию, использование придыханий, снижение темпа речи, что позволяет создать эффект «искреннего переживания» и выразить негативную оценку в форме доверительного, но строгого морального наставления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Диссертационное исследование, посвященное анализу коммуникативных стратегий порицания в дискурсе американского политического интервью, позволяет сформулировать следующие теоретические и практические выводы.

Современное политическое интервью представляет собой гибридный институциональный жанр. Специфика американской лингвокультуры, характеризующаяся высокой агональностью и идеологической поляризацией, трансформирует интервью из инструмента информирования в арену борьбы за интерпретацию реальности. В данном контексте *порицание* перестает быть спонтанной эмоциональной реакцией и приобретает статус коммуникативной макростратегии – рационального, иерархически организованного плана речевого поведения, целью которой становится делегитимация политического оппонента.

Анализ коммуникативных стратегий порицания политического интервью проведен на основе разработанной в диссертации интегрированной модели, в которой синтезированы эвристики когнитивной лингвистики, прагматики и критического подхода. Данная модель позволила рассматривать реализацию стратегии порицания как многоуровневый процесс: от глубинных социокультурных установок (макроуровень идеологии) через тактическое планирование (мезоуровень) к конкретному речевому оформлению (микроуровень).

Стратегии порицания реализуют полярные векторы политической делегитимации. Стратегии обвинения и понижения статуса формируют юридическо-фактологический вектор, опираясь на апелляцию к закону, нормативам и профессиональной компетентности. Тактики прямого обвинения, обличения, оскорбления трансформируют политический диалог в публичный «судебный» вердикт. Стратегии осуждения и дискредитации формируют морально-этический вектор и имплицитные тактики упрека, иронии, намека. Делегитимация противника осуществляется без обвинений в нарушении институциональных норм, но путем указания на несоответствие оппонента базовым общественным ценностям и моральным ожиданиям аудитории.

Разработанная и апробированная на обширном эмпирическом материале интегрированная модель анализа позволила установить, что актуализация порицания в политическом интервью обеспечивается механизмом функциональной транспозиции. Субъекты коммуникации наделяют формально нейтральные констативы иллокутивной силой инфлюктива, что позволяет осуществлять делегитимацию оппонента под видом высказываний об объективных фактах. Вспомогательные стратегии, такие как самопрезентация и уклонение, в структуре интервью приобретают наступательный характер, служа фоном для усиления негативной оценки оппонента.

Сравнительный анализ речевого поведения Дж. Байдена и Д. Трампа позволил выявить индивидуально-стилистическую специфику реализации стратегий порицания с полярными векторами делегитимации оппонента.

Агонально-прагматический идиостиль Д. Трампа формирует юридическо-фактологический вектор порицания, нацеленный на личностную дискредитацию. Данная особенность реализуется в специфическом комплексе средств. Политик использует прямые инвективы, гиперболизацию, условные конструкции и лексику философско-прагматического спектра. На просодическом уровне этот инструментарий включает стаккатный ритм, повышение громкости и акцентированные паузы, трансформирующие порицание в безапелляционный вердикт. Формирование подобного речевого поведения прогностически детерминировано базовыми установками консервативной когнитивной модели «Строгого отца».

Нормативно-этический идиостиль Дж. Байдена реализует морально-этический вектор, направленный на ценностную делегитимацию противника. Порицание здесь объективируется через тактики упрека, косвенного осуждения и использование социологически маркированной эмотивной лексики (эмпатия, коллективная ответственность). Просодически такой стиль опирается на ритмический баланс, хезитационные маркеры и придыхания, что придает порицанию форму строгого морального наставления. Данный тактический инструментарий является проекцией либеральной когнитивной модели «Заботливого родителя».

В американской медиасреде институциональная роль журналиста трансформируется от нейтрального модератора к активному политическому актору. В зависимости от идеологического профиля собеседника журналист реализует либо стратегию конфронтации, используя тактики обличения и коммуникативные импликатуры для принуждения оппонента к оправданию, либо стратегию альянса для кооперативного взаимодействия, перенаправления порицания на «внешних врагов» и политических противников, превращая интервью в инструмент мобилизации электората.

Анализ посткоммуникативного этапа интервью выявил эффект диффузии и радикализации стратегий порицания в интернет-комментариях. Активная аудитория воспроизводит заданные лидерами аксиологические векторы, лишая негативную оценку институциональной сдержанности. Выделены два типа реактивных стратегий:

- группа «аналитиков» имитирует экспертный дискурс, используя псевдорациональную аргументацию;
- группа «шеймеров» реализует аффективную дискредитацию, прибегая к прямой вербальной агрессии.

Таким образом, в современном американском политическом интервью коммуникативные стратегии порицания эволюционировали из инструмента этической регуляции в сложный лингвопрагматический механизм идеологической борьбы. Синергия вербальных и паралингвистических средств порицания позволяет политическим акторам конструировать образ «врага» и формировать у аудитории недоверие к альтернативным точкам зрения.

Перспективы исследования связаны с расширением сравнительной базы за счет анализа политического интервью в других лингвокультурах, включая изучение мультимодальных аспектов порицания в видеоформатах

политической коммуникации. Научный интерес представляет выявление гендерной специфики реализации порицания в интервью с женщинами-политиками или трансформации данных стратегий в других агональных жанрах, в частности, в предвыборных теледебатах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Harris Z.S. Discourse analysis // The structure of language: Readings in the philosophy of language. – Englewood Cliffs, 1952. – Vol. 28, № 1. – P. 1–30.
- 2 Соссюр де Ф. Труды по языкознанию / пер. с франц. А.А. Холодовича. – М.: Прогресс, 1977. – 696 с.
- 3 Скребцова Т.Г. Лингвистика дискурса: структура, семантика, прагматика. Курс лекций. – М.: Издательский дом ЯСК, 2020. – 312 с.
- 4 Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ.; сост. В.В. Петрова; под ред. В.И. Герасимова; вступ. ст. Ю.Н. Караулова, В.В. Петрова. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
- 5 Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 34–47.
- 6 Бенвенист Э. Общая лингвистика / под ред., с вступ. статьей и коммент. Ю.С. Степанова. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
- 7 Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 331 с.
- 8 Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / пер. с нем. яз.; под ред. и с предисл. Г.В. Рамишвили. – 2-е изд. – М.: Прогресс, 2000. – 396 с.
- 9 Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»: сб. ст. / пер. с англ., франц., нем. и др. яз.; под ред. М.Я. Полякова, В.П. Мурат. – М.: Прогресс, 1975. – С. 193–230.
- 10 Halliday M. An Introduction to Functional Grammar. – London: Edward Arnold, 1985. – 384 p.
- 11 Van Dijk T.A. Text and Context: Explorations in the Semantics and Pragmatics of Discourse. – London, New York: Longman, 1977. – 261 p.
- 12 Van Dijk T.A. Studies in the Pragmatics of Discourse Text. – The Hague: Mouton, 1981. – 331 p.
- 13 Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 895 с.
- 14 Gumperz J.J., Hymes D.H. Directions in sociolinguistics: The ethnography of communication. – New York: Holt, Rinehart and Winston, 1972. – 598 p.
- 15 Gumperz J.J. Discourse Strategies. – Cambridge: Cambridge University Press, 1982. – 225 p.
- 16 Grice P. Logic and conversation // Speech acts / P. Cole, J.L. Morgan, eds. – N.Y.: Acad. Press, 1975. – P. 41–58.
- 17 Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – М.: Прогресс, 1977. – 405 с.
- 18 Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М.: Ad Marginem, 1999. – 476 с.
- 19 Fairclough N. Media Discourse. – London: Edward Arnold, 1995. – 224 p.
- 20 Wodak R. Critical linguistics and critical discourse analysis. – Amsterdam: Benjamins, 2006. – 140 p.

- 21 Van Dijk T.A., Kintsch W. *Strategies of Discourse Comprehension*. – New York: Academic Press, 1983. – 418 p.
- 22 Fillmore C.J., Kay P., O'Connor M.K. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: the case of let alone // *Language*. – 1988. – Vol. 64, № 3. – P. 501–538.
- 23 Van Dijk T.A. *Discourse, Context and Cognition* // *Discourse Studies*. – 2006. – 8(1). – P. 159–177.
- 24 Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 237 p.
- 25 Fillmore C.J. An Alternative to Checklist Theories of Meaning // *Proceedings of the First Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. – Berkeley, 1975. – P. 123–131.
- 26 Леонтьев А.А. *Психология общения*. – М.: Просвещение, 1979. – 368 с.
- 27 Schiffrin D. *Approaches to Discourse*. – Oxford: Blackwell Publishers, 1994. – P. 39–41.
- 28 Иманбаева А.А. *Политическая коммуникация как фактор развития информационного общества в Республике Казахстан: дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02*. – Алматы, 2010. – 135 с.
- 29 Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. *Парламентские дебаты: традиции и новации. Советский политический язык: (от ритуала к метафоре)*. – М.: Знание, 1991. – 41 с.
- 30 Желтухина М.Р. *Комическое в политическом дискурсе (на материале немецкого и русского языков): дис. ... канд. филол. наук*. – Волгоград, 2000. – 250 с.
- 31 Чудинов А.П. *Политическая лингвистика: учебное пособие*. – 4-е изд. – М.: Флинта, 2006. – 254 с.
- 32 Шейгал Е.И. *Семиотика политического дискурса*. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 431 с.
- 33 Сорокин Ю.А. *Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации / отв. ред. С.Ю. Пискорская, Ю.А. Сорокин*. – М.: Наука, 1997. – С. 56–66.
- 34 Шмитт К. *Понятие политического: сборник / Карл Шмитт; пер. с немецкого под ред. А.Ф. Филиппова*. – СПб.: Наука, 2016. – 567 с.
- 35 Ван Дейк Т.А. *Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. Е.А. Кожемякина, Е.В. Переверзева, А.М. Аматава*. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 344 с.
- 36 Lakoff G. *Don't Think of an Elephant!: Know Your Values and Frame the Debate*. – White River Junction, VT: Chelsea Green Publishing, 2004. – 152 p.
- 37 Виниченко Л.Г., Петрова Е.И. *Реализация стратегии уклонения от ответа на материале политических интервью канцлера Германии Олафа Шольца // Политическая лингвистика*. – 2024. – № 5 (107). – С. 58–66.
- 38 Маслова В.А. *Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? // Политическая лингвистика*. – 2008. – № 1. – С. 43–48.
- 39 Слышкин Г.Г. *От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе*. – М.: Academia, 2000. – 128 с.

- 40 Ахатова Б.А. Политический дискурс и языковое сознание: монография. – Алматы: Экономика, 2006. – 302 с.
- 41 Хомский Н., Герман Э.С. Производство согласия: политическая экономия массмедиа / пер. с англ. П.В. Масловский. – М.: Идея-Пресс, 2012. – 368 с.
- 42 Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
- 43 Аманбаева А.Ж. Политический дискурс: просодические особенности и прагматическая деятельность // Тілтаным. – 2020. – № 1. – С. 36–41.
- 44 Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. – Волгоград: Перемена, 1997. – С. 139–225.
- 45 Van Dijk T.A. Ideology: A Multidisciplinary Approach. – London: SAGE Publications Ltd., 1998. – 384 p.
- 46 Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Ин-т языкознания РАН, Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград: Перемена, 2000. – 368 с.
- 47 Пилюгина Е.В. Дискурс в политике и политика как дискурс: актуальные резонансы социального бытия постмодерна // Евразийский журнал региональных и политических исследований. – 2013. – № 23 (314). – С. 45–48.
- 48 Ергалиева С.Ж. Политический дискурс в текстодериватологическом аспекте: на материале российских и казахстанских интернет-сайтов: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Кемерово, 2018. – 274 с.
- 49 Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. – Москва, 1996. – 32 с.
- 50 Паршин П.Б. Лингвистические методы в концептуальной реконструкции // Системные исследования. Ежегодник 1986. – М., 1987. – С. 398–425.
- 51 Wodak R. The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual. – New York: Palgrave Macmillan/Springer, 2009. – 252 p.
- 52 Wodak R. The Politics of Fear: The Shameless Normalization of Far-Right Discourse / 2nd ed. – Los Angeles, London, New Delhi, Singapore, Washington: Sage, 2021. – 328 p.
- 53 Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5–20.
- 54 Fetzer A., Weizman E. Political Discourse as Mediated and Public Discourse // Journal of Pragmatics. – 2006. – Vol. 38, Issue 1. – P. 143–153.
- 55 Ислам А., Бейсебаева А.М. Сравнительный анализ политического и дипломатического дискурса // Вестник Евразийского гуманитарного института. – 2025. – № 2. – С. 51–59. DOI: 10.55808/1999-4214.2025-2.06.
- 56 Романенко О.А. Политическое интервью: структурно-семантические и прагматические особенности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2017. – Т. 16, № 3. – С. 68–74.

- 57 Чащина А.В. Политическое интервью как особый жанр политического дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 13 (304). – С. 61–63.
- 58 Лавринова Н.И. Textoобразующие характеристики политического интервью // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2009. – С. 68–72.
- 59 Roulin N., Chernomord A.S.O., et al. The discourse of American and British political interviews // Journal of Applied Psychology. – 2023. – Vol. 109, Issue 1. – P. 1–12.
- 60 Прожога А.В. Реализация причинно-следственных отношений в неофициальном и официальном диалоге: на материале английского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Пятигорск, 2002. – 180 с.
- 61 Михальская А.К. Политическое интервью как речевой жанр // Риторическая культура в современном обществе: тезисы IV Международной конференции по риторике. – М., 2000. – С. 67–69.
- 62 Плахотная Ю.И. Речевое воздействие в диалогическом политическом дискурсе // Политическая лингвистика. – 2011. – Вып. 4 (38). – С. 121–124.
- 63 Савельева И.В. Интенциональность субъектов непрофессионального политического дискурса как реципиентов политических новостей (на материале интернет-комментариев) // Политическая лингвистика. – 2021. – № 5. – С. 70–78.
- 64 Лу Т., Синь Ч. Политическое интервью как жанр дискурса СМИ // Медиалингвистика. – 2016. – № 4 (15). – С. 114–124.
- 65 Кошкарова Н.Н. Коммуникативные стратегии и тактики интервьюера и интервьюируемого в гармоничном дискурсе: специфика политического интервью // Учёные записки ЗабГУ. Серия: Филология, история, востоковедение. – 2010. – № 4. – С. 191–195.
- 66 Стрельникова М.А. Устный публичный диалог в современных СМИ (интервью): монография. – Астрахань: Астраханский государственный университет, 2005. – 128 с.
- 67 Fetzer A., Lauerbach G.E. (Eds.). Political Discourse in the Media: Cross-cultural perspectives. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2007. – 379 p.
- 68 Lauerbach G. Discourse of the Political Interview // Handbook of Pragmatics / edited by J.L. Mey. – 2nd ed. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2007. – P. 1393–1407.
- 69 Фадеева Е.А. Визуальная составляющая политического дискурса и ее влияние на электоральное поведение // Политическая лингвистика. – 2015. – № 1 (51). – С. 138–143.
- 70 Бачурин В.В. Метафорическая репрезентация конфликта в политическом дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2016. – Т. 15, № 2. – С. 136–142.
- 71 Михалева О.Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Кемерово, 2004. – 21 с.

- 72 Желтухина М.Р. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: монография. – М.: Институт языкознания РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. – 339 с.
- 73 Durmaz Z., Yoğun M. S. A critical discourse analysis of a visual image in Norman Fairclough's CDA model // *International Journal of Scholars in Education*. – 2022. – Vol. 5, No 1. – P. 25–33.
- 74 Gee J.P. *An Introduction to Discourse Analysis: Theory and Method*. – London: Routledge, 2001. – 176 p.
- 75 Van Dijk T.A. *Critical discourse analysis* // In: Schiffrin D., Tannen D., Hamilton H.E. (eds.) *The Handbook of Discourse Analysis*. – Wiley-Blackwell, 2003. – 872 p.
- 76 Fairclough N. *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language* / 2nd ed. – New York: Routledge, 2013. – 256 p.
- 77 Федорченко С.Н. Дискурс власти // *Большая российская энциклопедия*. – Дата обновления: 04.04.2023. – URL: <https://bigenc.ru/c/diskurs-vlasti-b2aa42> (дата обращения: 08.01.2025).
- 78 Фуко М. *Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц.* – М.: Касталь, 1996. – 448 с.
- 79 Бест Дж. *Социальные проблемы // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение: хрестоматия / сост. И.Г. Ясавеев.* – Казань: Издательство Казанского университета, 2007. – С. 26–54.
- 80 Бахтин М.М. *Слово в романе // Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет.* – М.: Художественная литература, 1975. – С. 72–233.
- 81 Ассман Я. *Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской.* – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 363 с.
- 82 Остин Дж.Л. *Слово как действие // Избранное.* – М.: Идея-Пресс, 1999. – С. 13–135.
- 83 Searle J.R. *A Classification of Illocutionary Acts // Language in Society.* – 1976. – Vol. 5, No. 1. – P. 1–23.
- 84 Бахтин М.М. *Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества.* – М.: Искусство, 1979. – С. 250–296.
- 85 Tannen D. *The Argument Culture: Stopping America's War of Words.* – New York: Random House, 1998. – 352 p.
- 86 Мусатаева М.Ш. *О некоторых проблемах дискурсивного анализа = Дискурстық талдаудың кейбір мәселелері // Вестник КазНУ. Серия филологическая.* – 2015. – № 1 (147). – URL: <https://philart.kaznu.kz/index.php/1-FIL/article/view/17>
- 87 Ли В.С. *Дискурс как категория современной теоретической лингвистики // Вестник КазНУ. Серия филологическая.* – 2016. – № 2 (154). – URL: <https://philart.kaznu.kz/index.php/1-FIL/article/view/1764>
- 88 Макаров М.Л. *Основы теории дискурса.* – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.

- 89 Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. – М.: Альта-Пресс, 2008. – 1216 с.
- 90 Трофимова Н.А. Речевой акт порицания в русской лингвокультуре: прагмалингвистический анализ: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – СПб., 2014. – 211 с.
- 91 Дьячкова И.Г. Высказывания-похвалы и высказывания-порицания как речевые жанры в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Омск, 2000. – 139 с.
- 92 Бессонова И.В. Речевые акты похвалы и порицания собеседника в диалогическом дискурсе современного немецкого языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Тамбов, 2003. – 180 с.
- 93 Hundsnurscher F. Streitspezifische Sprechakte: Vorwerfen, Insistieren, Beschimpfen // *Protosoziologie*. – 1993. – № 4. – S. 140–150.
- 94 Григорьев Е.И. Общие вопросы систематизации коммуникативных актов // *Лингвистический сборник*. – 1997. – № 1. – С. 45–51.
- 95 Джандалиева Е.Ю. Семантика и прагматика речевых актов с отрицательной оценкой в русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Пятигорск, 2007. – 177 с.
- 96 Бачурка М.С. Речевой акт порицания в русской лингвокультуре: семантический и прагматический аспекты // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. – 2017. – № 50. – С. 5–18.
- 97 Болдырев Н.Н. Язык и система знаний: Когнитивная теория языка. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. – 480 с.
- 98 Alba-Juez L., Mackenzie J. L. *Emotion and Evaluation in Discourse*. – Madrid: Universidad Nacional de Educación a Distancia, 2016. – 320 p.
- 99 Черницына Т.В. Коммуникативные стратегии похвалы и порицания в идиостиле В.М. Шукшина: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык. – Волгоград, 2013. – 210 с.
- 100 Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 338 с.
- 101 Шмелев Д.Н. Языковое значение и употребление. – М.: Просвещение, 2002. – 450 с.
- 102 Темиргазина З.К. Оценочные высказывания в русском языке. – Павлодар: ЭКО, 1999. – 270 с.
- 103 Байгунакова Ч.О. Проблемы исследования политического дискурса в когнитивной лингвистике // *Вестник КазНУ. Серия филологическая*. – 2015. – № 5–6 (139). – URL: <https://philart.kaznu.kz/index.php/1-FIL/article/view/1346> (дата обращения: 08.01.2025).
- 104 Евтушенко О.А. Институциональный концепт «порицание» в английской и русской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Пятигорск, 2007. – 170 с.
- 105 Hare R.M. *The Language of Morals*. – London, New York: Oxford Univ. Press, 1967. – 202 p.

- 106 Лоренц К. Кантовская концепция а priori в свете современной биологии // Эволюция. Язык. Познание. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 26.
- 107 Стивенсон Ч. Л. Этика и язык. – М.: Прогресс, 1985. – С. 126.
- 108 Трофимова Н. А. К вопросу о содержании и прагматике речевого акта порицания // Актуальные проблемы германистики и романистики. – Смоленск, 2008. – Вып. 12. – С. 136–141.
- 109 Князева Е. Г. Лингвокогнитивные механизмы речевого акта // Вестник КГУ. – 2017. – № 2. – С. 114–115.
- 110 Русанова И. Ю. Выбор языковых средств при выражении порицания в русской лингвокультуре: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Ижевск, 2010. – 23 с.
- 111 Гафиатулина Ю.О., Сутбаева А.Д. Лингвостилистические особенности современного американского политического дискурса // Молодой ученый. – 2018. – № 22 (208). – С. 365–366. – URL: <https://moluch.ru/archive/208/50894> (дата обращения: 08.01.2025).
- 112 Эдвардс Н.М. Strategies for Communicative Behaviors = Стратегии коммуникативного поведения: учеб.-метод. пособие на англ. яз. – Минск: БГЭУ, 2016. – 100 с.
- 113 Powell M. International Negotiations: Student's Book with Audio CDs. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – 112 p.
- 114 Dignen B. Communicating Across Cultures: Student's Book with Audio CD. – Cambridge: Cambridge University Press, 2011. – 96 p. – (Cambridge Business Skills).
- 115 Lakoff G. Metaphor, Morality, and Politics, or Why Conservatives Have Left Liberals in the Dust // Social Research: An International Quarterly. – 1995. – Vol. 62, № 2. – P. 177–213. – URL: <http://www.wvcd.org/issues/Lakoff.html> (дата обращения: 27.10.2024).
- 116 Ролз Дж. Теория справедливости / Джон Ролз; перевод с английского; научный редактор и предисловие В. В. Целищева. – 3-е изд. – Москва: ЛЕНАНД, 2010. – 536 с.
- 117 Lakoff G. Moral Politics: How Liberals and Conservatives Think. – 3rd ed. – Chicago: The University of Chicago Press, 2016. – 380 p.
- 118 Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – 5-е изд. – Москва: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
- 119 Конецкая В.П. Социология коммуникации. – Москва: Международный университет бизнеса и управления, 1997. – 304 с.
- 120 Стернин И.А. (ред.) Очерк американского коммуникативного поведения / В. А. Маркелова, В. И. Распопова, М. А. Стернина; под ред. И. А. Стернина, М. А. Стерниной. – Воронеж: Истоки, 2001. – 209 с.
- 121 Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: монография. – Москва: Издательство ЛКИ, 2008. – 288 с.
- 122 Ключев Е.В. Речевая коммуникация: учебное пособие. – Москва: ПРИОР, 1998. – 224 с.

- 123 Оспанова Ж., Исакова К., Ныгметова Б. Коммуникативные стратегии языковой личности в рамках научного дискурса // *Bulletin of Shokan Ualikhanov Kokshetau University. Philological Series.* – 2024. – № 2. – С. 52–66. – DOI: <https://doi.org/10.59102/kufil/2024/iss2pp52-66>.
- 124 Никифорова Э.Ш. Стратегии речевого воздействия как компонент коммуникативной компетенции // *3i: Intellect, Idea, Innovation – Интеллект, идея, инновация. Серия «Педагогические науки».* – 2023. – № 2. – С. 219–224. – DOI: https://doi.org/10.52269/22266070_2023_2_219.
- 125 Жукенова А.К. Коммуникативті стратегиялар мен коммуникативті тактикалардың құрылымдары = Составляющие коммуникативной стратегии и коммуникативной тактики // *Вестник КазНУ. Серия филологическая.* – 2015. – № 4–5 (150). – URL: <https://philart.kaznu.kz/index.php/1-FIL/article/view/573> (дата обращения: 08.01.2025).
- 126 Паршина О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения в современном политическом тексте: монография. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2005. – 320 с.
- 127 Кашкин В.Б. Основы теории коммуникации: монография. – Москва: АСТ; Восток–Запад, 2005. – 256 с.
- 128 Денисюк Е.В. Коммуникативная стратегия «дискредитация» в российской прессе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Екатеринбург, 2005. – 200 с.
- 129 Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. – Москва: Лабиринт, 2004. – 320 с.
- 130 Янко Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи. – Москва: Языки славянской культуры, 2001. – 386 с.
- 131 Чернявская В.Е. Интерпретация текста: учебное пособие для вузов. – Москва: Высшая школа, 2006. – 288 с.
- 132 Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография. – Москва: Гнозис, 2004. – 390 с.
- 133 Калинин К.Е. Коммуникативные стратегии и тактики в политическом дискурсе // *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета.* – 2007. – № 4. – С. 132–136.
- 134 Мулькеева В.О. Речевые стратегии конфликта и факторы, влияющие на их выбор: дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2005. – 190 с.
- 135 Михалёва О.Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия. – Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.
- 136 Мишланов В.А., Нецветаева Н.С. Коммуникативная стратегия как аспект лингвистического анализа // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология.* – 2011. – Вып. 2 (14). – С. 48–56.
- 137 Муфф Ш.О политическом / пер. с англ. Н. В. Самсоновой. – Москва: Праксис, 2018. – 144 с.
- 138 Larson C.U. *Persuasion: Reception and Responsibility.* – 7th ed. – Belmont, CA: Wadsworth Publishing Company, 1995. – 368 p.
- 139 Рахматуллаева М.Т. Типология речевых стратегий // *Вестник КазНУ. Серия филологическая.* – 2016. – № 2 (154). – URL:

<https://philart.kaznu.kz/index.php/1-FIL/article/view/1790> (дата обращения: 10.02.2025).

140 Ахметова Ж.Б. Речевые стратегии и тактики в политических дебатах Казахстана // Вестник КазНУ. Серия филологическая. – 2015. – № 3 (149). – URL: <https://philart.kaznu.kz/index.php/1-FIL/article/view/492> (дата обращения: 10.02.2025).

141 Хлопотунов Я.Ю. Стилистические средства реализации коммуникативных стратегий в политическом дискурсе США // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2022. – № 1. – С. 45–52.

142 Гайкова О.В. Риторические стратегии в американском политическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Москва, 2003. – 177 с.

143 Романенко А.В. Тактики оскорбления как инструмент манипуляции в политическом интервью (на материале американского политического дискурса) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2018. – Т. 17. – № 3. – С. 136–145.

144 "I'm more honest and my women are more beautiful": Memorable Donald Trump quotes // The Sydney Morning Herald. – 17.09.2015. – URL: <https://www.smh.com.au/world/im-more-honest-and-my-women-are-more-beautiful-memorable-donald-trump-quotes-20150917-gjomjq.html> (дата обращения: 23.10.2024).

145 Fact Check: Mexico Never Paid It. What About Trump's... // NBC News. – URL: <https://www.nbcnews.com/politics/donald-trump/fact-check-mexico-never-paid-it-what-about-trump-s-n1253983> (дата обращения: 23.10.2024).

146 Волкова О.С. Провокативная стратегия в конфликтной деловой коммуникации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2014. – № 3 (23). – С. 50–55.

147 Юрина М.В. Коммуникативная стратегия провокации в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. – 2018. – № 5. – С. 138–144.

148 Власян Г.Р. Стратегия уклонения от прямого ответа в разговорном дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 4 (37). – С. 76–81.

149 Титов И. Тактики уклонения от прямого ответа в медиадискурсе: приемы и анализ // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2024. – № 1. – С. 150–158.

150 Чепурная А.И. Некооперативные стратегии в американском политическом диалогическом дискурсе (на примере жанра пресс-брифинга) // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2022. – № 79. – С. 155–166.

151 Дьяченко И.А. Коммуникативная стратегия формирования эмоционального настроения адресата в англо-американском политическом дискурсе // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. – 2021. – 2 (36). – С. 43–48.

152 Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция рече-поведенческих тактик. – Москва, 1999. – 84 с.

153 Власова Т.М. Агрессивные речевые тактики, реализуемые с помощью невербальных сигналов (на материале английского художественного дискурса) // Вестник Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления. – 2013. – № 1 (40). – С. 150–156.

154 Иссерс О.С. Дискурсивная практика как наблюдаемая реальность // Вестник Омского университета. – 2011. – № 4. – С. 227–232.

155 Левшина Е.В. Косвенные речевые тактики в предвыборном дискурсе (на материале выборов главы администрации): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Санкт-Петербург, 2005. – 167 с.

156 Шалацкий Д.Л. Прямые и косвенные тактики речевой стратегии упрека в политическом дискурсе / Д. Л. Шалацкий // Политическая лингвистика. – 2014. – № 1 (47). – С. 205–210.

157 Паршина О.Н. Российская политическая речь: теория и практика / О. Н. Паршина. – Москва: Изд-во ЛКИ, 2007. – 232 с.

158 Фёдорова А. Л. Речевая стратегия упрека: лингвокогнитивный подход: На материале немецкого, английского и русского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Уфа, 2004. – 187 с.

159 Гнездилова Л.Б. Ирония и намек как способы уклонения коммуниканта от прямого ответа // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2014. – № 1 (26). – С. 86–90.

160 Гиздатов Г.Г. Когнитивные модели в речевой деятельности. – Алматы : Гылым, 1997. – 176 с.

161 Трофимова Н.А. Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ: Монография. – СПб.: Изд-во ВВМ, 2008. – 376 с.

162 Викисловарь. Свободный многоязычный словарь. – URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/фактчекинг> (дата обращения: 20.11.2024).

163 Graves L. Deciding What's True: The Rise of Political Fact-Checking in American Journalism. – New York: Columbia University Press, 2016. – 336 p.

164 Межгих Н.Т., Цымбалова Н.Д. Методы и инструменты проверки достоверности фактов (фактчекинга) в современных медиа // Журналистика и общественные коммуникации в цифровом пространстве: создавая смыслы: Материалы конференции. – Владивосток: ДВФУ, 2022. – С. 129–143. – DOI: 10.54309/IJCT.2020.4.4.018.

165 Виловатых А.В. Актуальные проблемы американского социума // Наука. Культура. Общество. – 2017. – № 3–4. – С. 49–66.

166 Виноградова Т.И. Фабрики мысли в США: особенности развития и роль в публичной политике, 2002 // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. – 10.12.2006. – URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/2189> (дата обращения: 21.09.2024).

- 167 Fact-checking Biden's high-stakes ABC interview / Daniel Dale, CNN. – 05.07.2024. – URL: <https://edition.cnn.com/2024/07/05/politics/fact-check-joe-bidens-abc-interview/index.html?ref=upstract.com> (дата обращения: 05.07.2024).
- 168 Тарасов Е.Ф. Язык как средство трансляции культуры / Е.Ф. Тарасов // Язык как средство трансляции культуры: сборник статей. – Москва: Наука, 2000. – С. 45–53.
- 169 Выборы в США: ирландские корни кандидатов [Электронный ресурс] // Euronews. – 2020. – URL: <https://ru.euronews.com/2020/10/30/ireland-biden-ancestors-and-trump-> (дата обращения: 20.11.2024).
- 170 Погодина Т.Ю. Джо Байден – второй католик в президентском кресле США // Форум молодых ученых. – 2021. – № 1 (53). – URL: <https://scipress.ru/fai/articles/dzho-bajden-vtoroj-katolik-v-prezidentskom-kresle-ssha.html> (дата обращения: 25.02.2025).
- 171 Лункин Р.Н. Церкви в политике и политика в церквях. Как современное христианство меняет европейское общество: монография / Р. Н. Лункин. – Москва: ИЕ РАН; Нестор-История, 2020. – 488 с. – ISBN 978-5-4469-1764-8.
- 172 Малюк Т. Биография Джо Байдена: детство, семья, карьера, фото // Новости Mail.ru. – 19.05.2024. – URL: <https://news.mail.ru/card/521/#card-79866> (дата обращения: 20.02.2025).
- 173 Трамп Д. Дж. Дональд Трамп говорит. Цитаты, мысли и речи президента США / Д. Дж. Трамп. – Москва: Эксмо, 2024. – 384 с.
- 174 Biden J.R., Jr. Promise Me, Dad: A Year of Hope, Hardship, and Purpose / Joseph R. Biden Jr. – Large print ed. – Farmington Hills, Michigan: Thorndike Press, a part of Gale, a Cengage Company, 2017. – 359 p.
- 175 Макаренко С.И. Справочник научных терминов и обозначений. – СПб.: Наукоемкие технологии, 2019. – 254 с.
- 176 Прохоров А.М. (гл. ред.). Большая советская энциклопедия. – 3-е изд. – [Электронный ресурс]. – URL: https://archive.org/details/B-001-033-601-30vols/BSE_3izd_01/ (дата обращения: 05.10.2024).
- 177 Полякова В.В., Шаброва Н.В. Основы теории статистики: учеб. пособие / В.В. Полякова, Н.В. Шаброва; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – 2-е изд., испр. и доп. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 148 с. – С. 22.
- 178 Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика: курс лекций. – Ростов-на-Дону, 1999. – 190 с.
- 179 Wierzbicka A. Understanding cultures through their key words: English, Russian, Polish, German, and Japanese. – New York: Oxford Univ. Press, 1997. – 317 p. – ISBN 978-0195088359.
- 180 Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations. – 2nd ed. – Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2001. – 596 p.
- 181 Климентов С.В. Коммуникативные стратегии Дональда Трампа // Научный Лидер. – 2022. – № 24 (69). – URL: <https://scilead.ru/article/2561-kommunikativnie-strategii-donald-trampa> (дата обращения: 21.02.2025).

- 182 Данкова Н.С. Речь Д. Байдена: стратегии и тактики создания положительного имиджа / Н.С. Данкова // Политическая лингвистика. – 2021. – № 6 (90). – С. 46–53.
- 183 Чибисов Д.М. Лекции по асимптотической теории ранговых критериев / Д. М. Чибисов. – Москва: МИАН, 2009. – 176 с. – (Лекционные курсы НОЦ / Математический институт им. В. А. Стеклова РАН; Вып. 14).
- 184 Худяков А.В. Президентский дискурс: институциональная составляющая // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В. И. Вернадского. – 2016. – № 2 (60). – С. 184–188.
- 185 Аверина М.А. Репрезентация концепта «Америка/America» в русской и американской публицистике // Филология и литературоведение. – 2014. – № 12 [Электронный ресурс]. – URL: <https://philology.snauka.ru/2014/12/1089> (дата обращения: 03.01.2025).
- 186 Этимологический словарь русского языка / сост. Г. А. Крылов. – URL: https://etymology_ru.academic.ru/4645/ШТАТ (дата обращения: 25.12.2024).
- 187 Экономика. Толковый словарь / Дж. Блэк; общ. ред. И. М. Осадчая. – Москва: ИНФРА-М; Весь Мир, 2000. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/econ_dict/21255 (дата обращения: 03.01.2025).
- 188 Кто такие демократы и республиканцы и кто из них более лоялен к России // Секрет фирмы. – 2020. – URL: <https://secretmag.ru/enciklopediya/kto-takie-demokraty-i-respublikancy.htm> (дата обращения: 03.01.2025).
- 189 Марзоева И.В., Демидкина Д.А. Особенности перевода публицистических текстов / Сост.: И.В. Марзоева, Д.А. Демидкина. – Казань: Казан. гос. энерг. ун-т, 2020. – 85 с.
- 190 Беляева Е.А. Диалог аргументативного типа: когнитивные аспекты; структура, семантика, прагматика (на материале русских и английских текстов интервью): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2007. – 24 с.
- 191 Хаксли А. «Это не может произойти в Америке». Что на самом деле хотел сказать Дональд Трамп про свою книгу // BBC News Русская служба. – 2022, 22 декабря. – URL: <https://www.bbc.com/russian/features-64041128> (дата обращения: 14.03.2025).
- 192 Patterson T. E. Out of Order / Thomas E. Patterson. – New York: Vintage Books, 1993. – 309 p.
- 193 Chilton P. Analysing Political Discourse: Theory and Practice / Paul Chilton. – London: Routledge, 2004. – 262 p.
- 194 Sanatifar M.S. Implicatures in Political Interview: A Translational Perspective // University of Science Malaysia Translation Studies. – 2012. – Vol. 9, № 39. – P. 38–52.
- 195 Sean Hannity [Электронный ресурс] // Forbes. – URL: <https://www.forbes.com/profile/sean-hannity/> (дата обращения: 10.06.2025).
- 196 Румянцев В.П. Американские идеалы / В. П. Румянцев // Румянцевский музей. – URL: <https://rummuseum.info/node/6353> (дата обращения: 10.02.2025).
- 197 Роберт Дули, Левинсон С. Анализ дискурса: базовые понятия / Р. Дули, С. Левинсон. – Москва: Институт перевода Библии, 2019. – 168 с.

198 Hallin D.C., Mancini P. Comparing Media Systems: Three Models of Media and Politics / Daniel C. Hallin, Paolo Mancini. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 344 p.

199 Lee Jiyoung, Choi Yunjung. Effects of network heterogeneity on social media on opinion polarization among South Koreans: Focusing on fear and political orientation // *International Communication Gazette*. – 2020. – Vol. 82, № 2. – P. 119–139. – DOI: 10.1177/1748048518820499.

200 Karjus A., Cuskley C. Evolving linguistic divergence on polarizing social media // *Humanities and Social Sciences Communications*. – 2024. – Vol. 11. – Article no. 422. – DOI: 10.1057/s41599-024-02922-9.

201 Стернин И.А. Коммуникативное поведение: монография / И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2003. – 186 с.

202 Холл С., Хобсон Д., Лоу Э., Уиллис П. Культура, медиа, язык: рабочие материалы по культурологии, 1972–1979 / Стюарт Холл, Дути Хобсон, Эндрю Лоу, Пол Уиллис. – London: Routledge, 2004. – 306 p.

203 Колокольцева Т.Н. Internet comments as a network genre: General characteristics, diological potency, classification problems // *Жанры речи*. – 2024. – Т. 19, № 2 (42). – С. 164–173. – DOI: 10.18500/2311-0740-2024-19-2-42-164-173.

204 Карасик В.И. Коммуникативная агрессия: типология и функции // *Жанры речи*. – 2007. – Вып. 5. – С. 45–57.

205 Лутовинова О.В. Shaming as a Speech Genre // *Speech Genres*. – 2022. – Vol. 17, Iss. 3 (35). – P. 212–219. – DOI: 10.18500/2311-0740-2022-17-3-35-212-219.

206 Wodak R. Discourse and Politics // *The Handbook of Discourse Analysis* / ed. by D. Schiffrin, D. Tannen, H. E. Hamilton. – Oxford: Blackwell, 2001. – P. 594–616.

207 Интервью Джо Байдена на шоу «Jimmy Kimmel Live!» [Электронный ресурс] // Jimmy Kimmel Live! (ABC, Лос-Анджелес). – 08.06.2022. – URL: <https://rollcall.com/factbase/biden/transcript/joe-biden-interview-jimmy-kimmel-live-abc-los-angeles-june-8-2022/> (дата обращения: 17.02.2025).

208 Комментарии читателей [Электронный ресурс] // ИноСМИ.ру. – URL: https://inosmi.ru/keyword_kommentarii_chitateleji/ (дата обращения: 17.02.2025).

209 from Kristina Laila on October 15, 2023, 21:00: 383 comments // Yandex.kz. – URL: <https://yandex.kz/search/?text=from+Kristina+Laila+on+October+15%2C+2023%2C+21%3A00383+comments&clid=2270455&win=250&rdrnd=387875&lr=10295&reDIRcnt=1762336934.1> (дата обращения: 17.03.2025).

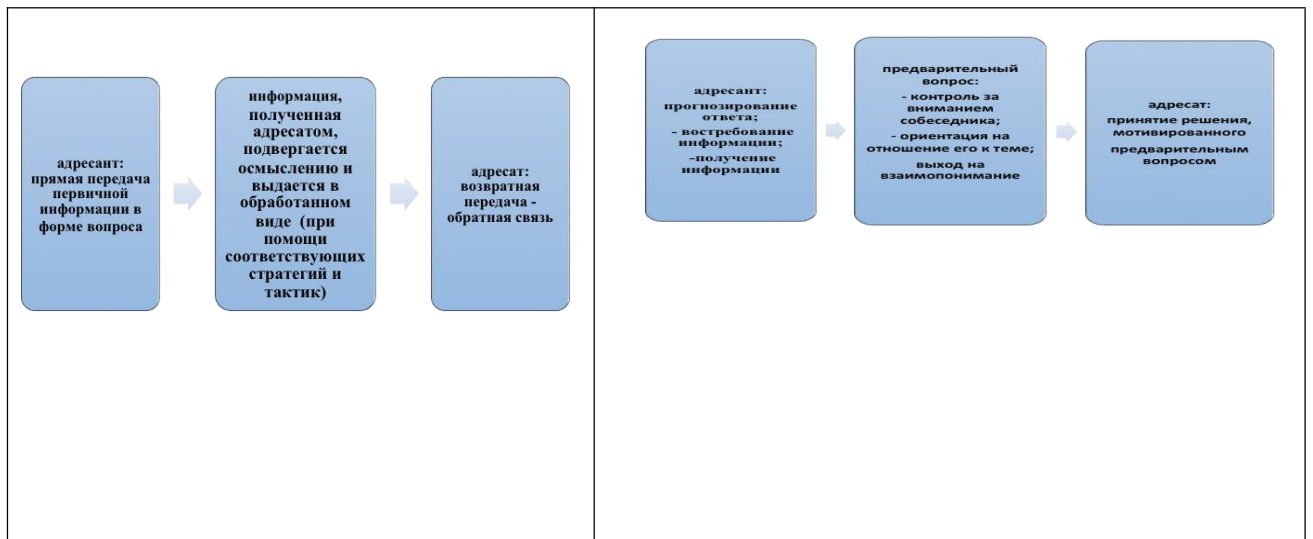
210 Reddit. Discussion thread in r/skeptic: Trump interview reactions. – URL: <https://www.reddit.com/r/skeptic/> (дата обращения: 08.01.2025).

211 Reddit. Discussion thread in r/politics: Analysis of Trump interview statements. – URL: <https://www.reddit.com/r/politics/> (дата обращения: 08.01.2025).

212 Reddit. Discussion thread in r/PoliticalDiscussion: Public reaction to political interview rhetoric. – URL: <https://www.reddit.com/r/PoliticalDiscussion/> (дата обращения: 08.01.2025).

213 Reddit. Discussion thread in r/news: Debate over Trump interview comments. – URL: <https://www.reddit.com/r/news/> (дата обращения: 08.01.2025).

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Механизм передачи информации:

в условиях бесконфликтной ситуации

в условиях конфликтной ситуации

Рисунок 1 – Сопоставление механизмов информации в зависимости от ситуации речевого общения

Примечание: авторская разработка по: [103]

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Таблица 1 – Специфические параметры дискурса в формате интервью [182]
(составлено автором)

Модус дискурса		Специфика выражения содержательного компонента политического дискурса	
Устный (в формате живого общения в процессе интервью)	Письменный (в формате текста)	Общие характеристики	Индивидуальный стиль
Характерны множественные повторы, которые создают эффект эмоциональности высказывания.	Избыточность числа повторов направлено на усиление запоминания, подчеркивание важности высказанной идеи.	Целевой компонент – воздействие на аудиторию.	Лексические особенности: преобладание либерального или консервативного дискурса, предпочтительный выбор ключевых слов.
Ориентирующие ремарки (цитационные маркеры) зачастую встречаются неоднократно в рамках одной цитаты; воспринимаются как средство передачи эмоционального фона коммуникации.	Такое явление в письменном тексте имеет значение в структуре той или иной коммуникативной тактики (к примеру, комплимент как инструмент общения).	Доступность, убеждающая сила.	Специфика синтаксических конструкций (использование коннекторов).
Часто используются лексические ограничители.	Использование аппроксиматоров может быть интерпретировано как стилистический прием.	Ситуативный характер живого общения.	Публичный характер общения, тематическая обусловленность дискурсивных практик
Прагматическое значение разговорной лексики возможно в зависимости от характерных черт тематического критерия.	Основную роль играет пласт литературной речи: именно он передает суть ключевых вопросов обсуждения проблемных аспектов.	Экспрессивность, понятийная точность.	Преимущественное использование нейтральной лексики в целях достижения максимальной персуазивности.
Допускается использование дейктических элементов. В англ. яз.: личные местоимения первого и второго лица (I/ we, you); наречия места и времени (here, now, there, then); указательные местоимения (this / these, that / those this/these) etc.	Аналогично устному дискурсу.	Смысловая неопределенность, кроме случаев применения специальных терминов политического дискурса.	Первостепенное значение выбора вербальных способов реализации коммуникативных стратегий и тактик, роль паралингвистических средств вторичен.
Активное использование просодических средств (интонации, ударения, пауз, темпа речи, тембра голоса), а также паралингвистических сигналов для выражения дейктических значений, отношения к собеседнику, множества других категорий».	Не поддается передаче.	В идеале - преимущественная реализация внешней контекстуализации, в результате которой создается ментальная репрезентация текста	Реализация внутренней репрезентации в качестве внутреннего мира коммуниканта. Специфика коммуникативной личности может быть понята по-разному

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Список использованных транскриптов интервью

1. Donald Trump Leaked Unedited 60 Minutes Interview Transcript // ABC News. – 25.10.2020. Режим доступа: <https://www.rev.com/transcripts/donald-trump-unedited-60-minutes-interview-transcript>
2. Donald Trump Interview Transcript With Jonathan Swan of Axios on HBO // Axios on HBO. – 03.08.2020. Режим доступа: <https://www.rev.com/transcripts/donald-trump-interview-transcript-with-axios-on-hbo>
3. Donald Trump's conversations with Bob Woodward about coronavirus, Black Lives Matter and nuclear war // CBS News. – 13.09.2020. Режим доступа: <https://www.cbsnews.com/news/donald-trump-bob-woodward-rage-60-minutes-2020-09-13/>
4. 2024 Person of the Year Interview (published December 2024) // TIME. – 12.12.2024. Режим доступа: <https://time.com/7201565/person-of-the-year-2024-donald-trump-transcript/>
5. "100 Days" Interview // TIME. – 22.04.2025. Режим доступа: <https://time.com/7280114/donald-trump-2025-interview-transcript/>
6. Full Transcript: Trump's Exclusive "100 Days" Broadcast Interview // ABC News. – 30.04.2025. Режим доступа: <https://abcnews.go.com/US/full-transcript-trumps-exclusive-100-days-broadcast-interview/story?id=121291672>
7. Interview: Joe Rogan Interviews Donald Trump for His Podcast in Austin, Texas // The Joe Rogan Experience #2219. – 25.10.2024. Режим доступа: <https://rollcall.com/factbase/trump/transcript/donald-trump-interview-joe-rogan-podcast-austin-texas-october-25-2024/>
8. Interview with Sean Hannity on The Fox News Channel's "Sean Hannity Show" // Fox News. – 14.02.25. Режим доступа: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/interview-with-sean-hannity-the-fox-news-channels-sean-hannity-show>
9. Donald Trump Interview with Brian Kilmeade, Steve Doocy, and Ainsley Earhardt of "Fox and Friends" // Fox News Channel's Fox & Friends. – 02.12.2021. Режим доступа: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/donald-trump-interview-with-brian-kilmeade-steve-doocy-and-ainsley-earhardt-fox-and>
10. Donald Trump Fox News Interview Transcript // Fox News. – 30.10.2021. Режим доступа: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/donald-trump-interview-with-judge-jeanine-pirro-fox-news>
11. Donald Trump Interview with Greg Gutfeld of Fox News // Fox News. – 09.09.2021. Режим доступа: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/donald-trump-interview-with-greg-gutfeld-fox-news>
12. Donald Trump Interview with Sean Hannity of Fox News // Fox News. – 17.08.2021. Режим доступа: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/donald-trump-interview-with-sean-hannity-fox-news>
13. Interview: Donald Trump Calls In to Fox and Friends for an Interview // Fox News Channel's Fox & Friends. – 03.11.2020. Режим доступа:

<https://rollcall.com/factbase/trump/transcript/donald-trump-interview-fox-and-friends-november-3-2020/>

14. The 60 Minutes interview that President Trump cut short // CBS News. – 26.10.2020. Режим доступа: <https://www.cbsnews.com/news/president-trump-60-minutes-interview-lesley-stahl/>

15. Interview with Rush Limbaugh on the EIB Network // EIB Network. – 09.10.2020. Режим доступа: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/interview-with-rush-limbaugh-the-eib-network>

16. Interview with Dr. Marc Siegel and Tucker Carlson of Fox News // Fox News. – 09.10.2020. Режим доступа: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/interview-with-dr-marc-siegel-and-tucker-carlson-fox-news>

17. Interview with Maria Bartiromo of Fox Business News // Fox Business News. – 08.10.2020. Режим доступа: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/interview-with-maria-bartiromo-fox-business-news>

18. Interview with Sean Hannity of Fox News // Fox News. – 08.10.2020. Режим доступа: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/interview-with-sean-hannity-fox-news-4>

19. Interview with Pete Hegseth of "Fox and Friends" // Fox News Channel's Fox & Friends. – 27.09.2020. Режим доступа: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/interview-with-pete-hegseth-fox-and-friends>

20. Jeanine Pirro Interviews Donald Trump at The White House // Fox News. – 12.09.2020. Режим доступа: <https://rollcall.com/factbase/trump/transcript/donald-trump-interview-jeanine-pirro-fox-news-september-12-2020/>

21. Laura Ingraham Interviews Donald Trump on Fox's Ingraham Angle // Fox News. – 31.08.2020. Режим доступа: <https://rollcall.com/factbase/trump/transcript/donald-trump-interview-laura-ingraham-fox-news-august-31-2020/>

22. [David Portnoy of Barstool Sports Interviews Donald Trump](https://rollcall.com/factbase/trump/transcript/donald-trump-interview-dave-portnoy-barstool-sports-july-23-2020/) // Barstool Sports. – 24.07.2020. Режим доступа: <https://rollcall.com/factbase/trump/transcript/donald-trump-interview-dave-portnoy-barstool-sports-july-23-2020/>

23. Interview with David Muir of ABC News' "World News Tonight" // ABC News' "World News Tonight". – 06.05.2020. Режим доступа: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/interview-with-david-muir-abc-news-world-news-tonight>

24. Interview with Sean Hannity of Fox News // Fox News. – 02.02.2020. Режим доступа: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/interview-with-sean-hannity-fox-news-2>

25. Interview with Joe Kernen of CNBC's "Squawk Box" in Davos, Switzerland // // CNBC News. – 22.01.2020. Режим доступа:

<https://www.presidency.ucsb.edu/documents/interview-with-joe-kernen-cnbc-squawk-box-davos-switzerland>

26. Interview With Jamie Little of Fox Sports at the Daytona 500 NASCAR Cup Series Motor Race in Daytona Beach, Florida // Fox Sports. – 16.02.2025. Режим доступа: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/interview-with-jamie-little-fox-sports-the-daytona-500-nascar-cup-series-motor-race>

27. Trump and Starmer Speak to Press at G7 // CNBC News. – Июнь 2025. Режим доступа: <https://www.rev.com/transcripts/trump-and-starmer-speak-to-press-at-g7>

28. CNN Town Hall with Donald Trump // CNN. – 10.05.2023. Режим доступа: <https://edition.cnn.com/2023/05/11/politics/transcript-cnn-town-hall-trump>

29. Trump's ABC News Town Hall Full Transcript // ABC News. – 15.09.2020. Режим доступа: <https://abcnews.go.com/Politics/trumps-abc-news-town-hall-full-transcript/story?id=73035489>

30. Donald Trump Interview with Bloomberg Businessweek // Bloomberg Businessweek. – 16.07.2024.

Режим доступа: <https://rollcall.com/factbase/trump/transcript/donald-trump-interview-bloomberg-businessweek-july-16-2024/>

31. Meet The Press Full Donald Trump Interview Transcript // NBC News. – 17.09.2023. Режим доступа: <https://www.rev.com/transcripts/meet-the-press-full-donald-trump-interview-transcript>

32. President Donald Trump interviewed on 'Meet the Press' // NBC News. – 04.05.2025. Режим доступа: <https://www.nbcnews.com/politics/trump-administration/read-full-transcript-president-donald-trump-interviewed-meet-press-mod-rcna203514>

33. Donald Trump Interview with John Micklethwait (Bloomberg) // Bloomberg News & Economic Club of Chicago. – 15.10.2024. Режим доступа: <https://rollcall.com/factbase/trump/transcript/donald-trump-interview-john-micklethwait-bloomberg-detroit-economic-club-october-15-2024>

34. Black America Votes: The Biden Interview // BET Television. – 17.07.2024. Режим доступа: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/interview-with-ed-gordon-bet-television-las-vegas-nevada>

35. Biden's interview with Lester Holt of NBC News // NBC News – 15.07.2024. Режим доступа: <https://www.nbcnews.com/politics/2024-election/transcript-read-full-biden-interview-lester-holt-nbc-news-rcna162029>

36. ABC's George Stephanopoulos' exclusive interview with President Biden // ABC News. – 06.07.2024. Режим доступа: <https://abcnews.go.com/Politics/abc-news-anchor-george-stephanopoulos-exclusive-interview-biden/story?id=111695695>

37. Jonathan "Bushman" Dunnings Interviews Joe Biden on His Radio Show // The Bushman Show. – 26.02.2024. Режим доступа: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/interview-with-jonathan-bushman-dunnings-his-radio-show>

38. Paul Allen "P.A." Billings Interviews Joe Biden on His Radio Show // Afternoon Jamz With P.A. – 26.02.2024. Режим доступа:

<https://rollcall.com/factbase/biden/transcript/joe-biden-interview-afternoon-jamz-radio-wuvs-billings-february-26-2024/>

39. Biden makes appearance on 'Late Night with Seth Meyers' for interview // NBC News. – 26.02.2024. Режим доступа: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/interview-with-seth-meyers-nbcs-late-night>

40. Tony Arias of Radio La Campesina Interviews Joe Biden // Radio La Campesina – 21.11.2023. Режим доступа: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/interview-with-tony-arias-radio-la-campesina>

41. President Joe Biden: The 2023 60 Minutes interview // CBS News – 15.10.2023. Режим доступа: <https://www.cbsnews.com/news/president-joe-biden-2023-60-minutes-transcript/>

42. Interview with Stephanie Abrams of The Weather Channel in Arizona // The Weather Channel. – 09.08.2023. Режим доступа: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/interview-with-stephanie-abrams-the-weather-channel-arizona>

43. Interview with Jay Shetty of On Purpose Podcast // On Purpose Podcast. – 31.07.2023. Режим доступа: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/interview-with-jay-shetty-purpose-podcast>

44. Interview With U.S. President Joe Biden // CNN. – 09.07.2023. Режим доступа: <https://transcripts.cnn.com/show/fzgps/date/2023-07-09/segment/01>

45. Joe Scarborough Interviews Joe Biden on MSNBC in Ireland // MSNBC. – 14.04.2023. Режим доступа: <https://rollcall.com/factbase/biden/transcript/joe-biden-interview-joe-scarborough-msnbc-ireland-april-14-2023/>

46. David Muir of ABC News Interviews Joe Biden // ABC News. – 24.02.2023. Режим доступа: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/interview-with-david-muir-abc-news-0>

47. Interview with Judy Woodruff of CBS News in Madison, Wisconsin // CBS News. – 08.02.2023. Режим доступа: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/interview-with-judy-woodruff-cbs-news-madison-wisconsin>

48. D.L. Hughley interviews Joe Biden on his national radio show // National Radio Show. – 08.11.2022. Режим доступа: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/interview-with-dl-hughley-his-national-radio-show>

49. Interview with Al Sharpton on "Keepin' It Real" // National Radio Show. – 06.11.2022. Режим доступа: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/interview-with-al-sharpton-keepin-it-real>

50. Rickey Smiley Interviews Joe Biden on His Morning Radio Show // Morning Radio Show. – 01.11.2022. Режим доступа: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/interview-with-rickey-smiley-his-morning-radio-show>

51. Reshad Hudson Interviews Joe Biden for Nexstar TV in Scranton // Nexstar TV. – 27.10.2022. Режим доступа: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/interview-with-reshad-hudson-nexstar-tv-syracuse-new-york>
52. Jake Tapper of CNN Interviews Joe Biden at The White House // CNN. – 11.10.2022. Режим доступа: <https://rollcall.com/factbase/biden/transcript/joe-biden-interview-cnn-jake-tapper-cnn-october-11-2022/>
53. President Joe Biden: The 2022 60 Minutes Interview // CBS News. – 18.09.2022. Режим доступа: <https://www.cbsnews.com/news/president-joe-biden-60-minutes-interview-transcript-2022-09-18/>
54. Interview with Josh Boak of the Associated Press // Associated Press. – 16.06.2022. Режим доступа: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/interview-with-josh-boak-the-associated-press>
55. Lester Holt of NBC News Interviews Joe Biden in Culpeper, Virginia // (NBC News. – 10.02.2022. Режим доступа: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/interview-with-lester-holt-nbc-news-culpeper-virginia>
56. Joe Biden Participates in a CNN Town Hall in Baltimore // CNN. – 21.10.2021. Режим доступа: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/interview-with-anderson-cooper-cnn-baltimore-maryland>
57. ABC News' George Stephanopoulos' interview with President Joe Biden // ABC News. – 18.08.2021 Режим доступа: <https://abcnews.go.com/Politics/full-transcript-abc-news-george-stephanopoulos-interview-president/story?id=79535643>
58. Interview with Lawrence O'Donnell // MSNBC. – 11.05.2021. Режим доступа: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/interview-with-lawrence-odonnell-msnbc>
59. Joe Biden NBC TODAY Interview: Spending, COVID-19 Pandemic, Immigration // NBC TODAY – 30.04.2021. Режим доступа: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/interview-with-craig-melvin-nbcs-today>
60. ABC News' George Stephanopoulos interviews President Joe Biden // ABC News. – 16.03.2021. Режим доступа: <https://abcnews.go.com/Politics/transcript-abc-news-george-stephanopoulos-interviews-president-joe/story?id=76509669>
61. Trump, D. Interview by J. Campbell [Audio podcast] // The John Campbell Show. – 05.08.2021. Режим доступа: <https://rollcall.com/factbase/trump/transcript/donald-trump-interview-john-campbell-show-august-5-2021/>
62. Interview: Erin Burnett Interviews Joe Biden on CNN's "OutFront" // CNN. – 08.05.2024. Режим доступа: <https://www.rollcall.com/factbase/biden/transcript/joe-biden-interview-erin-burnett-cnn-outfront-may-8-2024/>

63. "This Week with George Stephanopoulos" Transcript // ABC News. – 07.07.2024. Режим доступа: <https://abcnews.go.com/Politics/week-transcript-7-7-24-president-joe-biden/story?id=111714777>
64. Interview: Sean Hannity Interviews Donald Trump in Alaska // Fox News. – 15.08.2025. Режим доступа: <https://www.democrats.senate.gov/newsroom/trump-transcripts/transcript-sean-hannity-of-fox-news-interviews-donald-trump-in-alaska-81525>
65. Donald Trump: Interview with Elon Musk on X // (X / Twitter Spaces) – 12.08.2024. Режим доступа: <https://www.rev.com/transcripts/elon-musk-and-donald-trump-interview> Rev
66. Interview With Brian Kilmeade on Fox News Radio // Fox News Radio. – 27.05.2021. Режим доступа: <https://www.rev.com/transcripts/donald-trump-interview-with-brian-kilmeade-fox-news-radio-may-27-2021/>
67. Interview With Charlie Kirk on Real America's Voice // Real America's Voice. – 17.06.2021. Режим доступа: <https://www.rev.com/transcripts/donald-trump-interview-with-charlie-kirk-real-americas-voice-june-17-2021/>
68. Interview With Sean Hannity on Fox News // Fox News. – 09.06.2022. Режим доступа: <https://www.rev.com/transcripts/donald-trump-interview-with-sean-hannity-fox-news-june-9-2022/>
69. Donald Trump Interview on the Clay Travis and Buck Sexton Show // The Clay Travis and Buck Sexton Show. – 11.10.2022. Режим доступа: <https://www.rev.com/transcripts/donald-trump-interview-on-the-clay-travis-and-buck-sexton-show-transcript-october-11-2022/>
70. Interview With Sean Hannity at the Texas Border // Fox News. – 18.01.2024. Режим доступа: <https://www.rev.com/transcripts/donald-trump-sean-hannity-interview-texas-border-transcript-january-18-2024/>
71. Interview with Joe Rogan (First Call) // The Joe Rogan Experience. – 21.08.2024. Режим доступа: <https://rollcall.com/factbase/trump/transcript/donald-trump-first-interview-joe-rogan-podcast-august-21-2024/>
72. Transcript: Donald Trump on 'The Hugh Hewitt Show' // The Hugh Hewitt Show. – 07.09.2023. Режим доступа: <https://www.rev.com/transcripts/donald-trump-interview-hugh-hewitt-september-7-2023/>
73. Interview with Will Cain // The Will Cain Show. – 12.01.2022. Режим доступа: <https://www.rev.com/transcripts/donald-trump-interview-on-the-will-cain-show/>
74. Donald Trump Interview with Diana Glebova // New York Post. – 20.08.2024. Режим доступа: <https://nypost.com/video/exclusive-interview-donald-trump-speaks-with-the-post-amid-dnc/>
75. Donald Trump Interview with Newsmax (Greg Kelly Reports) // Newsmax. – 06.04.2021. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=F8dY9X9IH1E>
76. Donald Trump Interview with Dan Bongino // Rumble. – 14.09.2022. Режим доступа: <https://rumble.com/v1example>
77. Jose Diaz-Balart of Noticias Telemundo Interviews Donald Trump in Florida // Noticias Telemundo. – 10.07.2020. Режим доступа:

<https://www.rev.com/transcripts/donald-trump-jose-diaz-balart-noticias-telemundo-interview-transcript-july-10-2020/>

78. Donald Trump Interview with NewsNation (Chris Cuomo) // NewsNation. – 2024. Режим доступа: <https://www.newsnationnow.com/video/trump-interview>

79. Interview with Norah O’Donnell on “60 Minutes” // CBS News. – 31.10.2025. Режим доступа: <https://www.cbsnews.com/news/read-full-transcript-norah-odonnell-60-minutes-interview-with-president-trump/>

80. CBS News “Face the Nation” Full Transcript with President Donald Trump // CBS News. – 26.01.2025. Режим доступа: <https://www.cbsnews.com/news/face-the-nation-full-episode-transcript-01-26-2025/>

81. Interview with Trey Yingst at the Knesset // Fox News. – 13.10.2025. Режим доступа: <https://www.democrats.senate.gov/newsroom/trump-transcripts/transcript-president-trump-is-interviewed-by-trey-yingst-of-fox-news-at-the-knesset-101325>

82. Interview on “Squawk Box” with Joe Kernen // CNBC. – 05.08.2025. Режим доступа: <https://www.cnbc.com/2025/08/05/cnbc-transcript-president-of-the-united-states-donald-trump-speaks-with-cnbc-squawk-box-today.html>

83. Interview with Sean Hannity (Telephone Interview) // Fox News. – 08.10.2025. Режим доступа: <https://www.democrats.senate.gov/newsroom/trump-transcripts/transcript-president-trump-is-interviewed-by-sean-hannity-live-on-the-telephone-10825>

84. Interview with Sabra Lane on ABC AM (TV interview with President Trump) // ABC AM. – 22.10.2025. Режим доступа: <https://www.foreignminister.gov.au/minister/penny-wong/transcripts>

85. Transcript: President Donald Trump interviewed by Greg Kelly on the Telephone // Newsmax. – 10.06.2025. Режим доступа: <https://www.democrats.senate.gov/newsroom/trump-transcripts/transcript-president-trump-is-interviewed-by-greg-kelly-of-newsmax-on-the-telephone-10625>

86. Transcript: President Donald Trump is interviewed by Sean Hannity Live on the Telephone // Fox News. – 10.08.2025. Режим доступа: <https://www.democrats.senate.gov/newsroom/trump-transcripts/transcript-president-trump-is-interviewed-by-sean-hannity-live-on-the-telephone-10825>

87. Norah O’Donnell Interviews Donald Trump on 60 Minutes // CBS News. – 02.11.2025. Режим доступа: <https://rollcall.com/factbase/trump/transcript/donald-trump-interview-60-minutes-november-2-2025/>

88. Interview: President Donald Trump with Kenny Albert and Jonathan Vilma on Fox Sports // Fox Sports (Veterans Day appearance). – 09.11.2025. Режим доступа: <https://rollcall.com/factbase/trump/transcript/donald-trump-interview-kenny-albert-jonathan-vilma-fox-sports-november-9-2025>

89. Interview on “Fox & Friends” (Phone Interview) // Fox & Friends. – 19.08.2025. Режим доступа: <https://www.democrats.senate.gov/newsroom/trump-transcripts/transcript-donald-trump-calls-in-for-an-interview-on-fox-and-friends-81925>

90. Interview with Terry Moran of ABC News // ABC News. – 29.04.2025. Режим доступа:

https://www.realclearpolitics.com/video/2025/04/29/full_video_president_trump_interview_with_abcs_terry_moran.html

91. Interview With Anderson Cooper and Dr. Sanjay Gupta // CNN Town Hall. – 21.07.2021. Режим доступа: <https://www.rev.com/transcripts/joe-biden-cnn-town-hall-transcript-july-21>

92. Interview With Andrea Mitchell on NBC News // NBC News. – 06.07.2022. Режим доступа: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/interview-with-andrea-mitchell-nbc-news>

93. Interview with John Harwood of CNN // CNN. – 29.07.2022. Режим доступа: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/interview-with-john-harwood-cnn>

94. Interview With Brian Tyler Cohen on the No Lie Podcast // No Lie Podcast. – 26.04.2023. Режим доступа: <https://www.rev.com/transcripts/joe-biden-interview-on-no-lie-podcast-with-brian-tyler-cohen-april-26-2023-transcript/>

95. Interview with The New York Times' David Sanger and Peter Baker // The New York Times. – 01.12.2023. Режим доступа: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/interview-with-david-sanger-and-peter-baker-the-new-york-times>

96. Interview with Anderson Cooper at a CNN Town Hall in Milwaukee // CNN Town Hall. – 16.02.2021. Режим доступа: <https://www.rev.com/transcripts/joe-biden-wisconsin-cnn-town-hall-transcript-february-16>

97. Full Interview With Norah O'Donnell of CBS News // CBS Evening News. – 28.04.2022. Режим доступа: <https://www.cbsnews.com/news/joe-biden-norah-odonnell-full-interview-transcript/>

98. Interview with Joe Madison on SiriusXM // SiriusXM. – 10.02.2023. Режим доступа: <https://joe-madison-the-black-eagle.simplecast.com/episodes/april-ryan-biden-state-of-the-union>

99. Joe Biden Interview with Enrique Acevedo of Univision // Univision. – 15.02.2024. Режим доступа: <https://www.rev.com/transcripts/joe-biden-univision-interview-transcript>

100. Interview with Nicolle Wallace of MSNBC // MSNBC. – 07.06.2022. Режим доступа: <https://www.rev.com/transcripts/joe-biden-msnbc-interview>

101. Interview with Michael Isikoff and Daniel Klaidman on the Skullduggery Podcast // Yahoo News. – 11.12.2020. Режим доступа: <https://www.rev.com/transcripts/joe-biden-yahoo-news-interview>

102. Interview with Jose Diaz-Balart of Telemundo Noticias // Telemundo. – 18.10.2020. Режим доступа: <https://www.rev.com/transcripts/joe-biden-telemundo-interview-transcript>

103. Joe Biden Interview with Al Roker // NBC News. – 04.02.2021. Режим доступа: <https://www.today.com/video/president-joe-biden-interview>

104. Joe Biden Interview with Erin Burnett // CNN. – 21.10.2022. Режим доступа: <https://edition.cnn.com/videos/politics/2022/10/21/biden-interview-erin-burnett>

105. Joe Biden Interview with David Muir // ABC News. – 09.02.2021.
Режим доступа: <https://abcnews.go.com/Politics/video/president-biden-interview-david-muir>
106. Joe Biden Interview with Rev. Al Sharpton // MSNBC. – 17.07.2021.
Режим доступа: <https://www.msnbc.com/video/president-biden-interview>
107. Joe Biden First Post-Presidential BBC Interview (criticism of Trump on Ukraine) // BBC Radio 4 “Today” (AP News) – 07.05.2025.
Режим доступа: <https://apnews.com/article/af02a823e986bf27baf34520c6c5b931>
108. Joe Biden 2024 Interview Transcript with TIME // Time.com – 05.06.2024. Режим доступа: <https://time.com/6984968/joe-biden-transcript-2024-interview/>
109. Joe Biden Final Sit-Down Interview with Lawrence O’Donnell // MSNBC. – 16.01.2025. Режим доступа: <https://www.msnbc.com/video/joe-biden-final-interview-lawrence-odonnell-2025>
110. CBS News “Face the Nation” Full Transcript with President Joe Biden // CBS News. – 09.03.2025. Режим доступа: <https://www.cbsnews.com/news/face-the-nation-full-transcript-03-09-2025/>